

ДЭН

Лауреат
премии «Хьюго»
1990 года

СИММОНС

ЭНДИМИОН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Гиперион

ДЭН СИММОНС

ЭНДИМИОН

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Симмонс Д.

Эндимион / Д. Симмонс — «Издательство АСТ»,
1995 — (Гиперион)

ISBN 978-5-17-121228-5

В этом романе, продолжающем знаменитую эпопею Дэна Симмонса, мы снова попадаем в мир ИскИнов, космических Бродяг, и великой реки Тетис, пересекающей множество миров. Трое отважных странников путешествуют по бесконечной реке в поисках овечьей легенды Старой Земли, и в тяжелом, смертельно опасном плавании им помогает таинственный Шрайк – Повелитель Боли и Ангел Окончательного Искупления.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-121228-5

© Симмонс Д., 1995
© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	47
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	69
Глава 14	72
Глава 15	77
Глава 16	80
Глава 17	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дэн Симмонс

Эндимион

Мы не должны забывать, что человеческий дух, сколь независимым ни представляла бы его философия, неотделим, в силу своего рождения и развития, от универсума, в котором возник.

П. Тейяр де Шарден

*Дайте, дайте,
Дайте же нам богов!
Мы так устали от людей
И от машин.*

Дэвид Г. Лоуренс

Глава 1

Право слово, зря вы это читаете.

Если вы читаете, потому что вам любопытно, каково любить мессию – нашего мессию, – прошу вас, отложите книгу, ибо в таком случае вы лишь немногим лучше любителя подсматривать.

Если потому, что без ума от «Песней» древнего поэта и вам не терпится узнать, что было дальше с теми, кто совершил знаменитое паломничество на Гиперион, моя книга вас разочарует. Я не знаю, что случилось с большинством из них. В конце концов, они жили за три столетия до моего появления на свет.

Если потому, что хотите постичь всю глубину посланий Той-Кто-Учит, вам снова не избежать разочарования. Дело в том, что она гораздо сильнее интересовала меня как женщина, а не как наставница или мессия.

И наконец, если вы читаете потому, что стремитесь узнать ее или даже мою судьбу, вы взяли в руки не тот документ. Разумеется, чему быть, того, как известно, не миновать; но у нее своя судьба, которая свершилась, когда меня рядом не было, а что касается моей собственной, сейчас, когда я пишу эти строки, близится последний миг...

Признаться, я несказанно удивлюсь, если вообще кто-либо прочтет мою писанину. Впрочем, жизнь удивляла меня и раньше. За несколько лет произошло столько невероятных событий, причем каждое мнилось невероятнее и неотвратимее предыдущего! Я пишу для того, чтобы поделиться воспоминаниями. Может быть, не то чтобы поделиться (эту рукопись почти наверняка никогда не найдут), но чтобы изложить ход событий и тем самым упорядочить его в памяти.

«Откуда мне знать, о чем я думаю, до тех пор, пока я не увижу написанного своей рукой?» – заметил как-то некий древний автор. Вот именно. Я должен видеть то, что написано о минувших годах, чтобы составить о них представление. Должен видеть, как события складываются в строчки, чувства выстраиваются в предложения и абзацы, а иначе не поверю, что все это было на самом деле и не с кем-нибудь, а со мной.

Если вы читаете по той же причине, по какой я пишу, – чтобы вычленить из хаоса последних лет какой-никакой порядок, чтобы попытаться структурировать череду более или менее случайных событий, оказывавших такое влияние на наши жизни, – тогда, быть может, вы читаете и не зря.

С чего начать? Со смертного приговора? Но с чьего – моего или ее? А если с моего, то с какого именно? Их ведь было несколько, выбирай любой. Наверно, с окончательного – так сказать, начнем с конца.

Я пишу эти строки в «кошачьем ящике» Шредингера, который вывели на орбиту вокруг Армагаста, где объявлен карантин. Ящик представляет собой гладкостенный эллипсоид, шесть на три метра в поперечнике, который я при всем желании не покину до самой смерти. Обстановка моего крохотного спартанского мирка такова: система рециркуляции воздуха и воды, койка, синтезатор пищи, узкая стойка, которая служит одновременно обеденным и письменным столом, а также туалет, раковина и душ, почему-то отделенные от всего остального пластиковой перегородкой. Учитывая, что меня никто не навещает, подобная забота о соблюдении приличий кажется насмешкой.

Я располагаю палетой и пером; дописав очередную страницу, переношу текст на микровелен, который производит система рециркуляции. Единственное, что меняется с течением времени в моем мирке, – толщина стопки веленевых листов.

В корпусе «ящика» спрятана капсула с отравляющим газом. Она вмонтирована в воздушный фильтр, и всякая попытка добраться до нее или проделать дыру в корпусе приведет к тому, что внутрь начнет поступать цианид. Кроме того, в статико-динамическом поле «ящика» находятся счетчик радиации, изотопный элемент и таймер. Мне не суждено узнать, когда именно таймер включит счетчик, когда крохотный изотоп лишится свинцовой оболочки, когда в камеру устремится поток частиц...

Но в ту секунду, когда это случится, я пойму, что счетчик заработал, и успею еще ощутить перед смертью запах горького миндаля.

Надеюсь, все произойдет быстро.

С технической точки зрения, если вспомнить древние загадки квантовой механики, я сейчас не жив и не мертв. Пребываю в подвешенном состоянии, плещусь в волнах вероятности, которые предназначались когда-то для кошки в мысленном эксперименте Шредингера. Поскольку корпус моей тюрьмы – не более чем сгусток «сжиженной» энергии, готовой вырваться на свободу при первой возможности, ни один человек не заглянет сюда, чтобы проверить, жив я или нет. Теоретически никто из людей ответственности за мою смерть не несет, ибо всем управляют непогрешимые законы квантовой механики, которые каждую микросекунду сначала осуждают меня, а затем – пока – милуют. Людей поблизости не найти.

Если не считать меня самого. Я внимательно наблюдаю за происходящим, ожидая, когда же наконец волны возможного наложатся друг на друга. Это не просто любопытство. В тот миг, когда послышится шипение газа, за мгновение до того, как цианид проникнет мне в легкие, поразит сердце и мозг, я узнаю, как устроена вселенная.

По крайней мере для меня. Если вдуматься, это главное во вселенной едва ли не для каждого человека.

А пока я ем и сплю, дышу и наведываюсь за перегородку – в общем, занимаюсь повседневными делами, которые моментально вылетают из памяти. Какая ирония – ведь сейчас я живу (если «жить» – подходящее слово) лишь для того, чтобы вспоминать и записывать то, что вспоминается.

Нет, не обессудьте, но зря вы читаете мою рукопись. Правда, так уж получается, что причина, по которой человек что-то делает, – вовсе не самое важное. Гораздо важнее сам факт, в данном случае – то, что я пишу, а вы читаете написанное мной.

С чего же начать? С нее? Вам, без сомнения, хочется узнать о ней поподробнее; кроме того, она – единственная, о ком я стремлюсь помнить. Однако начать, пожалуй, стоит с тех событий, которые свели нас вместе, а затем увлекли в странствие по вселенной.

Полагаю, начинать лучше с начала – то бишь с моего первого смертного приговора.

Глава 2

Меня зовут Рауль Эндимион. Я родился на Гиперионе в 693 году по местному календарю, или в 3099 году от Р.Х. по старому календарю «до Хиджры» – или, если, как то делает большинство в эпоху Мира, считать по-новому, 247 лет спустя после Падения.

Когда я странствовал с Той-Кто-Учит, обо мне говорили, будто я был пастухом. В том была доля истины. Мои родичи издавна пасли скот на пустошах и лугах в захолустье Аквилы, среди которых я вырос, и в детстве мне частенько приходилось им помогать. Какими славными кажутся теперь ночи под звездным небом Гипериона! В шестнадцать лет (по гипериионскому календарю) я сбежал из дома и завербовался в подчинявшиеся Ордену силы самообороны. За все три года скуки и маеты выпало одно-единственное, весьма сомнительное развлечение – на протяжении четырех месяцев мы сражались с урсиианскими повстанцами на Ледяном Когте. После демобилизации я работал вышибалой-крупье в едва ли не самом занюханном казино на Девяти Хвостах, в течение двух сезонов водил баржи в верховьях Кэнса, а потом разбивал сады в поместьях Клюва под руководством мастера-планировщика Эврола Юма. Впрочем, все эти профессии не очень-то красили человека, сопровождавшего Ту-Кто-Учит, в глазах поздних хронистов. Другое дело пастух, верно? Пастух, пастырь – чем не библейский сюжет?

Я не против, чтобы меня называли пастырем. Но на страницах этой рукописи я предстану перед вами пастырем, чья паства состояла всего лишь из одной, хоть и необычайно ценной овечки. Я ее не столько нашел, сколько потерял.

К тому времени, когда моя жизнь круто перевернулась и когда начали происходить события, о которых пойдет речь ниже, мне исполнилось двадцать семь лет. По гипериионским меркам я был высок ростом, выделялся среди сверстников мозолями на руках да любовью ко всякого рода завиральным идеям, а на жизнь зарабатывал тем, что водил охотничьи экспедиции по болотам вблизи залива Тоскахай, в сотне километров к северу от Порт-Романтика. Я успел узнать кое-что о сексе и гораздо больше об оружии, усвоил на собственной шкуре, что поступками мужчин и женщин руководит жадность, научился пользоваться кулаками и скромными умственными способностями, изнывал от неутоленного любопытства и был уверен только в том, что судьба почти наверняка не сулит великих потрясений.

Каким же я был глупцом!

Пожалуй, чтобы описать, что я собой в ту пору представлял, проще всего перечислить, чего я не делал. Я никогда не покидал Гиперион и даже не мечтал о том, чтобы оказаться в космосе. Разумеется, меня водили в соборы – ведь влияние Ордена распространялось и на захолустье вроде того, в которое переселилась моя семья после разорения города Эндимион, – однако я так и не стал верующим и не принял крещение. Обзаведясь кое-каким опытом общения с женщинами, я еще ни разу не влюблялся. Что касается образования, то, если не считать наставлений бабушки, свои знания я почерпнул самостоятельно из книг, которые я буквально глотал, а потому полагал, что знаю все на свете.

На деле же я ничего не знал.

И вот, в свое двадцатисемилетие, гордый собственным невежеством, непоколебимо уверенный в том, что существенных перемен в жизни не предвидится, я совершил поступок, за который меня приговорили к смерти и с которого началась моя настоящая жизнь.

* * *

Болота близ залива Тоскахай – грозившие гибелью неосторожному, насыщавшие воздух миазмами – существовали с незапамятных времен. Сотни богатых охотников, многие из кото-

рых прилетали с других миров, стремились туда, чтобы пострелять уток. Большинство протоуток вымерло вскоре после того, как их воскресили и выпустили с борта «ковчега» семь столетий тому назад, однако некоторые выжили и приспособились к климату на севере Аквилы. Вот за этими-то утками и охотились денежные мешки, у которых я работал проводником.

Мы четверо – я и три моих товарища-проводника – обосновались на заброшенной фибропластовой плантации, которая находилась на узком перешейке между болотами и притоком Кэнса. Другие проводники в отличие от меня еще ловили рыбу и загоняли крупную дичь, но я предпочитал уток. Болота представляли собой заросли полутропических челмы и плотинника, над выступавшими из воды нагромождениями камней возвышались гигантские стволы прометея; ранней осенью слегка подсыхавшие топи изобиловали утками, которые отдыхали здесь на пути с южных островов к озерам, расположенным на северной оконечности плато Пиньон.

Я разбудил охотников за полтора часа до рассвета, приготовил завтрак из тостов с джемом и кофе, но четыре толстяка-бизнесмена не оценили моей любезности – уплетая за обе щеки, они наперебой бранились и ворчали. Пришлось им напомнить, чтобы проверили оружие: у троих были дробовики, а четвертый оказался глуп настолько, что прихватил с собой древнюю лазерную винтовку. Пока они ели, я успокаивал Иззи – самку лабрадора, которая была у меня со щенков. Собака догадывалась, что мы идем на охоту, а потому едва сдерживала нетерпение.

Мы забрались в плоскодонку и покинули плантацию при первых проблесках света. В темных туннелях под переплетением ветвей серебрились легкие паутинки. Я отталкивался шестом, а охотники – Ролмен, Херриг, Рушомин и Поняску – сидели на носу и горячо что-то обсуждали. Нас разделяли сложенные горкой «плавающие островки» – вогнутые пластиковые диски. На Ролмене и Херриге были дорогие пончо «хамелеон», менявшие расцветку по желанию хозяина; правда, ни тот, ни другой не торопился хвастаться своей экипировкой – видимо, им хотелось забраться в болота поглубже. Когда мы приблизились к заводу, где гнездились утки, я попросил охотников разговаривать потише. Все четверо испепелили меня взглядами, однако сначала понизили голоса, а потом и вовсе замолчали.

К тому моменту посветлело настолько, что при желании можно было читать. Я спустил на воду островки, надел латаный-перелатаный комбинезон и соскользнул в болотную жижу. Иззи сунулась было следом, но я жестом велел ей оставаться в лодке. Собака неохотно подчинилась.

– Пожалуйста, дайте мне ваш дробовик, – попросил я у Поняску. Все эти охотнички, как правило, с трудом сохраняли равновесие, перебираясь из лодки на островок; потому я и забирал у них оружие, чтобы, неровен час, чего не вышло. Вот стервец! Ясно ведь было сказано – ружей не заряжать и держать на предохранителе, а у него и патрон в стволе, и предохранитель спущен... Я вытащил патрон, поставил винтовку на предохранитель, сунул ее в водонепроницаемый мешок у себя за спиной и подождал, пока Поняску переползет на островок. Затем велел остальным ждать и, волоча островок за собой, стал продираться сквозь заросли челмы. Разумеется, охотники могли бы подыскать себе укрытия и сами, однако тут хватало мест, где трясина могла проглотить плот вместе с охотником и даже не поморщиться; вдобавок на болотах обитали кроваво-красные клещи-дракулы, которые так и норовили упасть с ветки дерева на любой движущийся объект. Кроме того, здесь водились ленточные змеи, которых неопытный человек запросто мог перепутать по окраске с побегами челмы, и хищные рыбы, способные с ходу откусить вам палец. В общем, сюрпризов имелось в достатке. И потом, я знал по опыту, что горе-охотнички, позволь я им расположиться где вздумается, встанут так, что вместо уток примутся палить друг в друга. А этого допускать никак не следовало.

Я укрыл Поняску в зарослях на южном краю завода, показал ему, где встанут другие охотники, предупредил, чтобы он не начинал стрелять, пока я не разберусь с остальными, и вернулся обратно. Рушомин занял позицию метрах в двадцати справа от Поняску, Ролмен удобно расположился чуть поодаль. Оставался только тип с лазерной винтовкой, месье Херриг.

Солнце должно было взойти минут через десять.

– Наконец-то соизволил! – буркнул толстяк, завидев меня. Он уже успел самостоятельно перебраться на плот, замочив свои хамелеоновые штаны. Неподалеку от лодки на поверхности воды лопались пузырьки метана, что указывало на трясину, поэтому мне всякий раз, когда я уходил и возвращался, приходилось делать крюк. – Тебе платят не за то, чтобы ты гноил порядочных людей в этом дерьме!

Я кивнул, протянул руку, вытащил у него изо рта зажженную сигару и швырнул ее в воду – подальше от пузырьков метана.

– Утки чувят запах дыма, – объяснил я, делая вид, что не замечаю разинутого рта и багровеющих щек, после чего поволок плот к намеченному месту, раздвигая грудью оранжево-красные водоросли.

Херриг стиснул в руках свою бесполезную винтовку и свирепо уставился на меня.

– Парень, следи за своим паршивым языком, не то я тебе его выдеру.

Из-под пончо и расстегнутой рубашки виднелось висевшее у него на шее золотое распятие, а чуть пониже – красная складка крестоформа. Месье Херриг принадлежал к воскрешенным христианам.

Я хранил молчание до тех пор, пока плотик не оказался слева от зарослей, в которых сидел Поняску. Теперь охотнички могли палить сколько угодно без опаски подстрелить друг друга.

– Поднимите защитный тент, – сказал я, привязывая веревку, за которую тащил плот, к корню челмы.

Херриг фыркнул, однако развернул камуфляжный тент.

– Подождите немного, – прибавил я. – И не стреляйте вон в ту сторону, иначе попадете в меня.

Ответа не последовало.

Я пожал плечами и вернулся к лодке. Иззи сидела на месте, но по тому, насколько она была напряжена, я понимал, что мыслями лабрадор носится по болоту, как щенок. Я потрепал собаку по загривку.

– Потерпи, осталось совсем чуть-чуть.

Она восприняла мои слова как разрешение встать и перебежала на нос.

Серебристые паутинки куда-то исчезли, на небе гасли следы метеоритов. На востоке возникла молочно-белая полоса. Симфония, которую исполняли насекомые и амфибии, стихла, ее сменили утренние песни птиц да вздохи трясины. Небеса постепенно приобретали лазурный оттенок.

Я завел лодку под стебли челмы, жестом велел Иззи не высовываться и достал из-под скамьи приманку. У берега заводи виднелась ледяная корка, но в середине вода была чистой и повсюду доходила мне только до груди. Я разместил муляжи, включил поочередно каждый из них и едва успел возвратиться к плоскодонке до того, как появились утки. Первой их учуяла Иззи – насторожилась, повела носом, словно ветер принес запах. Секундой позже донесся шелест крыльев. Я подался вперед, слегка раздвинув стебли.

Посреди заводи плавали мои муляжи. Один из них выгнул шею и закричал в тот самый миг, когда над деревьями с юга показались настоящие утки. Три птицы оторвались от стаи, распростерли крылья, замедляя полет, и, будто по невидимым рельсам, соскользнули к воде.

Как то со мной бывало всегда, я ощутил невольный трепет; к горлу подкатил комок, сердце пропустило удар, потом забилось вдвое чаще и вдруг заболело. Я провел большую часть жизни в глухих местах, как говорится, наедине с природой, и, казалось бы, должен был привыкнуть ко всему, но это невыразимо прекрасное зрелище всякий раз лишало меня дара речи. Иззи будто превратилась в статую из слоновой кости.

Раздался выстрел. Заговорили три дробовика, владельцы которых будто состязались, кто выстрелит быстрее. Затем над болотом сверкнул лиловый разряд лазера.

В первую утку угодили, должно быть, сразу две или три пули: птицу буквально разорвало на части. Второй попали в крыло, и она, мгновенно утратив всю красоту и грациозность, плюхнулась в воду. Третья метнулась вправо, пролетела по-над заводью и начала набирать высоту. По зарослям челмы хлестнул луч лазера, этакий бесшумный серп, потом вновь загрохотали ружья, однако птица, похоже, все рассчитала – она камнем упала вниз, выровняла полет у самой поверхности заводи и полетела в нашу с Иззи сторону.

Расстояние от нее до воды составляло не больше двух метров. Она мерно взмахивала крыльями, каждое движение, казалось, было подчинено единственному желанию – спастись. Я сообразил, что утка собирается пролететь под деревьями – там, где начиналась уводящая к плантации протока. Несмотря на то, что птица находилась точно между моими охотничками, они продолжали стрелять.

Я вытолкнул лодку из зарослей и командирским голосом, который приобрел в бытность сержантом сил самообороны, рявкнул: «Прекратить огонь!» Двое подчинились, однако третий дробовик и лазерная винтовка по-прежнему палили вовсю. Утка пролетела в метре слева от плоскодонки.

Иззи вздрогнула, разинула пасть, словно удивляясь такому нахальству. Наконец замолчал и третий дробовик, но лиловый луч лазера неумолимо надвигался на нас сквозь облако тумана. Я крикнул снова и потянул Иззи вниз, на дно лодки.

Утка резко свернула в сторону и устремилась вверх. Внезапно запахло озоном, нос лодки рассекла безупречно прямая лиловая линия. Я схватил Иззи за ошейник и подтянул собаку поближе к себе.

Лиловый луч прошел в каком-то миллиметре от моих пальцев. Во взгляде Иззи мелькнуло недоумение, на оскаленной морде появилось озадаченное выражение; она наклонила голову, чтобы, как в ту пору, когда была щенком и чувствовала, что в чем-то провинилась, прижаться к моей груди. Голова собаки отделилась от туловища и с тихим плеском упала за борт. Я все еще держал Иззи за ошейник, ее передние лапы упирались мне в грудь... Затем из шеи лабрадора фонтаном забила кровь, и я откатился в сторону, отпихнув обезглавленное тело. Кровь была теплой и горьковатой на вкус.

Лазерный луч срезал ветку челмы в метре от лодки, а потом пропал, как будто его и не было.

Я сел и взглянул на месье Херрига, находившегося на противоположном конце заводи. Толстяк раскуривал сигару, винтовка лежала у него на коленях. Сигарный дым смешивался с клубами поднимавшегося над заводью тумана.

Я соскользнул в воду и направился к Херригу.

Когда я приблизился, он взял винтовку в руки и проворчал, не вынимая изо рта сигары: – Ну что, ты подберешь моих уток или допустишь, чтобы они...

Я схватил его левой рукой за пончо и дернул на себя. Он попытался перехватить винтовку, но я опередил – вырвал у него оружие и швырнул в воду. Он закричал, сигара упала на плот. Я стащил его в болото. Херриг вынырнул, выплюнул изо рта водоросль, и тут я врезал ему в челюсть, выбив сразу несколько зубов (и разодрав себе кожу на костяшках пальцев). Херриг ударился головой о край плотика и вновь скрылся под водой.

Я подождал, пока его физиономия не возникнет на поверхности подобно перевернувшейся вверх брюхом рыбине, а затем принялся топить, наблюдая за пузырьками. Остальные три охотника завопили со своих плотов, но я не обращал на них ни малейшего внимания.

Когда Херриг кончил дергаться, а пузырьки почти перестали появляться на поверхности, я отпустил ублюдка и сделал шаг назад. На какой-то миг мне показалось, что он уже не всплывет, но в следующую секунду толстяк вынырнул и вцепился в край плотика. Его начало рвать. Я отвернулся и жестом подозвал прочих.

– На сегодня хватит. Давайте мне ваши ружья. Мы возвращаемся.

Каждый из них раскрывал рот, чтобы возразить, но, перехватив мой взгляд и посмотрев на залитое кровью лицо, покорно протягивал дробовик.

– Прихватите своего приятеля, – сказал я Поняску и вернулся к лодке, где разрядил дробовики и засунул их в водонепроницаемый отсек на носу, а патроны сложил на корме. Потом спустил за борт начавший уже коченеть труп Иззи, бросил взгляд на лужу крови на дне лодки и встал, опираясь на шест.

Охотники подтащили свои плотики и тот, на котором распростерся Херриг. Толстяк был по-прежнему бледен. Перебравшись в плоскодонку, они принялись втягивать на борт плотики, но я их остановил.

– Не надо. Привяжите к корням. Я вернусь за ними завтра.

Троица подчинилась, затем втащила в лодку Херрига, походившего на жирную рыбину. Царившую на болотах тишину нарушали только пение птиц, трескотня насекомых и звук, с каким Херриг то и дело перегибался через борт. Охотники сразу же начали перешептываться между собой. На плантацию мы возвратились в то мгновение, когда лучи солнца разогнали последние облачка тумана над темной водой.

На том я, собственно, и закончил бы, если бы то был конец.

Я обедал в помещении, которое служило кухней, когда месье Херриг выскочил из своей палатки, размахивая армейским иглометом. На Гиперионе такое оружие было вне закона, Орден разрешал им пользоваться только силам самообороны. Остальные три охотника провожали Херрига изумленными взглядами.

Херриг ввалился на кухню. От него за метр разило виски. Он не устоял перед соблазном и перед тем, как прикончить меня, решил произнести короткую, но пламенную речь:

– Ах ты, язычник, сукин сын...

Я не стал дожидаться продолжения и в тот самый миг, когда он выстрелил с бедра, кинулся на пол.

Шесть тысяч стальных игл разнесли в клочья печку, кастрюлю с жарким, раковину, окно над раковиной, полки и стоявшую на них посуду. Меня всего обсыпало кусочками пищи, осколками пластика, фарфора и стекла. Когда Херриг нагнулся, чтобы выстрелить в упор, я схватил его за ноги.

Он повалился навзничь, выбив из половых досок пыль, накопившуюся в них за добрый десяток лет. Я ударил его в пах и стиснул ему запястье, намереваясь выхватить пистолет. Однако он намертво вцепился в рукоять, а палец по-прежнему держал на спусковом крючке. Я услышал, как с тихим гудением встала на место новая обойма. От Херрига пахло виски и табаком; он победно ухмыльнулся и с трудом, но нацелил ствол на меня. Я перехватил руку толстяка, и мало-помалу ствол пистолета уткнулся в складки жира у него под подбородком. Наши взгляды скрестились за мгновение до того, как он сам, пытаясь высвободиться, нажал на спуск...

Я объяснил одному из охотников, как работает рация, и вскоре на лужайку перед кухней опустился скиммер службы безопасности. На Аквиле имелась от силы дюжина таких скиммеров, поэтому вид черного летательного аппарата действовал отрезвляюще, если не сказать больше.

Мне надели наручники, присобачили к виску нейроконтроллер и затолкали в камеру в задней части скиммера. Я сидел там, обливаясь потом, а агенты службы безопасности, все как один прошедшие специальную подготовку, собирали по кусочку, соскребали со стен и пола то, что осталось от черепа Херрига. Потом, собрав все, что удалось найти, и допросив трех охотников, они погрузили тело на борт скиммера. Загудел двигатель, начали вращаться лопасти винтов, вентиляторы швырнули мне в лицо струю прохладного воздуха – очень вовремя, я чуть

было не задохнулся от жары и духоты. Скиммер взмыл в воздух, сделал круг над плантацией и полетел на юг, в направлении Порт-Романтика.

Суд состоялся шесть дней спустя. Ролмен, Рушомин и Поняску показали, что я оскорбил Херрига на пути к заводу, а по прибытии на место напал на него. Собака, по их версии, погибла в суматохе, которая началась из-за моего безобразного поведения. Далее они заявили, что, когда все вернулись на плантацию, я стал размахивать иглометом (а это оружие, как известно, не может принадлежать частному лицу) и грозился убить всех четверых. Херриг попытался отнять у меня оружие, и тогда я застрелил его в упор, в буквальном смысле слова сорвав ему голову с плеч.

Последним давал показания сам Херриг. Бледный, еще не успевший как следует прийти в себя после воскрешения, которое состоялось три дня тому назад, облаченный в строгий деловой костюм, он дрожащим голосом подтвердил слова прочих свидетелей и красочно описал, как все было. Адвокат, предоставленный мне судом, даже не стал ни о чем его спрашивать. А о таких вещах, как «правдосказ» и все остальные химические и электронные средства дознания, не могло быть и речи: ведь свидетели принадлежали к воскрешенным христианам и были на хорошем счету у Ордена. Я вызвался пройти сканирование, однако прокурор заявил, что не видит в том необходимости, и судья с ним согласился, а мой адвокат снова промолчал.

Присяжных не было и в помине. Приговор выносил судья, который потратил на размышления от силы минут двадцать. Меня признали виновным и приговорили к смертной казни.

Я попросил отложить казнь до того дня, когда в Порт-Романтик смогут прибыть, чтобы попрощаться со мной, мои родичи с северной оконечности Аквилы. Мне было отказано. Казнь назначили на утро следующего дня.

Глава 3

Вечером ко мне пришел священник из местного монастыря, назвавшийся отцом Цзе, – невысокого роста, с редяющими светлыми волосами. Он слегка заикался и, похоже, почему-то нервничал, но, войдя в камеру для допросов, взмахом руки отослал охранников.

– Сын мой, – произнес он, и я с трудом удержался от улыбки: священник был вряд ли многим старше меня. – Сын мой, готов ли ты предстать перед Господом?

Я передернул плечами.

– Ты отринул Господа, так? – дрожащим от волнения голосом справился отец Цзе, пожевывая нижнюю губу.

Мне вновь захотелось пожать плечами, но я подавил это желание и ответил:

– Я всего лишь отказался от крестоформа.

– Сын мой, это одно и то же. – В голосе священника прозвучали умоляющие нотки. – О том поведал сам Господь.

Я промолчал.

– Ведомо ли тебе, что если ты раскаешься и примешь веру Господа нашего Иисуса Христа, то через три дня воскреснешь по неизреченной милости Вседержителя? – Отец Цзе опустил требник и прикоснулся к моей руке. – Ведомо ли тебе о том, сын мой?

Я поглядел на него в упор и почувствовал вдруг, что смертельно устал – три ночи подряд в соседней камере кто-то заходился в крике, поэтому заснуть не было ни малейшей возможности.

– Ведомо, святой отец. Я знаю, как действует крестоформ.

Священник сокрушенно покачал головой:

– Сын мой, мы говорим не о крестоформе, а о милости Господней.

– Понятно. Скажите, святой отец, а вы сами проходили через воскрешение?

Священник потупился:

– Пока еще нет, сын мой. Но я не боюсь этого дня. – Он снова посмотрел на меня. – И тебе тоже не следует его бояться.

Я на мгновение прикрыл глаза. Откровенно говоря, последнюю неделю я думал как раз о том, о чем он сейчас вещал.

– Послушайте, святой отец, я не хочу оскорбить ваши чувства, но мне думается, что время отказываться от решения, которое я принял несколько лет назад, пока не настало. Крестоформ не для меня.

Отец Цзе подался вперед, глаза его засверкали.

– Сын мой, обратиться в истинную веру никогда не поздно, вот только завтра утром у тебя уже не останется такой возможности. Твое тело бросят в море, где оно станет пищей для мерзких тварей...

– Знаю, – отозвался я. – Мне известно, какая участь ожидает осужденного на казнь, который отказывается от воскрешения. Однако с меня достаточно этого. – Я постучал по нейроконтроллеру у себя на виске. – Или вам нужно, чтобы человек стал бессловесным рабом?

Отец Цзе отшатнулся, будто я его ударил.

– Разве посвятить жизнь Господу означает сделаться рабом? – Я настолько рассердил священника, что он даже перестал заикаться. – Миллионы людей приняли крещение задолго до того, как Господь в своей милости даровал нам возможность воскрешения еще при этой жизни. Миллиарды принимают крещение каждый Божий день. – Он встал. – Выбирай, сын мой. Либо вечный свет и долгая-долгая жизнь во благе, либо вечный мрак преисподней.

Я пожал плечами и отвернулся.

Отец Цзе благословил грешника, печально и в то же время снисходительно попрощался, позвал охранников и вышел. Минуту спустя мой висок пронзила боль, и меня повели обратно в камеру.

Не стану докучать изложением мыслей, которые терзали меня в ту бесконечную осеннюю ночь. Мне было всего двадцать семь, я радовался жизни как мог, что порой оборачивалось неприятностями – правда, не настолько серьезными, как те, в какие я угодил ныне. Поначалу я прикидывал, можно ли бежать; так животное, которое посадили в клетку, скребет когтями стальные прутья. Тюрьма возвышалась на рифе под названием Жвало, посреди залива Тоскахай. Меня окружали стеклопластик, который невозможно разбить, и сталь, которую невозможно согнуть; гладкие стены, голые полы и потолки... Охранники были вооружены «жезлами смерти», и чувствовалось, что при необходимости они воспользуются ими не задумываясь. Даже если мне удастся выбраться наружу, нажатие кнопки на пульте дистанционного управления нейроконтроллером приведет к тому, что я рухну навзничь с приступом жесточайшей мигрени и не встану, пока за мной не явятся надзиратели.

С мыслью о бегстве я перешел к размышлениям о своей короткой, бесцельно прожитой жизни. Не то чтобы я о чем-то жалел, но и похвастаться мне было нечем. Чего добился Рауль Эндимион за двадцать семь лет прозябания на Гиперионе? Разве что, упрямый осел, недоумок, отказался от воскрешения...

«Ты должен использовать шанс, который предоставляет Орден, – шептал мне внутренний голос. – Новая жизнь, причем не одна! Как можно отвергать такую возможность? Все лучше, нежели настоящая смерть... чем разлагающийся труп, пища для целакантов и кольчатых червей. Подумай, подумай как следует». Я закрыл глаза и попытался заснуть, чтобы избавиться от этого надоедливого советчика.

Ночь длилась целую вечность, однако рассвет все равно наступил раньше, чем следовало... Четыре охранника отвели меня в камеру, где приводились в исполнение приговоры, усадили в деревянное кресло, пристегнули ремнями и ушли, заперев за собой стальную дверь. Оглянувшись через плечо, я различил за стеклопластиковой перегородкой человеческие лица. Почему-то мне казалось, что священник – вовсе не обязательно отец Цзе, любой представитель Церкви – должен снова завести разговор о крещении. Однако ничего подобного не произошло, и я в глубине души даже обрадовался. Не могу ручаться, что не передумал бы в последний момент.

Способ казни отличался простотой и безупречностью; не настолько эффектный, как «ящик Шредингера», он тем не менее позволял добиваться отличных результатов. На стене висел нейродеструктор ближнего боя, нацеленный на то самое кресло, к которому пристегнули меня. Я видел алый индикатор подсоединенного к оружию комлога. Еще в зале суда товарищи по несчастью охотно и во всех подробностях описали мне методику казни. В процессоре комлога имелся генератор случайных чисел. Стоило ему выдать простое число меньше семнадцати, включался «жезл смерти». Отсюда следовало, что комок серого вещества, заключавший в себе личность и воспоминания Рауля Эндимиона, просто-напросто расплавится, превратится в нечто вроде кучки радиоактивного шлака. Миллисекунды спустя откажут и автономные функции. Сердце остановится и дыхание пресечется едва ли не в тот самый миг, когда будет уничтожен мой мозг. Специалисты утверждали, что погибнуть от нейродеструктора – наименее мучительный вариант смерти. Те, кто пережил после этого воскрешение, не распространялись о своих ощущениях, однако по тюрьме гулял слух, что голова буквально раскалывается – как будто лопаются одновременно все сосуды.

Я не сводил взгляда с комлога и «жезла смерти», рядом с которым стоял цифровой дисплей, где то и дело возникали новые комбинации чисел. Этакий указатель этажей на лифте

в преисподнюю. 26–74–109–19–37. Похоже, процессор запрограммирован не выдавать чисел больше 150. 77–42–12–60–84–129–108–14...

Я отвернулся, стиснул кулаки, задержался на кресле, пытаюсь хоть немного ослабить пластиковые ремни, и принялся выкрикивать ругательства, проклиная на чем свет стоит тюремные стены и физиономии за перегородкой, поганую Церковь с ее вшивым миропорядком, гнусного выродка, который убил мою собаку, и тех треклятых трусов...

Не знаю, какое число появилось на дисплее. Я не заметил и не услышал, как загудел нейродеструктор. Однако я кое-что почувствовал: в затылке возникло онемение, которое быстро распространилось по всему телу. Признаться, я пораился, что ощутил хотя бы это. «Специалисты ошибались, – подумалось мне, – человек в состоянии почувствовать свой конец». Если бы не онемение, накатившее волной, я бы, наверно, засмеялся.

В следующий миг черные воды забытья увлекли меня за собой.

Глава 4

Очнувшись и поняв, что жив, я поначалу ничуть не удивился. Если вдуматься, чему тут удивляться – вот если бы я очнулся и обнаружил, что мертв... Короче говоря, я не ощущал ни малейшего неудобства, за исключением легкого покалывания в конечностях, и лежал себе, наблюдая, как солнечный свет крадется по грубо оштукатуренному потолку, – до тех пор, пока неожиданная мысль не заставила меня сесть.

Минуточку! Разве я не?.. Разве меня...

Я огляделся по сторонам. Если мне и казалось, что казнь произошла во сне, аскетическая обстановка комнаты начисто рассеяла подобные заблуждения. Комната имела форму эллипса, стены были выбелены известкой, потолок покрывал толстый слой штукатурки. Единственным предметом мебели была кровать, а сероватое постельное белье фактурой напоминало штукатурку. В стене виднелась массивная деревянная дверь – естественно, закрытая; напротив располагалось распахнутое настежь сводчатое окно. Бросив взгляд на лазурное небо, я удостоверился, что по-прежнему нахожусь на Гиперионе. Вот только это вовсе не тюрьма Порт-Романтика: слишком уж древние тут стены, слишком затейлива резьба на двери, да и постельное белье заведомо лучше тюремного.

Я встал и, не обращая внимания на то, что на мне нет ровным счетом никакой одежды, подошел к окну. Задувал прохладный ветерок, однако солнце еще пригревало. Выглянув из окна, я увидел, что нахожусь в каменной башне. К горизонту уходила гряда холмов, верхушки которых венчали густые заросли челмы и плотинника, а на скалистых участках рос вечно-лубой кустарник. Вдалеке, на гребне, на котором возвышалась башня, можно было различить стены, бастионы и очертания другой башни. Судя по внешнему виду, эти сооружения возвели задолго до Падения; в них ощущались те вкус и умение, какие отличали древних.

Я сразу сообразил, куда меня занесло: челма и плотинник подтверждали, что я не покидал Аквилы, а пленительные в своей древности руины свидетельствовали, что я очутился в покинутом городе Эндимион.

Признаться, я ни разу не бывал в городе, название которого стало моей фамилией, однако многожды слышал о нем от бабушки, знавшей множество самых разных историй. Эндимион возник вскоре после крушения «ковчега», случившегося без малого семьсот лет тому назад. До Падения он славился своим университетом – огромным, похожим на замок сооружением, что возвышалось на холме над городом. Дед бабушкиного прадеда преподавал в университете еще до того, как войска Ордена захватили центральную часть Аквилы, был отдан приказ об эвакуации и тысячам людей пришлось покинуть родные места.

И вот я здесь.

Дверь открылась, и вошел мужчина – лысый, с голубой кожей и небесно-голубыми глазами. Он принес нательное белье и костюм из той же ткани, что и простыни.

– Будьте добры одеться, – произнес он.

Я таращился на него, пока он не вышел в коридор. Голубая кожа, ярко-голубые глаза, полное отсутствие волос... Первый андроид, которого я увидел воочию! А ведь спроси меня кто-нибудь пять минут назад, я бы поклялся чем угодно, что на Гиперионе нет ни единого андроида. Изготавливать андроидов запретили законом еще до Падения, и хотя Печальный Король Билли именно с их помощью выстроил большинство городов на севере, мне не доводилось слышать о том, что они остались на нашей планете. Я тряхнул головой и принялся одеваться. Несмотря на то что фигура у меня была нетипичная – чересчур широкие плечи, длинные ноги, – костюм сидел как влитой.

Одевшись, я вновь подошел к окну, и тут в дверном проеме снова возник андроид, который сделал приглашающий жест:

– Сюда, месье Эндимион.

Я подавил желание пристать к нему с расспросами, поднялся следом за ним по лестнице и очутился в помещении, которое занимало целый этаж. Солнечные лучи проникали внутрь сквозь желто-красные витражные стекла. Одно из окон было распахнуто, снаружи доносился шелест листьев.

Обстановка была не менее скудной, чем у меня в комнате, если не считать разнообразного медицинского и прочего оборудования. Андроид ушел, а мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что все это оборудование предназначается для человека.

По крайней мере он показался мне человеком.

Мужчина лежал на пенолитовой «летающей кровати», положение которой отрегулировали таким образом, чтобы изголовье находилось значительно выше изножья. От оборудования к нему тянулись многочисленные трубки (некоторые выглядели точь- в-точь как пиявки); чуть поодаль мерцали экраны мониторов. Тело высохшее, едва ли не мумифицированное, морщинистая кожа пошла складками, на почти лысой голове виднелись пятна, руки и ноги производили впечатление рудиментарных отростков. Мне почему-то подумалось, что он похож на еще не оперившегося птенца, выпавшего из гнезда. Кожа мужчины отливала голубым, и я было решил, что передо мной второй андроид, но потом заметил, что оттенки голубого сильно различаются. А когда обратил внимание на то, что от ладоней, грудной клетки и лба исходит слабое свечение, догадался, что вижу человека, познавшего, и не раз, все прелести – или муки – поульсенизации.

Но ведь сейчас ее не делают! Технологию утратили во время Падения заодно с сырьем, что поступало к нам из других, затерянных в пространстве миров. Во всяком случае, так я думал. Однако вот человек, которому несколько сотен лет и который, судя по его виду, прошел поульсенизацию всего лишь лет тридцать-сорок назад.

Мужчина открыл глаза.

Впоследствии мне доводилось встречать не менее властные взгляды, но тогда он застал меня врасплох. Кажется, я попятился.

– Подойди поближе, Рауль Эндимион, – произнес мужчина. Голос был такой, словно кто-то тупым пером царапал пергамент, а губы человека, когда он говорил, складывались в некое подобие черепашьего клюва.

Я приблизился почти вплотную, теперь нас разделяла только консоль передатчика. Старик моргнул, поднял костлявую ладонь, слишком массивную на вид для тонкого, будто ветка, запястья.

– Знаешь, кто я такой? – прошептал он.

Я покачал головой.

– А где находишься, знаешь?

– В Эндимионе, – ответил я, сделав глубокий вдох. – По-моему, на территории университета.

Старик усмехнулся беззубым ртом:

– Молодец. Узнал, значит, город, от которого получил фамилию. Но кто такой я, ты даже предположить не можешь?

– Нет.

– И не хочешь спросить, каким образом выжил после казни?

Я слегка расслабился, ожидая продолжения.

– И впрямь молодец. – Мужчина снова усмехнулся. – Кто умеет ждать, тот добьется своего... К тому же это не слишком интересно – взятки высоким чинам, станнер вместо нейроструктура, взятки тем, кто подтверждает летальный исход и избавляется от тела. Насколько я понимаю, Рауль Эндимион, вопрос «как» нас не заботит, верно?

– Верно, – согласился я. – Важно не как, а зачем.

Старик кивнул. Мне бросилось в глаза, что, несмотря на возраст, его лицо не разгладилось, сохранило присущие более молодым резкие, угловатые черты. Кстати, лицом старик смахивал на сатира.

– Вот именно. В самом деле, зачем? Какого хрена разыгрывать казнь и тащить твою долбаную тушу на другой конец долбаного континента? – Ругательства, которыми он вдруг начал сыпать, не казались особенно грубыми. Как будто старик уснащал ими свою речь так долго, что они превратились в естественное дополнение к остальным словам. – Я хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Согласен?

Дышал старик тяжело, со свистом. По трубкам внутривенного питания текла прозрачная жидкость.

– А разве у меня есть выбор?

Старческие губы растянулись в улыбке, однако глаза оставались холодными, как камень стен.

– Мальчик, выбор есть всегда. Ты вполне можешь наплевать на то, что обязан мне жизнью, повернуться и уйти. Никто тебя не остановит. Если повезет, ты рано или поздно доберешься до цивилизованных земель и сумеешь избежать встречи с патрулями Ордена – иначе я не позавидую твоей участи, ведь официально ты мертв.

Я кивнул. Моя одежда вместе с хронометром, документами и удостоверением личности покоилась, скорее всего, на дне залива Тоскахай. Вот что значит практически не бывать в городах: я совсем забыл, сколь часто власти устраивают облавы. Ничего, стоит мне очутиться в любом из городов побережья, я тут же вспомню... Дурацкое положение; без удостоверения меня не возьмут даже пастухом, поскольку в нем ставятся отметки о взимании налога и десятины. Иными словами, придется до конца своих дней прятаться в глуши, перейти на подножный корм и избегать людей.

– А если выполнишь мое поручение, – продолжал старик, – то разбогатеешь. – Он сделал паузу и оглядел меня с головы до ног. Так профессиональные охотники изучают щенков, прикидывая, вырастут ли те в хороших охотничьих собак.

– Что я должен делать?

Старик опустил веки, хрипло вздохнул и, не открывая глаз, спросил:

– Ты умеешь читать, Рауль?

– Да.

– А читал ли ты поэму под названием «Песни»?

– Нет.

– Но слышал о ней, верно? Ведь ты из клана северных бродячих пастухов, значит, у вас должен быть свой рассказчик, который наверняка цитировал «Песни». – В его голосе прозвучали странные нотки: он словно о чем-то умолял.

Я пожал плечами:

– Я слышал отрывки. Мои родичи предпочитали «Роман о Саде» и «Сагу о Гленнон-Хайте».

Старик одарил меня козлиной ухмылкой.

– Говоришь, «Роман о Саде»? Помнится, героя-кентавра звали Раулем.

Я промолчал. Бабушке и впрямь нравились истории про этого кентавра. Она рассказывала их еще моей матери, когда та была маленькой.

– Ты веришь тому, что слышал? Я имею в виду, веришь «Песням»?

– Верю ли? – переспросил я. – В смысле, верю ли, что все происходило на самом деле? Что были паломники, был Шрайк и все остальные? – Я призадумался. Многие люди, насколько мне было известно, верили каждому слову «Песней». Многие же считали поэму нагромождением мифов и откровенной лжи, состряпанным, чтобы придать некую загадочность гнусной войне и

всеобщему смятению, которые ныне известны как Падение. – Честно говоря, никогда об этом не думал. А что, есть какая-то разница?

Старик будто поперхнулся. В следующий миг я сообразил, что он всего-навсего рассмеялся.

– Вообще-то нет. Слушай внимательно, я изложу тебе суть поручения. Когда я говорю, мои силы тают быстрее, поэтому не перебивай меня вопросами. – Он моргнул, указал на кресло, покрытое белой простыней. – Садись.

Я покачал головой и остался стоять, где стоял.

– Как хочешь. История начинается двести семьдесят с лишним лет назад, во время Падения. В «Песнях» говорится о паломниках. Среди них была женщина, Ламия Брон, моя хорошая знакомая. После Падения, после того, как погибла Гегемония и открылись Гробницы Времени, Ламия Брон родила дочь, которую называли Дианой. Однако малышке это имя не понравилось, и она сменила его, едва научившись говорить. Сначала стала Синтией, потом Кейт – уменьшительное от Гекаты, а затем, когда ей исполнилось двенадцать, заявила, что отныне все вокруг должны называть ее Темис. Когда мы виделись в последний раз, она величала себя Энеей. – Старик прищурясь поглядел на меня. – Имена чрезвычайно важны, постарайся это понять. Если бы Рауль Эндимион не получил фамилию по городу, который, в свою очередь, позаимствовал имя из древней поэмы, вполне возможно, он не привлек бы моего внимания и сейчас был бы мертв. Твоей плотью кормились бы кольчатые черви Великого Южного моря. Усвоил?

– Нет.

Старик покачал головой:

– Ничего страшного. На чем я остановился?

– Когда вы в последний раз виделись с девочкой, ее звали Энея.

– Правильно. – Старик снова прикрыл глаза. – Она была не то чтобы привлекательной, однако в ней чувствовалось нечто особенное. Это ощущал всякий, кого сводила с Энеей жизнь. Не испорченная, не избалованная, несмотря на чехарду с именами, а просто другая. – Он улыбнулся, обнажив розовые десны. – Скажи, Рауль Эндимион, ты встречал не таких, как все?

– Нет, – ответил я, лишь слегка погрешив против истины. Не таким, как все, был этот старик, но я знал, что он спрашивает о другом.

– Мать Кейт, то бишь Энеи, знала, что она особенная. По правде сказать, Ламия Брон знала о том еще до рождения ребенка... – Старик неожиданно замолчал, открыл глаза и уставился на меня. – Тебе знакома эта часть «Песней»?

– Да. Кибрид предсказал, что женщина по имени Ламия родит ребенка, а ребенок впоследствии станет Той-Кто-Учит.

– Дурацкое прозвище! – На мгновение мне показалось, что старик готов сплюнуть от отвращения. – Когда мы с Энеей общались, никто ее так не называл. Она была ребенком необычайно талантливым и своевольным, но не более того. Всякие «особенности» присутствовали только в потенциале. Но потом... – Его глаза будто подернулись поволокой. Похоже, он потерял нить разговора. Я терпеливо ждал. – Но потом умерла Ламия Брон, – произнес старик несколько минут спустя неожиданно окрепшим голосом. – А Энея исчезла. Я официально считался ее опекуном, поскольку ей было всего двенадцать, однако она исчезла без моего разрешения. Исчезла без следа, и больше я о ней не слышал.

В рассказе вновь возникла пауза, словно старик был не человеком, а машиной, которую время от времени требовалось заводить заново.

– На чем я остановился? – спросил он.

– На том, что Энея исчезла без следа.

– Точно. Весточек от нее я не получал, однако мне известно, куда она отправилась и где появится снова. К Гробницам Времени нынче не подобраться, их стерегут войска Ордена, но помнишь ли ты названия и предназначение Гробниц?

Я фыркнул, вспомнив, как натаскивала меня бабушка. Помнится, она казалась мне древней старухой. Но по сравнению с этой уродливой карикатурой на человеческое существо она выглядела сушим младенцем.

– Кажется, помню. Там был Сфинкс, Нефритовая Гробница, Обелиск, Хрустальный Монолит, где погребен солдат...

– Полковник Федман Кассад, – пробормотал старик. – Продолжай.

– Три Пещерных Гробницы...

– Из которых только третья ведет в лабиринты на других мирах, – снова перебил старик. – Орден перекрыл туда всякий доступ. Продолжай.

– Больше я ничего не помню... А, еще Дворец Шрайка!

– Верно, – усмехнулся старик. – Мы не должны забывать ни про Дворец, ни про нашего доброго приятеля Шрайка. Все?

– По-моему, да.

– Дочь Ламии Брон исчезла, войдя в одну из Гробниц. Догадываешься, в какую именно?

– Нет. – Вообще-то я догадывался, но решил не хвастаться сообразительностью.

– Спустя семь дней после смерти Ламии Брон девочка написала записку, глубокой ночью пробралась в Сфинкса и исчезла. Помнишь, куда ведет Сфинкс?

– В «Песнях» говорится, что с помощью Сфинкса Сол Вайнтрауб и его дочь перенеслись в далекое будущее.

– Правильно, – прошептал реликт на «летающей кровати». – До того как Орден захватил Долину Гробниц Времени и закрыл Сфинкса, им воспользовались Сол, Рахиль и некоторые другие. В былые дни многие пытались найти дорожку в будущее, однако Сфинкс словно выбирал, кому разрешить, а кому нет...

– Девочку он пропустил, – заметил я.

Старик фыркнул: очевидно, это разумелось само собой и не требовало иных комментариев.

– Рауль Эндимион, – прохрипел он, – догадываешься ли ты, что я собираюсь тебе поручить?

– Нет, – ответил я. Впрочем, у меня уже возникли определенные подозрения.

– Я хочу, чтобы ты нашел Энею. Нашел, защитил от Ордена, сопровождал до тех пор, пока она не повзрослеет и не станет той, кем должна стать, а затем передал ей послание. Я хочу, чтобы ты сказал ей: «Дядюшка Мартин умирает, и если хочешь застать его в живых, возвращайся домой».

Я постарался скрыть свое изумление. Честно говоря, я и сам сообразил, что передо мной поэт Мартин Силен, знаменитый автор знаменитых «Песней». Но как ему удалось пережить чистки, которые проводил на Гиперионе Орден, как он поселился в этих развалинах? Хотя существуют вещи, которых лучше не знать.

– То есть я должен отправиться на север, на Экву, пробиться в Долину Гробниц Времени, которую охраняют несколько тысяч солдат Ордена, пробраться в Сфинкса, надеясь, что он меня примет... Затем махнуть следом за девчонкой в будущее, поболтать там десяток-другой лет, после чего сообщить, что вы ждете ее в гости?

Установилась тишина, которую нарушало только гудение, исходившее от многочисленных приборов. Машины, так сказать, дышали.

– Верно, да не совсем, – изрек поэт. Я ждал. – Она не то чтобы отправилась в далекое будущее... По крайней мере сейчас оно уже не далекое. Войдя в Сфинкса двести семьдесят четыре стандартных года назад, Энея совершила короткий прыжок протяженностью ровно в двести шестьдесят два гипернионских года.

– Откуда вы это знаете? – справился я. Из книг, которые я прочел, следовало, что никто – даже ученые Ордена, которые изучали Гробницы на протяжении двух столетий, – не в состоянии предсказать, насколько далеко в будущее способен отправить человека Сфинкс.

– Знаю, – отозвался Силен. – Ты сомневаешься в моих словах?

– Значит, Энея выйдет из Сфинкса в этом году?

– Она выйдет оттуда через сорок два часа шестнадцать минут, – сообщил старый сатир. Признаюсь, я моргнул.

– Ее будет ждать Орден, которому время выхода Энеи известно с точностью до минуты. – Я не стал уточнять откуда. – Им необходимо захватить Энею. Они знают, что от этой девочки зависит будущее вселенной.

Я понял, что у поэта старческий маразм. Будущее вселенной зависит от такой ерунды!.. Потом меня как осенило, и я промолчал.

– В настоящий момент поблизости от Долины Гробниц Времени и в самой Долине находится около тридцати тысяч солдат Ордена. Приблизительно пять тысяч из них – швейцарские гвардейцы Ватикана.

Я присвистнул. Швейцарские гвардейцы представляли собой элиту армейской элиты – отборнейшие профессионалы, вооруженные по последнему слову техники. Дюжина гвардейцев в полной экипировке запросто справилась бы со всеми силами самообороны Гипериона численностью в десять тысяч человек.

– Итак, у меня сорок два часа, чтобы перебраться на Экву, пересечь Травяное море, перевалить через горы, расправиться с войсками Ордена и спасти девочку?

– Совершенно верно, – откликнулся поэт.

Мне захотелось закатить глаза, но я сдержался.

– А что потом? Спрятаться нам негде. Орден контролирует не только Гиперион, но и все космические линии и все планеты, входившие ранее в состав Гегемонии. Если Энея настолько для них важна, они перевернут Гиперион вверх дном, но найдут ее. Даже если нам удастся улететь, что просто невозможно, куда прикажете податься?

– Улететь вполне возможно, – устало произнес Силен. – У меня есть корабль.

Я судорожно сглотнул. Корабль! При одной только мысли о том, что я буду путешествовать в космосе, что проведу в нем месяцы, а на Гиперионе пройдут годы, если не десятилетия, у меня захватило дух. Я вступил в силы самообороны отчасти из-за детского желания стать однажды солдатом Ордена и летать от планеты к планете. Для юнца, который уже успел отказаться от крестоформа, желание было глупее не придумаешь.

– Тем не менее... – Я не слишком-то поверил Силену. Ни один из капитанов грузового флота не примет на борт тех, кто бежит от Ордена. – Они найдут нас где угодно, на любой планете. Или вы хотите, чтобы мы болтались в космосе?

– Нет. Ничего подобного. Корабль доставит вас на одну из соседних планет, входивших когда-то в Гегемонию. Дальше вы отправитесь другой дорогой, увидите множество древних миров. Поплывете по реке Тетис.

Я понял, что старик окончательно спятил. Великая Сеть и Гегемония погибли в тот самый день, когда перестали действовать нуль-порталы и отвернулись от человечества ИскИны. Тогда вновь установилась тирания межзвездных расстояний. Ныне лишь корабли Ордена, транспортные грузового флота да ненавистные Бродяги бороздили мрак пространства.

– Иди сюда, – прохрипел старик и поманил рукой. Я заметил, что согнутые пальцы не желают распрямляться. От него пахло так, как пахнет ото всех стариков; сюда же примешивались запахи лекарств и чего-то вроде кожи.

Чтобы объяснить, что такое река Тетис и почему я решил, что Силен впал в старческий маразм, не требовалось вспоминать, о чем рассказывала вечерами у костра бабушка.

Всем известно, что река Тетис и Гранд-Конкурс являлись чем-то вроде осей, на которые были нанизаны миры Гегемонии. Конкурс представлял собой улицу, соединявшую сотню с лишним миров; эта улица была доступна для всех, на ней располагались никогда не закрывавшиеся нуль-порталы. По реке Тетис путешествовали меньшие, однако именно по ней ходили баржи и сновали бесчисленные прогулочные катера, перемещавшиеся по течению с планеты на планету.

Когда рухнула Великая Сеть, Конкурс распался на тысячи частей, а река Тетис просто прекратила свое существование: поскольку порталы не действовали, вместо нее возникли десятки речушек, которые уже никогда не объединить в прежний могучий поток. Древний поэт, которого я сейчас видел перед собой, описал гибель реки в своей поэме. Мне припомнились строки, которые цитировала бабушка:

И река, что текла
Два с лишним века
Сквозь пространство и время —
Штучки Техно-Центра, —
Уже не течет
Ни на Фудзи с Актеоном,
Ни на Море Барнарда,
Ни на Эсперансе, ни на Неверморе.
Там, где бежала Тетис,
Вилась сверкающей лентой,
Ныне стоят часовыми
Мертвые порталы.
И вода не бурлит, как бывало,
В пересохшем русле.
Все мертво давным-давно,
Все в пыли погребено,
И связать нас воедино
Тетису не суждено.

— Ближе, — прошептал старик, подзывая меня движением скрюченного пальца. Я наклонился над кроватью. Дыхание Силен напоминало воздух внутри гробницы, дверь в которую оставили открытой — лишенный запаха, но застоявшийся, словно насыщенный ароматом минувших столетий.

Поэт шепнул:

Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество...

Я выпрямился и кивнул, будто старик произнес что-то вразумительное. Было ясно, что он сошел с ума.

Словно угадав мои мысли, Силен хихикнул:

— Те, кто недооценивает могущество поэзии, частенько называли меня сумасшедшим. Не торопись, Рауль Эндимион. Мы встретимся с тобой за обедом, я расскажу все до конца, и тогда ты примешь решение. А пока отдыхай. Умирать тяжело, да и воскресать не легче.

Он наклонил голову, послышалось нечто вроде сухого кашля — поэт смеялся.

Андроид проводил меня обратно. По дороге, поглядывая в окна, я заметил много интересного – дворы, какие-то сооружения, еще одного андроида, тоже мужского пола.

Отворив дверь, мой провожатый сделал шаг в сторону. Я понял, что запирать меня не собираются; значит, я не пленник.

– Вам приготовили вечерний костюм, – сообщил андроид. – Вы можете сколько угодно гулять по территории университета, но должен предупредить вас, месье Эндимион, тут неподалеку лес и горы, в которых водятся хищные животные.

Я усмехнулся. Ничего, если решу сбежать, хищные животные меня не остановят. Впрочем, пока я удирать не собирался.

Андроид повернулся, чтобы уйти. И в этот миг я совершил поступок, который, как выяснилось впоследствии, перевернул мою жизнь.

– Подожди. – Я протянул руку. – Нас, кажется, не представили друг другу. Рауль Эндимион.

Какое-то время андроид молча глядел на мою руку – наверно, я нарушил здешние правила. В конце концов, столетия тому назад, когда люди только начинали осваивать космос, андроидов считали существами второго сорта. Однако мой новый знакомый быстро стряхнул с себя оцепенение и ответил на рукопожатие.

– Меня зовут А. Беттик. Очень рад познакомиться.

А. Беттик... Имя наводило на воспоминания, но вот на какие именно?

– Я бы хотел поговорить с тобой. Узнать поподробнее о тебе, об этом месте и о поэте.

Мне почудилось, что в голубых глазах андроида промелькнуло веселое удивление.

– С удовольствием. Буду счастлив ответить на ваши вопросы, но, боюсь, не сейчас, поскольку в настоящий момент у меня много дел.

– Хорошо. Буду ждать.

А. Беттик кивнул и двинулся вниз по лестнице.

Я переступил порог комнаты. Если не считать того, что постель убрали, а на покрывало положили элегантный вечерний костюм, в комнате ничего не изменилось. Я подошел к окну, из которого открывался вид на руины университета. Высокие вечнозеленые кусты качали на ветру ветвями, с плотинника, что рос неподалеку от башни, облетали лиловые листья, падавшие с высоты двадцати метров на каменные плиты двора. Воздух был напоен ароматом корицы, который испускала желтая челма. Я вырос в нескольких сотнях километров к северо-востоку отсюда, на болотах Аквилы, между горами и местностью под названием Клюв, однако прохлада и свежесть горного воздуха были для меня внове. Даже небо здесь было голубее, чем над болотами и пустошами. Я вдохнул полной грудью и усмехнулся – что бы ни ждало впереди, все-таки чертовски хорошо быть живым!

Чтобы скоротать время, я решил осмотреть университет и город, от которого получил свою фамилию. Мартин Силен, конечно, выжил из ума, но разговор за обедом предстоял любопытный.

Лишь когда я поставил ногу на последнюю ступеньку лестницы, до меня наконец дошло.

А. Беттик! Это же имя из «Песней»! Так звали андроида, который вел баржу «Бенарес» с паломниками из города Китс на Экве вверх по реке Хулай, мимо шлюзов Карлы, Духоборских Вырубок, речного порта Наяда – вплоть до самого Эджа. Дальше паломники отправились самостоятельно, им надо было пересечь Травяное море. Мне вспомнилось, как в детстве я гадал, почему из всех андроидов только А. Беттика называют по имени и что с ним стало после того, как паломники оставили его в Эдже. Да, за два десятилетия многое подзабылось...

Качая головой, пытаюсь на ходу сообразить, кто из нас с поэтом действительно безумен, я вышел наружу и отправился обозревать окрестности.

Глава 5

В тот самый миг, когда я прощался с А. Беттиком, в шести тысячах световых лет от Гипериона, в звездной системе, у которой имелись номер по каталогу и галактические координаты, но отсутствовало название, три боевых факельщика флотилии «Волхвы» под командой капитана отца Федерико де Сойи уничтожали орбитальный лес. Корабли-деревья Бродяг не могли противостоять боевым звездолетам Ордена, поэтому для описания схватки точнее всего подошло бы слово «бойня».

Пожалуй, стоит кое-что объяснить. Я вовсе не предполагаю, я твердо знаю, что все события происходили именно так, а не иначе. И даже когда речь заходит о том, чего я не мог видеть собственными глазами, – скажем, что делали капитан отец де Сойя и прочие вражеские «шишки», о чем они думали, что чувствовали, – в моем рассказе нет ни капли вымысла. Чуть позже я расскажу, каким образом обо всем этом узнал, а пока поверьте мне на слово.

Три факельщика вышли из состояния С-плюс и резко сбросили скорость; они тормозили с ускорением более чем в шестьсот «g». На протяжении столетий про тех, кому доводилось испытывать подобные перегрузки, говорили «угодил в малиновый джем»: в самом деле, если при такой перегрузке силовые поля откажут хотя бы на секунду, тела членов экипажа просто-напросто размажет по переборкам и корабль словно превратится в тарелку с малиновым джемом.

Силовые поля выдержали. На расстоянии одной астрономической единицы капитан де Сойя приказал компьютеру выдать изображение орбитального леса. Все, кто находился в боевой рубке, на мгновение забыв о своих делах, прильнули к мониторам. Несколько тысяч кораблей-деревьев, каждый в полкилометра длиной, будто исполняли затейливый танец в плоскости эклиптики – танцоры, удерживаемые вместе силами притяжения, постепенно менялись местами, листья были постоянно обращены к солнцу, звезде класса G, ветви беспрерывно перемещались, выбирая наилучшее положение для листвы, а корни жадно поглощали влагу и питательные вещества, которыми их снабжали фермы-кометы, сновавшие среди деревьев подобно гигантским грязно-серым снежным комкам. На ветвях и в пространстве между деревьями виднелись Бродяги-мутанты – гуманоиды с серебристой кожей и стрекозиными крыльями толщиной в микрон и размахом в сотни метров. Крылья отражали солнечный свет, мерцая на фоне зеленого орбитального леса веселыми рождественскими огоньками.

– Залп! – скомандовал капитан отец де Сойя.

С расстояния в две трети астрономической единицы факельщики открыли огонь из дальнобойных орудий. Все три звездолета, сравнительно небольшие корабли с двигателями Хокинга, несли гиперкинетическое вооружение: плазменные торпеды, способные перемещаться в гиперпространстве, ракеты, проникавшие сквозь вражеские щиты, как пушечное ядро – сквозь картон, и тому подобное. А несколько минут спустя корабли смогли пустить в дело лазерные пушки: во все стороны устремились тысячи лучей, отчетливо видимых на экранах, благо пространство вокруг леса заполняли коллоидные частицы (так виден солнечный луч на пыльном чердаке).

Лес загорелся. Кора, стволы и кроны вспыхивали из-за мгновенной декомпрессии, их рассекали лазерные копья, поражали плазменные торпеды, кислород вырывался в космос, распространяя пожар. С ветвей осыпались горящие листья, пламя слепило глаза на фоне космической тьмы. Фермы-кометы, попадая в огонь, тут же испарялись, ударные волны взрывов и бесчисленные осколки раздирали лес на части. Бродяги-мутанты – «ангелы Люцифера», как именовал их Орден на протяжении столетий, – напоминали мотыльков, слишком близко подлетевших к огню. Некоторых разносило буквально в клочья, другие, попав под луч, мгновенно

развивали гиперкинетическую скорость, ломавшую крылья и разрушавшую тела. Третьи, отчаянно размахивая крыльями, пытались спастись.

Но все попытки оказались тщетными.

Схватка длилась менее пяти минут. Покончив с Бродягами, факельщики двинулись сквозь обломки, которые еще недавно были орбитальным лесом. Уцелевшие в стычке корабли-деревья вспыхивали, угодив под выхлопы дюз. В плоскости эклиптики, где пять минут назад находился лес – зеленые листья ловили солнечный свет, корни впитывали влагу, ангелы-Бродяги парили среди ветвей подобно гигантским стрекозам, – дымились искореженные, изуродованные конструкции.

– Кто-нибудь выжил? – справился невысокий, круглолицый и смуглокожий, тридцати с небольшим лет от роду капитан де Сойя. Он стоял у центрального монитора боевой рубки, заложив руки за спину и касаясь магнитов на полу только мысками башмаков. Несмотря на то что факельщики по-прежнему тормозили при тридцати «g», в рубке поддерживалась постоянная сила тяжести в одну пятнадцатую стандартной. Во взгляде капитана читалось беспокойство (кстати, друзья не раз замечали, что взгляд де Сойи выражает сострадание гораздо чаще, нежели жестокость, которой все вправе ожидать от бравого воина).

– Нет, – отозвалась командор мать Стоун, старший помощник капитана. Она отключила тактический режим и повернулась к своему монитору.

Де Сойя знал, что никто из десятка присутствовавших в рубке офицеров не испытывает радости от победы. Да, им было поручено уничтожить орбитальный лес Бродяг – эти безобидные на вид корабли-деревья служили для заправки и ремонта боевых Роев, – однако лишь немногие слуги Ордена находили удовольствие в разрушении ради разрушения. В конце концов, офицеры считали себя рыцарями Церкви, защитниками существующего миропорядка, а не карателями, которые уничтожают повсюду красоту, пускай даже это красота, созданная руками вероотступников.

– Задайте компьютеру стандартный режим поиска, – произнес де Сойя. – Остальным отбой.

Под остальными он имел в виду как тех членов экипажа, которые присутствовали на мостике, так и тех, кто по боевому расписанию находился в других отсеках. Всего команда факельщика, как и на большинстве современных звездолетов, насчитывала около двадцати человек.

– Сэр, – неожиданно проговорила командор Стоун, – мы засекали возмущения поля Хокинга. Координаты два-двадцать девять, сорок три, один- ноль-пять. Расстояние до расчетной точки выхода из состояния С-плюс 700,5 тысячи километров. Вероятность того, что это один корабль, – девяносто шесть процентов. Скорость определению не поддается.

– Боевая тревога! – воскликнул де Сойя и, сам того не заметив, криво усмехнулся. Должно быть, Бродяги спешат на подмогу своим сородичам. Или же тут был сторожевой корабль, который отступил при появлении факельщиков, а теперь выпустил свои торпеды откуда-нибудь из-за облака Оорта. Или это авангард Роя. Тогда звездолеты Ордена обречены. Ну и ладно, даже заведомо проигранный бой лучше таких вот актов вандализма.

– Незвестный звездолет передает позывные, – сообщил офицер-связист, сидевший в закутке над головой де Сойи.

– Очень хорошо, – откликнулся капитан. Он окинул взглядом мониторы, проверил контакты и переключился на тактический режим, задействовав несколько виртуальных оптических каналов. Стены рубки растаяли, и де Сойя очутился в космосе, словно превратившись в великана ростом в пять тысяч километров. Звездолеты казались ему крохотными пятнышками света, дым, поднимавшийся над орбитальным лесом, доходил едва до пояса; и вот над плоскостью эклиптики, на расстоянии вытянутой руки – семисот тысяч километров – возник неизвестный корабль. Вокруг звездолетов Ордена появились алые сферы наружных защитных

полей. Мерцали разноцветные каналы прямой связи, переливчато сверкали выводившиеся на тактический дисплей параметры. В этом режиме де Сойя мог, щелкнув пальцами, запустить плазменную торпеду или открыть огонь из лазерной пушки.

– Позывные идентифицированы, – произнес связист. – Это звездолет-авизо класса «архангел».

Де Сойя нахмурился. Что произошло, если командование решило воспользоваться самым быстрым из кораблей Ордена, главным тайным оружием Церкви? В тактическом режиме был виден опознавательный код звездолета и выхлоп, растянувшийся на десятки километров. На силовые экраны энергия практически не расходовалась, хотя ускорение значительно превышало уровень «малинового джема».

– На автопилоте? – спросил капитан. Ему отчаянно хотелось, чтобы оказалось именно так. Звездолеты класса «архангел» способны пересечь галактику за несколько дней – в реальном времени! – на что у обычных кораблей уходят недели бортового и годы реального времени, однако никто из людей не в состоянии выдержать такой скорости.

В тактическом пространстве появилась командор Стоун. Ее черный мундир сливался с космическим мраком, и казалось, что лицо командора парит над плоскостью эклиптики.

– Никак нет, сэр, – ответила она. В тактическом режиме ее слышал только де Сойя. – Два члена экипажа находятся в fuite.

– Господи Боже! – прошептал де Сойя. Это восклицание выражало изумление и мольбу. Даже рассчитанные на высокое ускорение саркофаги не могут защитить людей, погибших во время перехода в состояние С-плюс: оба курьера наверняка превратились не в малиновый джем, а в тонкую протеиновую пленку на дне саркофагов. – Подготовить аппаратуру для воскрешения.

Командор Стоун прикоснулась к контакту у себя за ухом и нахмурилась.

– Сэр, в опознавательном коде звездолета содержится сообщение. Относительно воскрешения курьеров. Срочность «альфа», уровень подтверждения – «омега».

Де Сойя молча уставился на своего старшего помощника, чьи ноги, как и его собственные, тонули в дыму от горящего орбитального леса. Срочное воскрешение противоречило доктринам Церкви и уставу Ордена, кроме того, оно подвергало опасности жизнь воскрешаемого – при стандартной трехдневной процедуре шансы неполного восстановления были нулевыми, а при трехчасовой возрастали до пятидесяти процентов. Что касается уровня подтверждения «омега», это означало, что распоряжение отдано Его Святейшеством Папой Римским.

Судя по выражению лица командора Стоун, она догадывалась, что звездолет прибыл из Ватикана. Кто-то либо там, либо в Генеральном Штабе решил, что обстоятельства требуют отправки единственного на сегодняшний день звездолета класса «архангел» с двумя старшими офицерами на борту (младших на такой корабль ни за что бы не пустили).

В ответ на вопросительный взгляд командора де Сойя лишь приподнял бровь, а затем произнес на тактической частоте:

– Что ж, командор... Прикажите кораблям уравнивать скорости и подготовьте десантную группу. Я хочу, чтобы переправку саркофагов и воскрешение закончили к шести тридцати. Передайте мои поздравления капитану Хирну с «Мельхиора» и капитану Буле с «Гаспара». К семи ноль-ноль я жду их на «Бальтазаре».

Капитан выключил тактический режим и вновь оказался на мостике. Командор Стоун и прочие офицеры не сводили с него взглядов.

– Поторопитесь, – бросил он, оттолкнулся от пола, подлетел к люку своей каюты и протиснулся внутрь. – Разбудите меня, когда все будет в порядке.

Прежде чем кто-либо успел ответить, люк захлопнулся.

Глава 6

Я бродил по улицам Эндимиона и пытался собраться с мыслями по поводу своей жизни и смерти.

Должен признаться, что воспринимал все это – суд, казнь, невероятную встречу с легендарным поэтом былого – далеко не так спокойно, как может показаться. Откровенно говоря, я был потрясен до глубины души. Меня собирались убить! Мне хотелось обвинить в случившемся Орден, однако он если и управлял судьями, то исподтишка, из-за кулис. На Гиперионе имелся Совет самоуправления, которому официально подчинялись все суды планеты, в том числе и Порт-Романтика. Наказание, подобное тому, какое определили Раулю Эндимиону, было не в обычае Ордена, тем более на мирах, где Церковь правила через местную теократию; нет, оно представляло собой остаток прошлого, пережиток эпохи колонизации. Процесс с заведомо известным исходом и неизбежная казнь свидетельствовали прежде всего о страхе гипериионских государственных мужей: они боялись отпугнуть богатых туристов с иных миров, а потому воспользовались случаем и превратили меня в козла отпущения. На моем месте вполне мог оказаться кто-то другой, поэтому близко к сердцу случившееся принимать не стоило.

Однако иначе не получалось. Я остановился у подножия башни, ощущая кожей тепло, исходящее от нагретых солнцем плит, и медленно вытянул перед собой руки. Они дрожали. Сколько всего произошло за последнее время, и как быстро! Напускное спокойствие на суде и перед казнью далось мне чудовищным напряжением сил...

Я покачал головой и неторопливо двинулся дальше. Город Эндимион построили на холме, а университет располагался на самой вершине, откуда открывался чудесный вид. Внизу, в долине, золотился челмовый лес. На лазурном небе не было и намека на инверсионные следы. Я знал, что Ордену наплевать на Эндимион, что церковников интересует только плато Пиньон, к северо-востоку отсюда: плато охраняют войска, а роботы отлавливают уникальных симбиотов-крестоформов. А здесь не осталось ни малейших признаков цивилизации и потому дышалось на удивление легко.

Побродив минут десять по развалинам, я пришел к выводу, что жить можно только в той самой башне, где я очнулся, и в прилегающих к ней постройках. Все прочее было разрушено – в стенах аудиторий зияли громадные дыры, оборудование растащили сотни лет назад, игровые площадки заросли травой, купол обсерватории рухнул. Что касается самого города, он выглядел еще хуже. Целые кварталы уступили натиску плотинника и кудзу.

Наверно, в былые дни университет славился своей красотой: неоготические корпуса были сложены из песчаника, который добывали неподалеку отсюда, у подножия плато Пиньон. Три года назад, когда я трудился под началом знаменитого планировщика Эврола Юма и выполнял всю тяжелую работу по переделке поместий первопоселенцев на фешенебельном побережье Клюва, в моде были «причуды» – искусственные руины у водоема или на вершине холма. Посему какое-то время спустя я стал крупным специалистом по нагромождению друг на друга каменных глыб (в большинстве своем превосходивших древностью гипериионскую колонию), однако ни одна из фантазий Юма не годилась и в подметки руинам университета. Я бродил по развалинам, восхищаясь архитектурой, и размышлял о своей семье.

Подобно многим другим местным семействам – а наш род вел начало от поселенцев с первого «ковчега», прибывшего на Гиперион без малого семьсот лет назад (на родной планете мои предки считались гражданами третьего сорта, таковыми они остались и здесь – после членов Ордена и колонистов эпохи Хиджры), – мы взяли в качестве фамилии название города. На протяжении веков предки Рауля Эндимиона жили среди этих гор и долин. В основном, я был уверен, они выполняли грязную работу – как отец, который умер, когда мне было восемь лет, как мать, скончавшаяся пять лет спустя, как до недавнего времени я сам. Бабушка роди-

лась вскоре после того, как Орден выселил всех из этих мест, но помнила дни, когда семейства нашего клана доходили до плато Пиньон и трудились на плантациях к югу от города.

Признаться, у меня не возникало ощущения, будто я вернулся домой. Моим домом были пустоши к северо-востоку отсюда, а жил и работал я к северу от Порт-Романтика. Университет и город Эндимион вошли в мою жизнь только сейчас, а до сих пор казались не более реальными, нежели все то, о чем рассказывалось в «Песнях» Мартина Силенна.

У подножия следующей башни я остановился перевести дыхание и обдумать последнюю мысль. Если поэт не спятил, тогда «Песни» следует воспринимать всерьез. Мне вспомнилось, как читала поэму бабушка: овцы пасутся на склоне холма, электрофургоны окружают стоянку, горят костры, в небе сверкают звезды и проносятся метеориты; бабушка говорит медленно, размеренно, в конце каждой строфы делает паузу, чтобы я мог повторить услышанное. Я вспомнил, как изнывал от нетерпения, ибо предпочел бы сидеть с фонариком над книгой, и усмехнулся: сегодня вечером я буду сидеть за столом с автором этой поэмы, пуще того – с одним из участников легендарного паломничества.

Я покачал головой. Слишком неожиданно. Слишком много впечатлений.

Башня, у которой я остановился, отличалась от той, в которой меня ожидал Силен. Она была выше и массивнее, а окно в ней имелось всего одно, метрах в тридцати от земли. Дверь же, как ни странно, заложили кирпичами. Опытным глазом – сказались годы работы под началом Эврола Юма – я определил, что это было проделано лет сто с лишним назад, очевидно, незадолго до того, как жители покинули город.

До сих пор не понимаю, что привлекло мое внимание в этой башне, – ведь кругом было столько интересного. Помнится, я поглядел на холм за сооружением, отметил про себя, что побеги челмы, точно плющ, карабкаются по стенам, и подумал: «Если взобраться на холм и пролезть вон туда, можно проползти по ветке до подоконника...»

Ерунда, конечно. Я вновь покачал головой. В конце концов, я уже не ребенок. Ради чего рвать одежду и сдирать с рук кожу, ради чего рисковать падением с высоты в тридцать метров на каменные плиты? Что можно найти в старой башне, кроме паутины по углам?

Десять минут спустя я уже полз на четвереньках по длинной ветке вдоль стены, продвигаясь с величайшей осторожностью и то и дело хватаясь за камни. Мне казалось, что я вот-вот сорвусь... Жуткое ощущение. Стоило ветру качнуть ветку, как я вцеплялся в нее обеими руками и замирал в неподвижности.

Наконец я подобрался к окну – и вполголоса выругался. Расчеты, проделанные внизу, оказались неверными. Ветка проходила метрах в трех ниже подоконника, а стена была на удивление гладкой, не ухватишься. Оставалось только раскататься и подпрыгнуть – и надеяться, что сумею ухватиться за подоконник. Спасибо; я, может, и сумасшедший, но не настолько.

Выждав, пока утихнет ветер, я раскатался и прыгнул. На мгновение мне почудилось, что все кончено, из-под пальцев посыпалась каменная крошка, однако в следующий миг они нащупали подоконник и впились в прогнившее дерево. Я подтянулся, отчаянно болтая ногами. Раздался треск – это порвалась на локтях рубашка.

Кое-как вскарабкавшись на подоконник, я вдруг сообразил, что понятия не имею, как буду спускаться. А когда заглянул в темное нутро башни, мне сделалось совсем худо.

– Черт! – пробормотал я себе под нос. Под окном имелась деревянная площадка, солнечные лучи падали на полусгнившую лестницу, что висала внутри башни, словно подражая побегам челмы снаружи. А за лестницей царил непроглядный мрак. Я вскинул голову, различил крохотные отверстия в деревянной крыше и понял, что это обыкновенная силосная башня, гигантский каменный цилиндр высотой около шестидесяти метров. Неудивительно, что в ней всего одно окно и что дверь заложили кирпичами.

Я вновь покачал головой, не решаясь спуститься на деревянную площадку. Рано или поздно любопытство меня погубит.

Внезапно я сообразил, что внутри чересчур темно. Не было видно ни дальней стены, ни лестницы, которая проходила вдоль нее и очертания которой различались выше. На уровне же моих глаз как будто возвышалась некая преграда.

– Елки-палки! – прошептал я и медленно, по-прежнему держась руками за подоконник, опустил ноги на площадку. Доски заскрипели, но выдержали. Я обернулся.

Прошло, по всей видимости, не меньше минуты, прежде чем я догадался, на что смотрю. Внутри башни, подобно патрону в барабане старинного револьвера, находился космический корабль!

Позабыв все свои страхи, я отпустил подоконник и сделал шаг вперед.

По нынешним меркам корабль был не слишком большим – метров пятьдесят в длину. Матово-черный металлический корпус – если то, конечно, был металл – поглощал свет. В нем ничего не отражалось. Очертания корабля можно было различить только на фоне стены благодаря резкой границе между светом и тенью.

Я ни секунды не сомневался, что вижу настоящий звездолет, поскольку он в точности отвечал моим представлениям о том, как должен выглядеть космический корабль. Где-то я читал, что и сегодня дети на сотнях миров изображают дом в виде квадрата с пирамидкой наверху и прямоугольником, из которого идет дым, даже если сами живут в орбитальных «деревьях». То же самое с горами – они продолжают рисовать Маттерхорны, несмотря на то что у них перед глазами холмы вроде тех, которые расположены у плато Пиньон. Не помню, какое объяснение выдвигал автор статьи – то ли коллективные воспоминания, то ли наведенные символы...

Пожалуй, этот звездолет слишком уж точно соответствовал моим представлениям.

Я видел изображения старых ракет, летавших еще до Ордена, до Падения, до Гегемонии, до Хиджры... Черт побери, до всего. Этот корабль сильно на них смахивал. Узкий корпус, заостренный наверху, со стабилизаторами внизу – короче, я смотрел на позаимствованный из наведенных символов и коллективных воспоминаний космический корабль.

На Гиперионе не было ни частных, ни бесхозных звездолетов. Даже обыкновенные «челноки» обходились слишком дорого, чтобы ими разбрасываться и прятать в древних башнях. Столетия тому назад, еще до Падения, когда возможности Великой Сети казались неограниченными, кораблей имелось в избытке – они принадлежали ВКС, Гегемонии, дипломатам, планетарным правительствам, корпорациям, фондам, исследовательским группам и мультимиллиардерам. Но и в те дни требовались ресурсы целой планеты, чтобы построить звездолет. На моей памяти, а также на памяти моей матери, бабушки и прабабушки корабли строил только Орден, нечто среднее между Вселенской Церковью и галактическим правительством. А частный звездолет был не по карману и Его Святейшеству на Пасеме.

И нате вам пожалуйста – космический корабль в старинной башне.

Не обращая внимания на скрип досок, я подошел еще ближе. От лестницы до корпуса было метра четыре. Глянув вниз, в бездонный черный провал, я почувствовал, что у меня кружится голова, а потом вдруг заметил, что где-то в пятнадцати метрах подо мной лестница подходит к корпусу едва ли не вплотную.

Я бросился вниз. Одна из ступеней провалилась у меня под ногой, но я сумел сохранить равновесие и побежал дальше.

На площадке не было перил, она уходила в темноту, точно доска для прыжков в воду. Если я упаду, то наверняка сверну себе шею. Отогнав эту мысль, я приблизился к кораблю и прижал к корпусу ладонь.

Корпус оказался теплым. Он напоминал на ощупь шкуру некоего гигантского зверя. Впечатление усиливалось тем, что по корпусу время от времени пробегала дрожь – словно корабль дышал, словно у меня под ладонью билось его сердце.

Неожиданно моя ладонь провалилась в пустоту. Часть корпуса исчезла – не то чтобы в нем открылся люк или повернулась на шарнирах дверца, нет, просто-напросто образовалось широкое отверстие.

Зажглись огни. Я увидел коридор. Почему-то мне на ум пришло сравнение с кишкой. Потолок и стены коридора тускло светились.

Я помедлил. На протяжении многих лет моя жизнь, подобно жизням большинства людей, была спокойной и предсказуемой. На этой неделе я случайно убил человека, был приговорен к смертной казни и казнен, а когда воскрес, очутился в легенде. Так стоит ли останавливаться на достигнутом?

Я вошел в корабль, и отверстие за моей спиной мгновенно затянулось. Разверстая пасть проглотила добычу и захлопнулась.

Коридор начисто опроверг мои ожидания. Когда речь заходила о звездолетах, мне всегда вспоминался трюм транспорта, на котором нас переправляли на Урсу: серый металл, повсюду заклепки, защелки, которых не откроешь, трубы, из которых тоненькими струйками сочится пар. А тут все было иначе. Стены гладкие, можно сказать, безликие, переборки отделаны деревом, теплым, почти живым на ощупь. Если на корабле имелся воздушный шлюз, я его не заметил. Лампы в стенах вспыхивали при моем приближении и гасли у меня за спиной. Я догадывался, что ширина корабля в поперечнике не больше десяти метров, однако из-за того, что коридор слегка изгибался, казалось, что на самом деле звездолет куда просторнее.

Наконец коридор вывел меня к колодцу, в котором обнаружилась металлическая лестница. Я поставил ногу на ступеньку, и наверху вспыхнули огни. Предположив, что там интереснее, чем внизу, я стал подниматься.

На следующей палубе я наткнулся на проекционную нишу вроде тех, изображения которых видел в старинных книгах; еще там имелись столы и стулья, расставленные весьма причудливым образом, а также рояль. Наверно, ни один из десяти тысяч жителей Гипериона не догадался бы, что это за инструмент. Мне было проще: бабушка и мать любили музыку, а потому в нашем фургоне пианино занимало почетное место. Много раз дядя и дед жаловались, что из-за него не повернуться, что приходится расходовать кучу электричества, таская его повсюду за собой, что здравомыслящие люди давно купили бы себе карманный синтезатор или что-нибудь в том же роде. Однако женщины стояли на своем – никакой другой инструмент не сравнится по звуку с настоящим пианино (и не важно, что после каждого переезда его нужно настраивать заново). А когда бабушка вечерами играла Рахманинова, Баха или Моцарта, всякие жалобы прекращались. Именно от бабушки я узнал о великих инструментах прошлого – и вот теперь вижу перед собой один из них, явно изготовленный до Хиджры.

Не обращая внимания ни на проекционную нишу, ни на прозрачную стену, за которой виднелась каменная кладка башни, я приблизился к роялю. Над клавиатурой отливала позолотой надпись «Стейнвей». Я тихонько присвистнул и коснулся пальцами клавиш, не осмеливаясь, правда, нажать. Бабушка утверждала, что эта фирма перестала производить рояли еще до Большой Ошибки и что после Хиджры не появилось ни единого нового инструмента. Значит, передо мной рояль, которому как минимум тысяча лет. Среди тех, кто любил музыку, «Стейнвей» и скрипки Страдивари были чем-то вроде мифа. Неужели такое возможно? Клавиши, наверное, изготовлены из слоновой кости – из бивней вымершего животного, которое называли слоном. Человек может жить очень и очень долго благодаря поульсенизации и криогенной фуге, и Мартин Силен – лучшее тому подтверждение; а вот как сохранился этот артефакт, как уцелели в столь длительном путешествии сквозь пространство и время дерево, металл и слоновая кость?

Я сыграл до-ми-соль си-бемоль, затем взял аккорд до-мажор. Звук был безупречным, как и акустика корабля. Несмотря на свой почтенный возраст и все световые годы, которые ему довелось преодолеть, инструмент оказался прекрасно настроенным.

Я выдвинул табурет, сел и принялся играть «Für Elise». Простая, незатейливая мелодия гармонировала с тишиной, что царила на корабле. Лампы в стенах слегка потускнели, аккорды заполнили каюту, отдавались эхом в колодце с лестницей. Играя, я думал о матери и бабушке, о том, что они и не догадывались, где мне придется вспоминать полученные в детстве уроки музыки. На душе стало грустно, и эта печаль словно передалась мелодии.

Закончив, я быстро, почти виновато отдернул пальцы, мне стало стыдно, что я играл столь простую мелодию на таком замечательном инструменте, настоящем подарке прошлого. Вставать не хотелось, и я погрузился в размышления о корабле, старом поэте и о том, каким образом оказался во все это замешан Рауль Эндимион.

– Очень мило, – произнес голос у меня за спиной.

Признаюсь, я подскочил от неожиданности. Я не слышал ничьих шагов, не ощущал присутствия постороннего...

Я резко обернулся. В каюте никого не было.

– В последний раз эту мелодию играли давным-давно. – Голос, казалось, исходил из центра каюты. – Мой прежний пассажир предпочитал Рахманинова.

Я постарался взять себя в руки и не задавать глупых вопросов, которые вертелись на языке.

– Ты – корабль? – спросил я, не зная, глупый ли это вопрос, но рассчитывая получить ответ.

– Разумеется. – Голос был мужским. Естественно, мне и раньше доводилось слышать механические голоса; правда, ни одну из машин, с которыми я общался, нельзя было назвать действительно разумной. Церковь с Орденом запретили производство ИскИнов более двух столетий назад, а после того как Техно-Центр помог Бродягам уничтожить Гегемонию, большинство населения тысячи обезображенных войной миров целиком и полностью поддержало церковников. Что там говорить – едва я осознал, что беседую с по-настоящему разумной машиной, у меня взмокли ладони, а к горлу подкатил комок.

– А кто был твоим... э... прежним пассажиром?

– Человек, которого называли Консулом, – ответил корабль после секундной заминки. – Большую часть жизни он провел на дипломатической службе.

Настала моя очередь помедлить, прежде чем раскрыть рот. Я вдруг подумал, что казнь, быть может, все-таки состоялась и «жест смерти» искорежил мой мозг настолько, что я вообразил, будто попал в эпическую поэму.

– Что случилось с Консулом?

– Он умер, – ответил корабль. В голосе машины промелькнул, как мне показалось, намек на сожаление.

– Как? – уточнил я. В «Песнях» говорилось, что после Падения Консул ушел на космическом корабле в Сеть. На каком корабле, на этом? – И где? – Из «Песней» следовало, что в компьютере звездолета, на котором Консул покинул Гиперион, находился второй кибрид Джона Китса.

– Я не помню, где умер Консул, – сообщил корабль. – Помню только, что он умер, а я возвратился. Очевидно, меня в свое время запрограммировали на возвращение.

– У тебя есть имя? – справился я. Интересно, с кем я разговариваю – с бортовым компьютером или с Джоном Китсом?

– Нет. Просто «Корабль». – Машина вновь выдержала паузу. – Хотя я как будто припоминаю, что когда-то у меня было имя.

– Джон? Или Джонни?

- Может быть. Не помню.
- Почему? Неполадки с памятью?
- Память функционирует нормально. Около двухсот стандартных лет назад я получил травму, которая уничтожила ряд воспоминаний, а в остальном с моей памятью все в порядке.
- Но что это была за травма, ты не помнишь?
- Нет, – бодро отозвался корабль. – Полагаю, я получил ее тогда же, когда умер Консул и мне пришлось вернуться на Гиперион, но полной уверенности у меня нет.
- А что было потом? Ты вернулся и с тех пор все время оставался в башне?
- Да. Некоторое время я пробыл в Граде Поэтов, но в основном находился здесь.
- А кто переправил тебя сюда?
- Мартин Силен. Поэт, с которым вы уже встречались.
- Ты знаешь об этом? – удивился я.
- Конечно. Именно я представил месье Силену данные о вашем процессе и казни. Я помог передать взятки и раздобыл транспорт, чтобы переправить вас в башню.
- Каким образом? – Мне почему-то представилось, как звездолет садится за телефон и начинает обзванивать всех подряд.
- На Гиперионе нет инфосферы как таковой, однако я отслеживаю все свободные частоты, а также перехватываю микроволновые, волоконнооптические и мазерные сообщения.
- Иными словами, шпионишь для Силена.
- Совершенно верно.
- А что тебе известно о его планах в отношении меня? – Я снова повернулся к роялю и начал наигрывать Баха.
- Месье Эндимион, – окликнул меня другой голос.
- Я обернулся и увидел А. Беттика, который стоял на металлической лестнице.
- Хозяин решил, что вы заблудились. Я пришел проводить вас обратно в башню. Вы как раз успеете переодеться к обеду.
- Я пожал плечами, встал и направился к лестнице, а перед тем, как последовать за андроидом, произнес, обращаясь к полутемной каюте:
- Приятно было поговорить, Корабль.
- Рад был познакомиться, месье Эндимион. До скорой встречи.

Глава 7

Факельные звездолеты «Бальтазар», «Гаспар» и «Мельхиор» вышли из пылающих орбитальных дебрей и на целую астрономическую единицу приблизились к безымянному солнцу, когда командор Стоун сообщила капитану де Сойе, что воскрешение состоялось.

– Честно говоря, мы воскресили только одного, – призналась она.

Капитан де Сойя моргнул.

– А того, кому... ну, не повезло... вернули в саркофаг?

– Пока нет, – отозвалась командор. – С ним отец Сапиега.

– Их прислал Орден? – с надеждой в голосе поинтересовался де Сойя. С курьерами Ватикана проблем всегда больше, чем с посланцами Ордена.

– Нет. – Командор Стоун покачала головой. – Оба из Ватикана, легионеры Христа. Отец Гавронски и отец Вандрисс.

Капитан с трудом скрыл досаду. Легионеры Христа, пришедшие на смену куда более либеральным иезуитам, начали обретать влияние где-то лет за сто до Большой Ошибки; ни для кого не являлось секретом, что Его Святейшество дает им самые ответственные поручения и наделяет весьма широкими полномочиями.

– Кто выжил?

– Отец Вандрисс. – Стоун бросила взгляд на свой комлог. – Он уже должен был прийти в себя.

– Отлично. В шесть сорок пять поднимите силу тяжести до одного «g», примите на борт капитанов Хирна и Буле и проводите их в носовую кают-компанию. А я навещу отца Вандрисса.

– Слушаюсь, сэр. – Командор Стоун отдала честь и исчезла.

Помещение по соседству с тем, где находился реаниматор, больше напоминало часовню, нежели медицинский отсек. Капитан де Сойя преклонил колена пред алтарем, а затем присоединился к отцу Сапиеге, который стоял рядом с каталкой. Сапиега был старше большинства членов экипажа – ему было по меньшей мере семьдесят стандартных, его лысина сверкала в свете галогенных ламп. Де Сойе всегда казалось, что капеллан – человек раздражительный и не слишком далекий, как те приходские священники, с которыми он сталкивался в детстве.

Сапиега отступил в сторону. Капитан кивнул и посмотрел на тело на каталке. На вид отцу Вандриссу было около тридцати, длинные темные волосы завиты по ватиканской моде – точнее, завивка начинала входить в моду, когда де Сойя последний раз был на Пасеме, три года назад по объективному времени (а по субъективному всего два месяца).

– Отец Вандрисс, вы слышите меня?

Молодой священник молча кивнул. Насколько было известно де Сойе, сразу после воскрешения язык какое-то время не слушается.

– Что ж, – проговорил капеллан, – я, пожалуй, займусь вторым. – Он нахмурил брови и поглядел на де Сойю так, словно капитан был виноват в неудачном исходе процедуры. – Непорядок, святой отец. Пройдет несколько недель, если не месяцев, прежде чем отец Гавронски станет самим собой. Ему предстоят тяжкие муки. – Де Сойя промолчал. – Не хотите на него взглянуть? Тело... гм... лишь отдаленно напоминает человеческое. Внутренние органы видны отчетливо и...

– Займитесь делом, отец, – перебил де Сойя. – Вы свободны.

Сапиега как будто хотел что-то сказать, но тут прозвучал звуковой сигнал, извещавший об изменении силы тяжести. Отец Вандрисс, который как раз пытался сесть, рухнул обратно на каталку. Сапиега медленно двинулся к выходу. После нулевой гравитации даже сила тяжести в один «g» казалась непереносимой.

– Отец Вандрисс, – тихо повторил де Сойя, – вы меня слышите?

Молодой священник снова кивнул. Судя по выражению глаз, его терзала адская боль. Кожа Вандрисса поблескивала, словно ее минуту назад пересадили – или он только что родился. Неестественно розовая, будто обожженная, а крестоформ – лиловый, в два раза крупнее обычного...

– Вы знаете, где находитесь? – прошептал капитан. «И кто вы такой?» – мысленно добавил он. Человек, которого воскресили, мог пребывать в полубоморочном состоянии от нескольких часов до нескольких дней. Де Сойя знал, что курьеры проходят спецподготовку, однако не представлял, как можно подготовить к смерти и воскрешению. Помнится, инструктор в семинарии выразил эту мысль без обиняков: «Даже если мозг забывает, клетки помнят, как умирали и как были мертвыми».

– Я помню. – Голос отца Вандрисса напоминал зубовой скрежет. – Вы капитан де Сойя?

– Совершенно верно. Капитан отец де Сойя.

Вандрисс попробовал приподняться на локте, но у него не вышло.

– Ближе, – прошептал он, не в силах оторвать голову от подушки.

Де Сойя наклонился над каталкой. От Вандрисса пахло формальдегидом. Лишь немногие среди служителей Церкви были посвящены в таинства воскрешения; де Сойя к таковым не относился. Он мог совершить крещение, причастить, соборовать (должность капитана космического корабля последнюю возможность предоставляла гораздо чаще, нежели две первые), однако ни разу не присутствовал при воскрешении, а потому не имел ни малейшего понятия, каким образом из расплюснутых чудовищной гравитацией костей, бесформенной груды плоти и мозговой жидкости вновь возникло человеческое тело. Наверно, все дело в крестоформе, этом божественном чуде...

Вандрисс зашептал ему на ухо:

– Должны... поговорить... – Слова давались курьеру с громадным трудом.

– Через пятнадцать минут начнется совещание, на которое прибудут капитаны двух других кораблей. Вас перенесут на кресло и...

– Не надо. – Вандрисс покачал головой. – Послание... только для вас.

– Хорошо. – Выражение лица де Сойи осталось прежним. – Вы не хотите подождать, пока...

Вандрисс снова качнул головой. Кожа у него на лице топорщилась, словно из-под нее выпирали мускулы.

– Сейчас... – Де Сойя молча ждал продолжения. – Вы должны... взять звездолет-«архангел»... Компьютер знает, куда лететь...

Значит, и мне придется умереть, подумал де Сойя. Господи, ну почему меня не миновала чаша сия?

– Что мне сказать остальным? – спросил он.

– Ничего. Передайте командование кораблем... старшему офицеру... а «Волхвами» будет командовать капитан Буле... У нее другие задачи...

– Могу я узнать, какие именно? – Де Сойя с громадным трудом сохранял спокойствие. Всего лишь тридцать секунд назад весь смысл его жизни заключался в том, чтобы одержать победу и сохранить в целости «Бальтазар» и весь отряд, а теперь...

– Нет, – прошептал Вандрисс. – Эти приказы... вас не касаются. – Священник был бледен и явно изнемогал от напряжения. Де Сойя вдруг осознал, что находит удовольствие в мучениях ближнего, и вознес про себя молитву о прощении.

– Итак, – произнес он, – я должен покинуть свой корабль. Могу я взять личные вещи? – Он имел в виду фарфоровую статуэтку, которую незадолго до своей смерти на Возрождении-Вектор ему подарила сестра. Хрупкая вещица, которую при ускорениях помещали в ста-зис, сопровождала капитана на протяжении всех лет, какие он провел в космосе.

- Нет. Отправляйтесь немедленно.
- От чьего лица вы мне приказываете? – справился де Сойя.
- От лица Его Святейшества Папы Римского Юлия Четырнадцатого. – Лицо курьера исказила гримаса боли. – Приказ имеет приоритет «омега», который перекрывает все распоряжения Ордена и Генерального Штаба. Понимаете, капитан де Сойя?..
- Понимаю. – Де Сойя почтительно наклонил голову.

* * *

Названия у звездолета класса «архангел» не было. Факельщики никогда не казались де Сойе прекрасными – похожи на бутылочные тыквы, мостик и боевая палуба кажутся крохотными рядом с огромным двигателем Хокинга и сферой ускорителя, однако по сравнению с авизо они выглядели верхом совершенства. Тот представлял собой нагромождение асимметричных сфер и додекаэдров, между которыми вились бесчисленные кабели, тянувшиеся от двигателя Хокинга; подо всем этим была погребена крохотная пассажирская каюта.

Капитан вкратце объяснил Хирну, Буле и Стоун, что его срочно вызывают по делам, и передал командование над «Бальтазаром» и отрядом бывшим подчиненным, которые никак не могли прийти в себя от изумления, а затем переправился на одноместном боте на авизо. Он запрещал себе оглядываться, но перед тем, как бот пришвартовался к «архангелу», все же не выдержал и бросил прощальный взгляд на «Бальтазар», из-за корпуса которого, будто из-за горизонта некоей чудесной планеты, вставало солнце.

На мостике авизо обнаружили панель управления и тактический процессор. Размерами мостик напоминал каюту де Сойи на «Бальтазаре», разве что на факельщике отсутствовали все эти кабели, приборы и два амортизационных кресла. По соседству с мостиком располагалась каютка, служившая одновременно штурманской и платяным шкафом.

Де Сойе сразу бросилось в глаза, что амортизационные кресла резко отличаются от обычных. Стальные, начисто лишённые обивки конструкции в форме человеческого тела больше напоминали столы в прозекторской, нежели кресла. По ребру кресел бежала кромка – для того, чтобы жидкость не сливалась на пол; во время ускорения силовое поле наверняка поддерживается только у кресел, дабы то, что в начале полета составляло тело человека, не разлетелось по каюте в краткий период невесомости. Де Сойя заметил раструбы, по которым, очевидно, подавалась вода или специальный раствор – чем там моют стальные кресла?

– Ускорение через две минуты, – произнес металлический голос. – Пристегнитесь.

Ни тебе «здравствуйте», подумалось де Сойе, ни даже «пожалуйста».

– Корабль? – позвал он. Разумеется, на корабле Ордена не могло быть настоящего ИскИна – как не могло их быть на всей подвластной Ордену территории, – однако де Сойе вдруг показалось, что Ватикан сделал исключение для авизо.

– До начального ускорения одна минута тридцать секунд, – сообщил металлический голос. Де Сойя понял, что расспрашивать бортовой компьютер бесполезно, и поторопился занять одно из кресел и пристегнуться ремнями – широкими, толстыми. Интересно, зачем они здесь? Для красоты? Неужели мало силового поля?

– Тридцать секунд. Примите к сведению, что переход в состояние С-плюс смертелен для человека.

– Спасибо, – поблагодарил Федерико де Сойя. Сердце бешено колотилось, этот стук громом отдавался в ушах. На панели управления замигали огоньки. Поскольку возможности пилотировать корабль у него не было, де Сойя не обратил на них внимания.

– Пятнадцать секунд. Предлагаю помолиться.

– Пошел в задницу! – Де Сойя молился с той самой секунды, когда покинул отца Вандрисса. Сейчас он добавил к своим мольбам еще одну – попросил простить за сквернословие.

- Пять секунд. Конец связи. Благослови вас Бог, воскресните во имя Христово.
- Аминь, – произнес де Сойя и закрыл глаза. В тот же миг заработал двигатель.

Глава 8

Вечер в Эндимионе наступил рано. Я наблюдал за тем, как сгущаются над городом осенние сумерки, из окна той комнаты, где пришел в себя днем. В комнате, в которую меня привел А. Беттик, поджидал элегантный, но без вычурности вечерний наряд – хлопчатобумажные коричневые брюки, зауженные к икрам, льняная белая рубашка с чем-то вроде кружевных манжет, черный кожаный жилет, черные носки, черные ботинки из мягкой кожи и золотой браслет. Андроид также показал мне ванную, которая располагалась этажом ниже, и сообщил, что я могу надеть висевший на двери купальный халат. Я поблагодарил А. Беттика, принял ванну, высушил волосы, надел все, что лежало на кровати, за исключением браслета, и стал ждать. Солнечный свет постепенно приобрел золотистый оттенок, с холмов к университету поползли тени. Когда же свет поблек и над горами на востоке показалось созвездие Лебеда, А. Беттик вернулся за мной.

– Пора? – спросил я.

– Не совсем. Вы упомянули, что хотели бы со мной поговорить.

– Ах да! – Я указал на кровать, единственный предмет мебели в комнате. – Присаживайся.

Голубокожий андроид не сдвинулся с места.

– Если не возражаете, сэр, я предпочитаю стоять.

Сложив на груди руки, я оперся спиной о подоконник. Прохладный вечерний воздух был напоен запахом челмы.

– Обойдемся без «сэров». Вполне сойдет просто Рауль. – Я помедлил. – Если, конечно, тебя не запрограммировали обращаться к... э... – я чуть было не сказал «людям», однако мне не хотелось, чтобы А. Беттик подумал, будто он в моих глазах – не человек, – ...к окружающим таким образом.

А. Беттик усмехнулся:

– Нет, сэр. Если честно, меня вообще не программировали – по крайней мере в том смысле, в каком программируют машины. За исключением синтетических мышц и верхнего слоя кожи, которые увеличивают, к примеру, мою силу и сопротивляемость радиации, во мне нет искусственных частей. Однако андроид должен быть вежливым. Посему, если вам так угодно, я буду вас называть «месье Эндимион».

Я пожал плечами:

– Как хочешь. Извини, но в андроидах я не разбираюсь, поэтому и попадаю впросак.

– Не стоит извиняться, месье Эндимион, – с улыбкой отозвался А. Беттик. – Лишь немногие из живущих ныне людей видели воочию представителей моей расы.

Вот как? «Моей расы». Интересно.

– Расскажи мне поподробнее про свою расу. Кажется, законы Гегемонии запрещали изготавливать андроидов?

– Да. – Я заметил, что А. Беттик стоит в позе «вольно». Может, он когда-то служил в армии? – Подобный запрет существовал на Старой Земле и на многих мирах Гегемонии еще до Хиджры, однако Альтинг принял решение, по которому разрешалось изготавливать андроидов для использования на Окраине. А Гиперион в те дни относился как раз к планетам Окраины.

– И относится к ним по сей день, – буркнул я.

– Так точно, сэр.

– Когда тебя изготовили? На каких мирах ты побывал? Чем занимался? – Спohватившись, я прибавил: – Надеюсь, ты понимаешь мое любопытство?

– Конечно, месье Эндимион, – ответил андроид с акцентом, который я не смог определить. То был инопланетный, неизмеримо древний акцент. – По гипериионскому календарю меня изготовили в 26-м году новой эры.

– То бишь в двадцать шестом веке. Шестьсот девяносто четыре года назад. – А. Беттик молча кивнул. – Выходит, ты родился... появился на свет уже после гибели Старой Земли, – проговорил я, обращаясь скорее к себе, чем к нему.

– Да, сэр.

– И Гипериион был твоим первым... местом работы?

– Нет, сэр. Первые пятьдесят лет своей жизни я провел на Асквите, при дворе его королевского величества Артура Восьмого, сюзерена Виндзорского двора в изгнании, а также при дворе его кузена Руперта, князя Монако в изгнании. Когда король Артур скончался, я по завещанию перешел к сыну монарха, королю Уильяму Двадцать Третьему.

– А, Печальный Король Билли.

– Да, сэр.

– Ты попал на Гипериион вместе с королем Билли, когда тот бежал от Горация Гленнон-Хайта?

– Да. Вообще-то нас, андроидов, отправили на Гипериион за тридцать с лишним лет до прибытия короля Билли и прочих колонистов. Сразу после того, как генерал Гленнон-Хайт одержал победу в битве при Фомальгауте. Его королевское величество решил тогда на всякий случай подыскать новую планету для своих подданных.

– И в те дни ты повстречался с месье Силеном, правильно? – Я указал на потолок и представил себе старого поэта в паутине трубок системы жизнеобеспечения.

– Нет, – возразил андроид. – В ту пору, когда в Граде Поэтов кипела жизнь, мы не были знакомы. Я имел удовольствие познакомиться с месье Силеном позже, во время паломничества в Долину Гробниц Времени, которое состоялось через два с половиной столетия после смерти его королевского величества.

– И больше не покидал Гипериион, так? Получается, ты провел здесь пятьсот лет, даже больше.

– Да, месье Эндимион.

– Ты бессмертен? – Я знал, что задаю нескромный вопрос, однако мне очень хотелось услышать ответ.

А. Беттик вновь усмехнулся:

– Вовсе нет, сэр. Если со мной произойдет несчастный случай, я могу умереть, как всякий человек. Однако при изготовлении в мои клетки заложили возможность непрерывной поульсенизации, поэтому я практически не старею и не болею.

– Это из-за поульсенизации у всех андроидов голубая кожа?

– Нет, сэр. Голубая кожа у нас потому, что такой кожи нет ни у кого из людей, а разработчики считали своим долгом подчеркнуть разницу между андроидами и людьми.

– Значит, человеком ты себя не считаешь?

– Нет, сэр. Я считаю себя андроидом.

Я улыбнулся, подивившись собственной наивности.

– Ты по-прежнему служишь людям. Но ведь законы Гегемонии запрещали использовать андроидов в качестве рабов. – А. Беттик молча ждал продолжения. – Ты не хочешь обрести свободу? Не хочешь стать самостоятельной личностью?

А. Беттик подошел к кровати. Я решил, что андроид собирается сесть, однако он всего-навсего аккуратно сложил рубашку и брюки, в которых я днем гулял по городу.

– Месье Эндимион, позвольте заметить, что я вот уже несколько столетий ощущаю себя самостоятельной личностью. И потом, законы Гегемонии погибли вместе с Гегемонией.

– Однако ты продолжаешь служить месье Силену. И остальные тоже.

– Совершенно верно. Но я делаю это потому, что считаю нужным. Меня сконструировали в помощь человеку. Я выполняю свои обязанности и делаю это с удовольствием.

– То есть ты остался здесь по своей воле, – подытожил я.

А. Беттик утвердительно кивнул и улыбнулся.

– Да, сэр. Другое дело, что свобода воли применительно ко всем нам, андроидам и людям, – понятие растяжимое.

Вздыхнув, я оттолкнулся от подоконника. За окном было темно. Очевидно, вскоре поэт пригласит меня за стол.

– И будешь служить месье Силену, пока он не умрет, так?

– Нет, сэр, – ответил А. Беттик. – Если, конечно, мое мнение кого-то заинтересует.

– Неужели? – Я вопросительно приподнял бровь. – А что бы ты предпочел, если бы тебе предложили выбирать?

– Если вы согласитесь выполнить поручение месье Силену, – проговорил андроид, – я бы предпочел отправиться с вами.

Очутившись наверху, я обнаружил, что больничная палата превратилась в столовую. Пенолитовая «летающая кровать» исчезла вместе с медицинскими приборами и прочим оборудованием, потолок сделался прозрачным. Как и пристало бывшему пастуху, я легко отыскал на небе созвездия Лебеда и Сестер-Близнецов. У каждого из витражных окон стояли высокие треноги со светильниками, пламя которых одновременно освещало и обогревало комнату. Посреди помещения располагался длинный обеденный стол с двумя затейливыми канделябрами; свечи отражались в хрустале, фарфоре и столовом серебре. На противоположных концах стола размещались два кресла, в одном из них сидел Мартин Силен.

Старого поэта было не узнать. Казалось, за то время, что мы не виделись, он сбросил несколько столетий. Вместо мумии с восковой кожей и запавшими глазами я увидел обычного старика – разве что, судя по выражению глаз, страшно голодного. Подойдя поближе, я заметил под столом переплетение трубок, но в остальном иллюзия того, что передо мной оживший мертвец, была полной.

Заметив мое изумление, Силен хмыкнул.

– Днем ты застал меня в самый неподходящий момент, Рауль Эндимион, – прохрипел он. Изменился даже голос: чтобы расслышать поэта, уже не требовалось напрягать слух. – Я никак не приду в себя после заморозки.

Он указал на кресло напротив.

– После криогенной фуги? – уточнил я, расстилая на коленях салфетку. Последний раз я сидел за столь роскошным столом в тот день, когда демобилизовался и отправился напрямик в лучший ресторан портового города Гран-Чако на полуострове Южный Коготь, где заказал самые дорогие кушанья и просадил все свои деньги (но оно того стоило).

– Естественно. – Я смутился, поняв, что сваял дурака. – Иначе прожил бы я, по-твоему, столько лет? – Силен снова хмыкнул. – Да, возраст уже не тот. Пока очухаешься...

Я набрал полную грудь воздуха и произнес:

– Пожалуйста, сэр, не обижайтесь, но сколько вам лет?

Пропустив мой вопрос мимо ушей, Силен сделал знак андроиду – не А. Беттику, – который стоял у двери. В следующий миг другие антроиды начали вносить кушанья. Мне налили воды. А. Беттик приблизился к Мартину Силену с бутылкой вина в руках, дождался утвердительного кивка, проделал освященный веками ритуал – подал старику пробку и малую толику вина на дне бокала. Силен посмаковал вино, проглотил и фыркнул. Приняв это за одобрение, А. Беттик наполнил наши бокалы.

Подали закуску – запеченный в углях шашлычок из цыплят и нежные ломтики сырой говядины под соусом. Силен, кроме того, пододвинул к себе стоявший на его конце стола паш-

тет из печени с листьями мандрагоры. Я поднял с тарелки украшенную резьбой крышку, попробовал цыплячье крылышко и нашел его восхитительным.

Несмотря на весьма почтенный возраст, лет восемьсот, а может, и все девятьсот, Мартин Силен, едва ли не самый старый на свете человек, отличался завидным аппетитом. Когда он набросился на говядину, я заметил, как сверкнули ослепительно-белые зубы; интересно, они искусственные или палеореконструированы? Вероятно, второе.

Внезапно я осознал, что жутко голоден. Аппетит разыгрался то ли после несостоявшейся казни, то ли после прогулки по городу и проникновения в башню с кораблем. Несколько минут в комнате царила тишина, которую нарушали только шаги андроидов, потрескивание свечей да звон ножей и вилок; время от времени тихонько завывал ветер.

Андроиды убрали закуску и подали дымящийся суп из мидий.

– Я так понял, ты уже успел познакомиться с кораблем? – справился Силен.

– Да. Это и вправду корабль Консула?

– А чей же еще? – Силен махнул рукой андроиду, и нам принесли горячий, прямо из печи, хлеб. От него исходил чудесный аромат, который смешивался с ароматом мидий и запахом осенней листвы с улицы.

– И с его помощью, значит, я должен спасти девочку?

Честно говоря, я ждал, что поэт спросит, какое решение я принял. Вместо этого он поинтересовался:

– Что ты думаешь об Ордене?

– Об Ордене? – недоуменно переспросил я. Моя рука с ложкой замерла на полпути к рту. Силен молча ждал. Я опустил ложку и пожал плечами. – По правде сказать, я о нем почти не думаю.

– Даже после того, как тебя приговорили к смерти?

Я не стал делиться своими соображениями насчет того, что приговором обязан не столько Ордену, сколько гипериионскому правосудию.

– Моя жизнь никак не зависела от Ордена.

Поэт кивнул и пригубил вино.

– А от Церкви?

– Не понял, сэр.

– От Церкви твоя жизнь тоже не зависела?

– Пожалуй, да. – Я догадывался, что отвечаю, будто скованный от смущения подросток, однако эти вопросы казались куда менее важными, чем тот, который поэт задал мне при первой встрече и ответа на который, очевидно, ждал.

– Я помню тот день, когда мы впервые услышали об Ордене. Через несколько месяцев после исчезновения Энеи. На орбите Гипериона появились звездолеты Церкви, десантники захватили Китс, Порт-Романтик, Эндимион вместе с университетом и все прочие крупные города и космопорты. Однако они не задержались, улетели куда-то на боевых скиммерах; далеко не сразу мы сообразили, что им нужны крестоформы.

Я кивнул. Пока ничего нового. Захват плато Пиньон, где водились крестоформы, был последней крупной операцией, которую осуществила дряхлеющая Церковь. Войска Ордена появились на Гиперионе почти полтора столетия спустя – оккупировали всю планету, очистили от жителей Эндимион и другие города вблизи плато...

– Корабли, залетающие в те годы на Гиперион, доставляли новости, от которых шла кругом голова, – продолжал Силен. – Церковь распространяла свое влияние на миры Великой Сети, потом на планеты Окраины...

Андроиды убрали тарелки из-под супа и подали птицу под горчичным соусом и печеную рыбу с икрой.

– Утка? – на всякий случай уточнил я.

Поэт оскалил свои реконструированные зубы.

– По-моему, в самый раз после твоих недавних... э... испытаний.

Я вздохнул и тронул вилкой мясо. На глаза неожиданно навернулись слезы. Я вспомнил, как изнывала от нетерпения Иззи... Неужели это было неделю назад? Кажется, прошла целая вечность. Я поглядел на Мартина Силен, попытался представить, как он справляется со своими воспоминаниями. Когда ты помнишь о том, что было столетия назад, разве можно сохранить разум? Поэт перехватил мой взгляд и усмехнулся. В который уже раз я спросил себя, не безумен ли мой сотрапезник.

– Итак, мы узнали про Орден и стали задумываться, каково нам придется под его властью. – Поэт жевал и говорил одновременно. – Теократия! В эпоху Гегемонии никто не мог вообразить чего-либо подобного. В ту пору религия была личным делом каждого – я, к примеру, принадлежал к дюжине конфессий и сам основал пару-тройку новых вероисповеданий. – Он пристально поглядел на меня. – Ну да тебе все это известно. Ты же слышал «Песни».

Я промолчал.

– Большинство моих знакомых составляли дзен-гностики. От дзена в той вере было больше, чем от христианства; впрочем, и то и другое на деле являлось профанацией. Паломничества предпринимались для развлечения. Путешествие по святым местам с путеводителем в руках. Дерьмо собачье! – Силен хмыкнул. – Гегемония никогда по-настоящему не связывалась с религией. От идеи объединить гражданские общественные установления с религиозными принципами пахло варварством; такое годилось разве что для Кум-Рида или какого-нибудь другого захудалого мирка на Окраине. А затем явился Орден – метод кнута и пряника, крестоформ надежды...

– Орден не правит, – заметил я. – Он советует.

– Вот именно, – согласился старик, тыча в мою сторону вилкой. Между тем А. Беттик подлил ему вина. – Орден советует, а не правит. На сотнях миров Церковь наставляет своих прихожан, а Орден помогает советами. Но христианин, который хочет воскреснуть, ни за что не пропустит мимо ушей советы Ордена и обязательно прислушается к наставлениям Церкви, верно?

Я передернул плечами. К тому, что за всем на свете стоит Церковь, люди ныне привыкают сызмальства.

– Но ты не христианин, Рауль Эндимион, и не желаешь воскресать. Правильно?

Я посмотрел на поэта. Внезапно у меня возникло ужасное подозрение: «Он сам признался, что давно следит за мной. Если ему удалось похитить человека из тюрьмы, значит, он в сговоре с властями. Может, это он организовал приговор и казнь, а сейчас устроил мне какую-то хитрую проверку?»

– Весь вопрос в том, – продолжал Силен, игнорируя мой испепеляющий взор, – почему ты не христианин? Почему не желаешь воскресать? Разве жизнь не доставляет тебе удовольствия?

– Доставляет, – процедил я сквозь зубы.

– Однако ты не принял крест. Отказался от дара вечной жизни.

Я положил вилку на стол. Андроид истолковал это движение как признак того, что я закончил есть, и убрал нетронутую утку.

– Я отказался от крестоформа! – Какими словами поведаешь о чувствах, передававшихся из поколения в поколение среди кочевников, которых когда-то изгнали с родных земель? О яростном стремлении к независимости? О скептицизме и привычке проверять теорию практикой, обо всем том, что дало мне образование? Лучше и не пытаться.

Мартин Силен кивнул, словно удовлетворился моим объяснением.

– По-твоему, крестоформ и благодать, которая нисходит на истинного христианина при заступничестве католической церкви – не одно и то же?

– Для меня крестоформ – обыкновенный паразит! – воскликнул я и подивился ненависти, прозвучавшей в моем голосе.

– А может, ты просто испугался, что потеряешь... гм... свои мужские достоинства?

Андроиды принесли двух шоколадных лебедей, наполненных трюфелями. Я к своему даже не прикоснулся. В «Песнях» рассказывалось о священнике Поле Дюре, который обнаружил на плато Пиньон племя дикарей-бикура и выяснил, что они дожили до наших дней благодаря симбиоту-крестоформу, подаренному якобы легендарным Шрайком. Крестоформ действовал на бикура приблизительно так же, как и на тех, кто пользуется им сегодня, однако Поль Дюре отметил побочные эффекты – необратимое разрушение мозга и отмирание половых органов. Бикура, все до единого, были придурковатыми евнухами.

– Нет, – ответил я. – Мне известно, что Церковь решила эту проблему.

– Ты прав. – Силен усмехнулся и стал похож на мумифицированного сатира. – Однако необходимо причаститься и пройти воскрешение под надзором Церкви. Иначе тебя ожидает участь бикура.

Я кивнул. На протяжении столетий множество людей пыталось украсть секрет бессмертия. До того как войска Ордена оцепили Пиньон, в окрестностях плато процветала контрабанда. Кое-кто выкрадывал крестоформы из монастырей. Результат, впрочем, оставался одним и тем же – человек лишался разума и пола. Тайной крестоформа владела только Церковь.

– Ну так что?

– Почему же ты отказался, мой мальчик? Неужели тебе показалось, что исповеди и десятина – слишком высокая цена за бессмертие? Миллиарды людей решили иначе.

– Другие могут делать что угодно, – проговорил я после продолжительной паузы. – У них своя жизнь, а у меня – своя.

Признаться, я и сам не понял, что хотел сказать, однако поэт вновь кивнул. Когда он расправился с лебедем, андроиды убрали тарелки и принесли кофе.

– Ладно. Ты думал над моим предложением?

Вопрос показался мне настолько абсурдным, что я с трудом удержался от смеха.

– Да.

– И что?

– Хочу кое-что выяснить. – Силен молча ждал продолжения. – Чего ради я должен соглашаться? Вы упоминали о том, что без документов я никто. Между прочим, в города я соваться и не собираюсь. Отсидеться на болотах куда проще, чем бежать с Гипериона с вашей малолетней подружкой. И потом, власти считают, что я мертв, поэтому никому и в голову не придет искать Рауля Эндимиона, и он совершенно спокойно может вернуться к своим родичам. Правильно? Так с какой стати мне браться за это дело?

– А с такой, – ухмыльнулся поэт. – Ты ведь хочешь быть героем, верно?

Я презрительно фыркнул и положил руки на скатерть, на фоне которой мои пальцы выглядели мясистыми обрубками.

– Ты хочешь быть героем, – повторил Силен. – Одним из тех, кто творит историю, а не просто наблюдает за событиями, которые обтекают его, словно вода – лежащий на ее пути камень.

– Не понимаю, о чем вы толкуете. – Естественно, я все прекрасно понимал, за исключением одного – откуда он так хорошо меня знает?

– Я тебя знаю, – произнес Мартин Силен, словно угадав, о чем я думаю.

Пожалуй, стоит сказать, что мысль о телепатии мне в голову не приходила. Во-первых, я не верю в телепатию – точнее, не верил тогда; а во-вторых, я догадывался, что дело тут скорее в бесценном опыте. Человек, проживший без малого тысячу стандартных лет, даже если он выжил из ума, наверняка способен практически безошибочно читать выражения лиц и «язык тела».

Или же это было простым совпадением, удачной догадкой.

– Я не хочу быть героем. Когда моя бригада сражалась с повстанцами на Южном континенте, я видел, чем кончали герои.

– А, на Урсе, – пробормотал Силен. – Южный полярный медведь, самая бесполезная на всем Гиперионе куча грязи и льда. Помнится, я что-то слышал о тамошних беспорядках.

Война на Урсе длилась восемь гиперионских лет, в ней погибли тысячи юнцов, записавшихся по глупости в силы самообороны. Похоже, старик не представляет, о чем говорит.

– Герои не те, кто подставляет грудь под плазменные гранаты. – Силен облизнулся, будто ящерица. – Я разумею настоящего героя, доблестного и благородного настолько, что ему воздают почести, как божеству. Героя в буквальном смысле слова, центральное действующее лицо динамичного сюжета, того, чьи ошибки неминуемо оборачиваются гибелью. – Он выжидательно поглядел на меня, а когда понял, что я буду молчать и дальше, спросил: – Или ты не совершаешь трагических ошибок и не любишь динамичные сюжеты?

– Я не хочу быть героем.

Силен склонился над чашкой кофе. Когда он поднял голову, в его глазах мелькнул озорной огонек.

– Где ты стрижешься, паренек?

– Простите?

– Волосы у тебя длинные, но не растрепанные. – Он снова облизнулся. – Где ты их стрижешь?

– Если застреваю на болотах, – ответил я со вздохом, – то стригу сам, а когда попадаю в Порт-Романтик, захожу в парикмахерскую на Дату-стрит.

– Ага! – Силен откинулся на спинку кресла. – Знаю, знаю. Это в Ночном квартале, верно? Скорее переулок, чем настоящая улица. Там был рынок, на котором продавали живых хорьков в золоченых клетках. Стригли прямо на улице, а лучшая парикмахерская принадлежала человеку по имени Палани Ву. У него было шесть сыновей, и когда очередной из них становился взрослым, Палани добавлял новое кресло. – Поэт посмотрел на меня, и я вновь поразился выражению его глаз. – Это было сто лет назад.

– Я стригусь в парикмахерской Палани. Ею владеет его правнук Калакауа. А кресел там по-прежнему шесть.

– Так-так, – пробормотал поэт. – Немного изменилось на нашем милом Гиперионе, а, Рауль?

– Что вы хотите сказать?

– Сказать? – переспросил старик, показывая мне свои ладони, словно стремился убедить, что не замысливает ничего дурного. – Я просто поддерживаю беседу. Знаешь, забавно представлять, как исторические фигуры, тем паче герои будущих мифов платят парикмахеру за стрижку... Странное переплетение жизни с мифологией. Я размышлял об этом много лет назад... Тебе известно, что такое «дату»?

– Нет. – Признаться, я не ожидал, что он так резко сменит тему.

– Ветер, который дует с Гибралтара. Он приносит чудесные ароматы. Должно быть, кому-то из поэтов и художников, которые основали Порт-Романтик, показалось, что от зарослей челмы и плотинника на холмах исходит приятный запах... Знаешь, что такое Гибралтар?

– Нет.

– Огромная скала на Земле. – Силен оскалил зубы. – Заметь, не на Старой Земле, а просто на Земле. – Я заметил. – Земля остается Землей, мой мальчик. Уж кому знать об этом, как не человеку, который на ней жил.

Неужели такое возможно?

– Я хочу, чтобы ты ее нашел, – заявил поэт, глаза которого вдруг засверкали.

– Нашел? – повторил я. – Старую Землю? А как же ваша девочка, Энея?

– Ты спасешь Энею и найдешь Землю, – отозвался Силен, взмахом костлявой руки отмечая мое недоумение.

Я кивнул. Может, растолковать ему, что Старая Земля канула в черную дыру после Большой Ошибки? Впрочем, Силен, наверно, и покинул Землю в ту самую пору. Нет, не стоит разбивать иллюзии несчастного старика. В «Песнях» говорилось, что Техно-Центр замыслил похитить Старую Землю, переместить ее то ли в созвездие Геркулеса, то ли к Магеллановым Облакам. Но это, несомненно, чистейшей воды фантазия. Магеллановы Облака – другая галактика, находящаяся, если я правильно помню, более чем в ста шестидесяти тысячах световых лет от Млечного Пути. Между тем до сего дня еще ни один звездолет не выходил за пределы крохотной сферы в спиральном рукаве нашей галактики. Даже с двигателем Хокинга путешествие к Большому Магелланову Облаку займет несколько столетий корабельного времени и десятки тысяч лет объективного. Такую дорогу не осилить и Бродягам, которые обитают в межзвездном пространстве.

Кроме того, планеты не похищают.

– Я хочу, чтобы ты нашел и вернул Землю, – продолжал Силен. – Я хочу увидеть перед смертью родную планету. Верни ее мне, Рауль Эндимион.

– Разумеется, – откликнулся я, глядя на старика в упор. – Подумаешь, эка невидаль: спасти девчонку от швейцарской гвардии и войск Ордена, оберегать ее до тех пор, пока она не превратится в Ту-Кто-Учит, найти Старую Землю и показать вам. Что-нибудь еще?

– Да, – торжественно произнес Мартин Силен. Все признаки старческого слабоумия были налицо. – Я хочу, чтобы ты выяснил, какого хрена надо Техно-Центру, и остановил этих подонков ИскИнов.

– Ладно. А чем мне заняться после того, как я разыщу пропавший Техно-Центр и справлюсь с объединенной волей тысяч богоподобных ИскИнов? – Сарказм капал с моего языка, точно яд.

– Ты должен встретиться с Бродягами и узнать, могут ли они предложить мне бессмертие... Настоящее бессмертие, а не это христианское дерьмо.

Я сделал вид, будто записываю в блокнот.

– Бродяги. Бессмертие. Никакого христианского дерьма. Заметано. Что еще?

– Я хочу, чтобы ты уничтожил Орден и подорвал могущество Церкви.

Так-так. Двести или триста миров, которые добровольно подчинились Ордену. Триллионы принявших крещение. Армия, справиться с которой не смогли бы все войска Гегемонии.

– Хорошо, позабочусь. Это все?

– Нет. Проследи, чтобы Шрайк не сделал больно Энее и перестал мучить людей.

Я призадумался. Из «Песней», принадлежащих перу этого самого Мартина Силена, следовало, что Шрайк погибнет в будущем от руки полковника Федмана Кассада. Сознывая, что взывать к логике в разговоре с умалишенным бесполезно, я все-таки упомянул об этом событии.

– Правильно! – воскликнул старик. – Но пока он еще жив! И погибнет только через тысячи лет. А я хочу, чтобы ты остановил его сейчас.

– Хорошо, хорошо. – Я решил не спорить понапрасну.

Мартин Силен неожиданно обмяк, словно окончательно растерял силы. Я вновь увидел перед собой мумию с восковой кожей, запавшими глазами и костлявыми пальцами. Однако взгляд поэта по-прежнему пронизывал насквозь. Я попытался представить, каким влиянием на людей обладал Силен в молодости, но мне не хватило воображения.

Старик кивнул, и А. Беттик налил нам шампанского.

– Ты согласен, Рауль Эндимион? – строго спросил поэт. – Согласен спасти Энею, отправиться с нею в дальний путь и совершить все остальное?

– С одним условием. – Силен нахмурился, но промолчал. – Я хочу взять с собою А. Беттика.

Андроид стоял у стола с бутылкой шампанского в руке, глядя прямо перед собой. Его лицо ровным счетом ничего не выражало.

– Моего андроида? – удивился поэт. – Ты серьезно?

– Вполне.

– А. Беттик служит мне с тех пор, как у твоей прапрабабки появились титьки, – прохрипел старик и с такой силой стукнул кулаком по столу, что я испугался, выдержат ли кости. – А. Беттик! Ты хочешь уйти с ним?

Голубокожий андроид кивнул.

– Дерьмо! – бросил Силен. – Забирай его, Рауль. Больше тебе ничего не нужно? Как насчет моего кресла? Может, возьмешь респиратор или зубы?

– Спасибо, не надо.

– Итак, Рауль Эндимион, – поэт вновь заговорил суровым тоном, – ты согласен выполнить мое поручение? Согласен спасти и оберегать Энею до тех пор, пока не исполнится ее предназначение... и умереть, если понадобится?

– Согласен, – ответил я.

Мартин Силен приподнял бокал. Я тоже. Поэт начал произносить тост, и только тут мне пришлось в голову, что следовало бы предложить шампанского и андроиду.

– За безрассудство! – провозгласил старик. – За божественное безумие! За бесцельные скитания и проповеди пророков! За смерть тиранов и гибель врагов! – Я было поднес бокал к губам, но оказалось, что Силен еще не кончил. – За героев! За героев, которые стригут волосы! – И поэт одним глотком осушил бокал.

Я последовал его примеру.

Глава 9

Взирая на мир глазами новорожденного – в буквальном смысле слова, – воскрешенный капитан отец Федерико де Сойя пересек площадь Пьяцца- Сан-Пьетро, миновал изящные арки колоннады Бернини и приблизился к базилике Святого Петра. На бледно-голубом небе ослепительно сверкало солнце, было прохладно – единственный обитаемый континент Пасема находился на высоте полторы тысячи метров над уровнем моря; как ни странно, разреженный воздух был насыщен кислородом. Величавые колонны купались в солнечном свете, который создавал некое подобие ауры над головами людей, серебрил мраморные статуи, воспламенял пурпурные мантии кардиналов. В глазах рябило от сине-красно-оранжевых полос на костюмах швейцарских гвардейцев, которые замерли на посту у ворот. Посреди площади возвышался обелиск, соперничающий в красоте с пилястрами на фасаде базилики, а в сотне метров над площадью золотился огромный купол. Голуби, кружившие над мостовой, то и дело меняли цвет, становились то белыми на фоне небосвода, то черными – на фоне купола. Площадь кишела людьми: тут были простые священники в черных сутанах с розовыми пуговицами, епископы в белых мантиях с алым подбоем, кардиналы в багрянце и пурпуре; граждане Нового Ватикана в иссиня-черных костюмах и рубашках с кружевными манжетами, монахини в накрахмаленных платьях, напоминавшие чаек с распростертыми крыльями; офицеры в красно-черной форме Ордена, какую надел сегодня и де Сойя; туристы и гости, которым повезло оказаться на понтификальной мессе, напялившие свои лучшие наряды, в основном черного цвета, зато из самого дорогого материала, – эти наряды искрились и переливались на солнце. Толпа продвигалась к базилике, разговоры потихоньку смолкали, лица светились ожиданием, но улыбок не было – присутствие на таком событии требовало сосредоточенности.

Воскрешенного лишь накануне капитана де Сойю – а с того момента, как он покинул «Бальтазар», прошло четыре дня – сопровождали отец Баджо, капитан Марджет Ву и монсеньор Лукас Одди. Пухленький, приятный в общении Баджо руководил воскрешением де Сойи; худощавая, молчаливая Ву была адъютантом командующего космическим флотом Ордена адмирала Марусина; что касается Одди, несмотря на свои восемьдесят семь стандартных лет, по-юношески резвого и отличавшегося завидным здоровьем, тот являлся доверенным лицом и помощником Симона Августино, кардинала Лурдзамийского, первого министра Ватикана. Молва утверждала, что могущественнее кардинала Лурдзамийского только сам Папа, что лишь Симон Августино имеет прямой доступ к Его Святейшеству и что первый министр – человек необычайной проницательности. О могуществе кардинала говорило и то, что именно он был префектом *Sacra Congregatio pro Gentium Evangelizatione se de Propaganda Fide*¹, легендарного Евангелического Братства.

Капитана де Сойю присутствие Марджет Ву и монсеньора Одди удивляло не больше, чем солнечные зайчики на фасаде базилики. Толпа притихла. Капитан и его спутники поднялись по широкой лестнице, миновали швейцарских гвардейцев и очутились в нефе собора. Под высокими сводами гуляло эхо; де Сойя почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы – столь прекрасны были украшавшие собор произведения искусства: в первом приделе справа – «Pieta» Микеланджело, дальше – древняя бронзовая статуя святого Петра (правая ступня отполирована до блеска губами верующих) работы Арнольфо ди Камбрио и, наконец, подсвеченная сзади, исполненная непередаваемого очарования скульптура Джулианы Фальконьери Санта Вержине, изваянная Пьетро Кампи в шестнадцатом веке, свыше полутора тысяч лет назад.

¹ Священная Конгрегация всеобщего приобщения к Евангелиям и распространения веры (*лат.*), или, как она именуется сейчас, Священная Конгрегация евангелизации народов.

Глотая слезы, капитан де Сойя окропил голову святою водой и встал на колени рядом с отцом Баджо. Мало-помалу в базилике установилась тишина: не стало слышно ни шарканья, ни кашля. Базилика погрузилась во мрак, лишь золотились в свете галогенных ламп бесценные шедевры прошлого. Де Сойя устремил взгляд на бронзовые византийские колонны балдахина работы Бернини над алтарем – золоченого, украшенного затейливой резьбой; оттуда может служить мессу только Папа – и вновь подивился тому, сколько чудес успело произойти за последние двадцать четыре часа. Было больно, мысли путались, словно он приходил в себя после сильного удара по голове; обычная головная боль не шла с этим ни в какое сравнение, каждая клеточка тела, казалось, помнила о смерти и даже после воскрешения восставала против гибели. А другие чудеса – вкус мясного бульона, которым его накормил отец Баджо, бледно-голубое пасемское небо за окнами лаборатории, сострадание на лицах тех, с кем ему довелось встретиться, мягкие, умиротворяющие голоса... Капитан де Сойя, человек по натуре сентиментальный, не плакал с детства, с тех пор как ему минуло пять или шесть лет; но сегодня он не стыдился слез. Иисус Христос даровал капитану вторую жизнь, разделил с ним – простым офицером из бедной семьи, родом с захудалой планеты – таинство воскрешения; клетки в теле де Сойи помнили не только боль смерти, но и восторг пробуждения. Капитана переполняла радость, которую невозможно выразить словами.

Месса началась с фанфар, которые пронзили тишину точно сверкающие лезвия. К ликующей музыке присоединился хор, торжественно зазвучал орган, ослепительно-яркие огни выхватили из мрака Папу и его свиту.

«Как молодо он выглядит!» – подумалось капитану де Сойе. Папе Юлию Четырнадцатому было слегка за шестьдесят, однако на святейшем престоле он восседал свыше двухсот пятидесяти лет, за исключением того времени, которое было потрачено на восемь воскрешений. Он стал первосвященником под именем Юлия Шестого, после восьмидесятичетырехлетнего правления антипапы Тейяра Первого, и всякий раз, воскресая, брал себе то же имя. Наблюдая за Папой, де Сойя вспоминал историю Юлия, обе ее версии – официальную и ту, что изложена в запрещенных «Песнях» (которые, кстати сказать, прочитывает всякий обученный грамоте подросток).

Согласно обеим версиям, когда-то Папу Юлия звали Ленар Хойт и в истинную веру он обратился под влиянием Поля Дюре, археолога-иезуита и наделенного харизмой теолога. Дюре являлся поборником учения Святого Тейяра, по которому человечество в состоянии эволюционировать к божественности; допущенный к престолу святого Петра после Падения, Дюре утверждал даже, что люди могут стать богами. Приняв сан и имя Юлия Шестого, Ленар Хойт беспощадно искоренил эту гнусную ересь.

Обе версии сходились также и в том, что именно отец Дюре, находясь в ссылке на Гиперионе, обнаружил симбиота, получившего название крестоформа. А вот дальше начинались разночтения. Если верить поэме, Дюре получил крестоформ от диковинного существа по имени Шрайк. Церковь же учила, что Шрайк, который если и существовал, то являлся, безусловно, очередным воплощением сатаны, не имеет с крестоформом ничего общего; он только искушал впоследствии и Дюре, и Хойта. По церковной версии, дьяволу поддался лишь Дюре. В «Песнях», которые представляли собой чудовищное смешение искаженной истории и мифологии, рассказывалось, как отец Дюре распял сам себя в огненном лесу на плато Пиньон, не желая возвращать крестоформ Церкви. Поэт-язычник Мартин Силен, автор кошунственных «Песней», полагал, что таким образом Дюре стремился уберечь Церковь от греха, от роковой ошибки принять гнусного паразита за дар свыше. Официальная история, которой, разумеется, верил де Сойя, заявляла, что Дюре просто не выдержал мучений, причиняемых симбиотом, и, подстрекаемый демоном Шрайком, какового мнил своим врагом, преданный анафеме за фальсификацию археологических данных, решил скрыть от Церкви ниспосланное через него Господом таинство воскрешения.

Молодой священник Ленар Хойт отправился на Гиперион в поисках друга и бывшего наставника. В поэме утверждалось, что он принял оба крестоформа – свой собственный и Дюре, а незадолго до Падения вернулся на Гиперион, чтобы умолить Шрайка избавить его от этого бремени. Церковь оспаривала подобный ход событий: отец Хойт проявил незаурядное мужество, возвратившись на планету, чтобы покончить с демоном. Так или иначе, во время второго паломничества на Гиперион Хойт скончался. Дюре воскрес с крестоформом Хойта; он вынырнул из хаоса, воцарившегося после Падения, с тем чтобы стать первым антипапой в современной истории. При нем Церковь пришла в упадок, но произошел несчастный случай, после которого из общего крестоформа, который Дюре именовал паразитом, а Хойт – откровением свыше, воскрес не Дюре, а Ленар Хойт, будущий Папа Юлий Шестой. Как это случилось, до сих пор оставалось одной из главных тайн Церкви; со временем христианство превратилось из презируемого культа в единственную религию человечества.

На глазах де Сойи Папа Юлий – худощавый мужчина с бледным лицом – поднял над алтарем святые дары, и капитана внезапно бросило в дрожь.

Отец Баджо объяснил, что всепоглощающее ощущение новизны и непреходящее изумление, последствия воскрешения, исчезнут в ближайшие недели, а вот чувство благодарности будет укрепляться с каждым возрождением. Теперь де Сойя понимал, почему Церковь считала самоубийство одним из наиболее тяжких грехов – совершивший такой грех подлежал немедленному отлучению: ведь после того, как погрузился в пепел смерти, Благодать сияет гораздо ярче. Не будь наказание за самоубийство столь суровым, процедура воскрешения вполне могла бы стать популярным развлечением.

Тем временем месса приближалась к завершению. Вновь зазвучали фанфары, вступил хор. Осознав, что вскоре вкусит тело Господне и причастится Его крови, пресуществленных самим первосвященником, капитан Федерико де Сойя, на которого обрушился очередной приступ головокружения, зарыдал как ребенок.

После мессы капитан де Сойя вместе со спутниками отправился в сад. Небо над куполом собора приобрело золотистый оттенок.

– Федерико, – проговорил отец Баджо, – вам предстоит очень важная встреча. Достаточно ли прояснилось ваше сознание?

– Вполне, – ответил де Сойя.

Монсеньор Лукас Одди, за спиной которого маячила капитан Ву, положил руку на плечо офицеру.

– Федерико, сын мой, вы уверены? Мы можем подождать до завтра.

Де Сойя покачал головой. У него в голове роились воспоминания о прослушанной мессе, во рту еще ощущался привкус святых даров, он слышал голос Христа, однако все это не мешало ему думать.

– Я готов, – произнес он.

– Отлично. – Монсеньор Одди кивнул Баджо. – Можете идти, святой отец. Вы нам больше не нужны.

Баджо поклонился и двинулся прочь. Де Сойя, на которого словно снизошло озарение, понял, что никогда больше не увидит священника; сердце затопила волна любви, на глаза вновь навернулись слезы. Хорошо, что темно и никто этого не видит. Интересно, с кем он встретится и где? В легендарных апартаментах Борджа? Или в Сикстинской капелле? А может, в комнате для гостей, в башне, которая называлась когда-то башней Борджа?

Монсеньор Лукас Одди остановился и указал на каменную скамью, на которой сидел какой-то человек; присмотревшись, де Сойя узнал кардинала Лурдзамийского и понял, что встреча, к которой его готовили, состоялась. Офицер опустился на колени перед кардиналом и прильнул губами к перстню на протянутой руке.

– Встаньте, – произнес кардинал, дородный мужчина с резкими чертами лица; его низкий голос показался де Сойе гласом Господним. – Присаживайтесь.

Капитан уселся на скамью, остальные продолжали стоять. По левую руку от кардинала, спрятавшись в тень, сидел еще один человек в офицерской форме, на которой не было видно знаков различия. Чуть поодаль находились и другие люди.

– Отец де Сойя, – начал Симон Августино, кардинал Лурдзамийский, – позвольте представить вам адмирала Уильяма Ли Марусина. – Он кивнул на человека слева от себя.

Капитан мгновенно вскочил, встал по стойке «смирно» и отдал честь.

– Виноват, сэр, – выдал он. – Я должен был вас узнать.

– Вольно, – разрешил Марусин. – Садитесь, капитан.

Де Сойя подчинился; теперь он вел себя осторожнее, смутно начиная сознавать, в чьей компании оказался.

– Мы довольны вами, капитан, – сказал Марусин.

– Благодарю вас, сэр, – пробормотал де Сойя, украдкой оглядываясь по сторонам.

– И мы тоже, – пророкотал кардинал Лурдзамийский. – Вот почему мы выбрали именно вас.

– Выбрали для чего, ваше преосвященство? – У де Сойи от напряжения и сумятицы в мыслях вновь закружилась голова.

– Для осуществления миссии, которую поручают вам Орден и Церковь, – проговорил адмирал, наклоняясь вперед. В свете звезд – луны у Пасема не было – де Сойя отчетливо видел черты его лица.

Где-то зазвонил колокол, созывая монахов к вечерне. На близлежащих зданиях вспыхнули прожектора, направленные на купол собора.

– Как обычно, – продолжил кардинал, – докладывать будете своему командованию и представителю Церкви. – Он бросил взгляд на адмирала.

– А что за миссия, ваше преосвященство? Или мне следует спросить у господина адмирала? – Марусин являлся прямым начальником де Сойи, однако высшие офицеры Ордена все же уступали рангом прелатам Церкви.

Марусин кивнул Марджет Ву, которая приблизилась к скамье и протянула де Сойе голову.

– Включите, – велел адмирал.

Де Сойя надавил пальцем на выступ на днище керамического куба. В воздухе сформировалось изображение девочки. Капитан стал вращать изображение, отметив про себя темные волосы и пристальный взгляд широко распахнутых глаз. Картинка разогнала тьму вокруг скамьи; подняв голову, де Сойя увидел, что изображение отражается в зрачках кардинала и Марусина.

– Ее зовут... – Кардинал помолчал. – Вообще-то мы точно не знаем. Как по-вашему, святой отец, сколько ей лет?

Де Сойя прикинул, перевел гипериионские годы в стандартные и ответил:

– Наверно, двенадцать. – Честно говоря, он не слишком хорошо умел определять возраст детей. – Быть может, одиннадцать. Разумеется, стандартных.

– Ей было одиннадцать лет по гипериионскому календарю, когда она исчезла двести шестьдесят с лишним стандартных лет тому назад.

Де Сойя вновь повернулся к изображению. Вероятнее всего, девочка давным-давно мертва или же успела несколько раз воскреснуть, если, конечно, ее крестили. Интересно, зачем ему показывают этот портрет?

– Эта девочка – дочь женщины по имени Ламия Брон, – заметил адмирал Марусин. – Ничего не вспоминаете?

Имя казалось смутно знакомым. Де Сойя напряг память. Неожиданно на ум пришли строки из «Песней».

– Вспоминаю. Она вместе с Его Святейшеством участвовала в последнем паломничестве на Гиперион.

Кардинал сложил на коленях пухлые руки и слегка подался вперед. В свете, исходящем от голокуба, его сутана казалась ярко-красной.

– Ламия Брон имела половую близость с исчадием ада. С кибридом, клонированным подобием человека, мозг которого представлял собой один из искусственных интеллектов Техно-Центра. Вы помните историю, святой отец? Помните гнусные вирши Силена?

Де Сойя моргнул. Неужели его вызвали в Ватикан только для того, чтобы покарать за детские грехи? Ведь он еще двадцать лет назад признался на исповеди, что читал «Песни», получил отпущение и с тех пор не прикасался к проклятой книге. Капитан покраснел.

– Все в порядке, сын мой, – утешил кардинал, заметив смущение де Сойи. – Каждый из нас читал «Песни»... Слишком сильно любопытство, слишком велико искушение. Никто из нас не избежал этого греха... Вы помните, что Ламия Брон сошлась с кибридом Джона Китса?

– Смутно, – отозвался де Сойя и, спохватившись, прибавил: – Ваше преосвященство.

– А вам известно, кто такой Джон Китс?

– Нет, ваше преосвященство.

– Поэт, живший до Хиджры, – пророкотал кардинал. Звездное небо над Пасемом прочертили три голубых инверсионных следа. Де Сойя без труда определил, какого класса корабли и чем они вооружены, и вновь погрузился в размышления. Его не удивило, что он не помнит подробностей относительно Джона Китса; уже в детстве техника и великие космические сражения интересовали капитана гораздо больше, чем что-либо из эпохи до Хиджры, в особенности поэзия.

– Женщина, о которой рассказывается в «Песнях», – продолжал кардинал, – не только спала с кибридом, но и понесла от него.

Де Сойя вопросительно изогнул бровь.

– Я не знал, что кибриды... Ну... Мне всегда казалось, они... гм...

– Стерильны? – со смешком уточнил кардинал. – Как андроиды? Увы, сын мой, закосневшие в грехе ИскИны создали точную копию человека. Мужчину, который совратил дочь Евы.

Де Сойя понимающе кивнул. Честно говоря, ему было все равно, кибриды с андроидами или грифоны с единорогами. Если его не подводит память, этих существ давным-давно нет на свете. И Бог с ними, главное сейчас – выяснить, какое отношение к капитану де Сойе имеют рассуждения насчет мертвых поэтов и беременных баб.

Словно отвечая на не заданный вслух вопрос, адмирал Марусин сказал:

– Ребенок Ламии Брон – та девочка, чье изображение, капитан, вы видите перед собой. Она родилась на Гиперионе после гибели кибрида.

– Она не совсем человек, – прошептал кардинал. – Ведь несмотря на то, что тело ее... отца, кибрида Китса, было уничтожено, искусственный интеллект сохранился в петле Шрюна.

Адмирал Марусин тоже наклонился поближе к де Сойе, словно собирался поделиться конфиденциальной информацией.

– Мы полагаем, что ребенок еще до своего рождения общался с кибридом Китса, заключенным в петле. И мы почти уверены, что через кибрида этот... зародыш поддерживал связь с Техно-Центром.

Де Сойе захотелось перекреститься, но он совладал со своими чувствами. Из книг и всего того, чему его учили, у капитана сформировалось представление о Техно-Центре как об очередном воплощении дьявола, наиболее могущественном исчадии ада в современной истории. Уничтожение Техно-Центра, как подсказывала де Сойе вера, спасло не только хиревшую Цер-

ковь, но и человечество в целом. Интересно, что мог узнать ребенок от бестелесных, лишенных даже подобия души существ?

– Девочка представляет опасность, – заявил кардинал. – Техно-Центр уничтожен, к нулю-порталам доступа нет, Церковь запретила наделять машины интеллектом, который можно сопоставить с человеческим разумом, однако этот ребенок – агент ИскИнов, слуга дьявола.

Де Сойя потер подбородок, внезапно осознал, что смертельно устал.

– Вы говорите о ней так, будто она до сих пор жива. И до сих пор остается маленькой девочкой.

Зашуршала ткань – кардинал переменил положение, после чего произнес зловещим тоном:

– Она жива, святой отец. И ничуть не повзрослела.

Де Сойя устремил взгляд на голографическое изображение, потом прикоснулся к кубу. Изображение померкло.

– Криогенная fuga?

– На Гиперионе находятся Гробницы Времени, – принялся объяснять кардинал. – Одна из них, которую называют Сфинксом (помните, наверно, из истории или из «Песней»), представляет собой временной портал. Никто не знает, как он действует; кстати говоря, пропускает этот портал только избранных. – Кардинал искоса поглядел на Марусина и вновь повернулся к де Сойе. – Девочка вошла в Сфинкс двести шестьдесят четыре стандартных года назад. Вошла и не вышла. Уже тогда нам было известно, что она представляет опасность для Ордена, но мы немного опоздали... Согласно сведениям из надежного источника, она снова появится в Сфинксе меньше чем через месяц. По-прежнему ребенок и по-прежнему смертельно опасна.

– Смертельно опасна, – повторил де Сойя. Он отказывался что-либо понимать.

– Его Святейшество предвидел такой поворот событий. Без малого три столетия тому назад Господь в своей милости поведал Его Святейшеству, какую угрозу таит в себе дитя. Теперь Папа намерен устранить опасность.

– Ничего не понимаю, – признался капитан. Изображение погасло, однако лицо девочки стояло перед его мысленным взором. – Какая угроза может исходить от маленького ребенка?

Кардинал стиснул локоть де Сойи с такой силой, что капитану стало больно.

– Она – агент Техно-Центра, вирус в Теле Христовом. Его Святейшеству открылось, что девочка обладает способностями, которых не может быть у людей. В частности, дьявольским даром убеждать: любой, кто ее услышит, отринет Слово Господне и перейдет на сторону сатаны.

Де Сойя мало что понял, однако на всякий случай кивнул.

– Что же я должен делать, ваше преосвященство?

– Капитан де Сойя, – произнес адмирал Марусин командным голосом, который после всех перешептываний показался неестественно громким, – вы освобождаетесь ото всех предыдущих заданий. Вам поручается найти девочку и вернуть ее Ватикану.

– Сын мой, – добавил кардинал, заметив, должно быть, выражение лица де Сойи, – вы опасаетесь за судьбу девочки?

– Да, ваше преосвященство.

Интересно, подумалось капитану, не роет ли он этим признанием себе могилу?

– Успокойтесь, сын мой. – Кардинал, отпустив локоть де Сойи, перешел на дружеский тон. – Никто – слышите, никто – не причинит девочке ни малейшего вреда. Его Святейшество особо подчеркнул, что ваша вторая по важности задача – доставить ее сюда целой и невредимой.

– А первоочередная задача, – подхватил адмирал Марусин, – вернуть девочку на Ватикан и передать Верховному Командованию Ордена.

Де Сойя судорожно сглотнул. «Почему я?» – эти слова рвались у него с языка, но вслух он произнес только:

– Все понятно, сэр.

– Вы получите папский диск, который позволит вам пользоваться всеми ресурсами, какими располагает Орден. С этим вопросов нет?

– Никак нет, сэр. – Несмотря на твердый голос, де Сойя не находил себе места от удивления. Выходит, он теперь может командовать губернаторами планет?

– Сегодня же вас переправят в систему Гипериона, – продолжал адмирал тем же суровым, не терпящим возражений тоном. – Капитан Ву?

Адъютант выступила из тени и вручила де Сойе красную папку с диском. Капитан кивнул, стараясь совладать с сумятицей в мыслях. «В систему Гипериона... На «архангеле»... Снова умирать, снова испытать чудовищную боль... Господи Боже, я не хочу, не хочу! Да минует меня чаша сия...»

– В вашем распоряжении наш лучший на сегодняшний день звездолет. Он того же класса, что и корабль, на котором вы прибыли на Пасем, однако рассчитан на шесть человек, огневой мощностью не уступит факельщику и оборудован автоматической системой воскрешения.

– Ясно, сэр. – Ну и дела, подумалось де Сойе. Автоматическая система воскрешения. Неужели машину допустили к святым таинствам?

– Сын мой, конечно, жаль, что приходится полагаться на роботов. – Кардинал вновь похлопал де Сойю по руке. – Однако этот звездолет доставит вас в те уголки пространства, которые пока недоступны Церкви. Грешно отказывать вам в воскрешении только из-за того, что поблизости нет ни одного священника. Его Святейшество лично благословил корабль и автоматическую систему, а потому здесь нет ни малейшего кощунства.

– Спасибо, ваше преосвященство, – пробормотал де Сойя. – Но я не совсем понимаю, о каких уголках пространства идет речь. Вы же сказали, что мне предстоит отправиться на Гиперион... Я там никогда не был, однако полагал, что этот мир...

– Гиперион подчиняется Ордену, – перебил адмирал. – Но если вы не сумеете захватить... освободить девочку и вам придется следовать за ней на другие планеты, на корабле должна быть автоматическая система воскрешения.

Де Сойя наклонил голову.

– Мы надеемся, что вы найдете девочку на Гиперионе, – продолжал адмирал. – Прибыв на планету, свяжитесь с генералом Барнс-Эйвне, командиром бригады швейцарских гвардейцев. С того момента, как вы предъявите генералу свой диск, гвардейцы переходят под ваше командование.

«Господи! – мысленно воскликнул де Сойя. – Я же всего-навсего капитан космического корабля! С какой стати мне командовать гвардейцами? Для меня все одно – что пехота, что кавалерия...»

– Мы отдаем себе отчет в том, что вам не доводилось командовать наземными подразделениями, однако, – адмирал хмыкнул, – подобное повышение по службе необходимо. Повседневные проблемы по-прежнему будет решать генерал Барнс-Эйвне, но вы, если понадобится для спасения ребенка, можете отменить любой приказ генерала.

– А что... – Де Сойя прокашлялся. – Что будет с ребенком? Вы, кажется, упомянули, что не знаете, как зовут эту девочку...

– Перед тем как исчезнуть, – ответил кардинал, – она называла себя Энеей. Что касается вашего вопроса, сын мой... Повторяю, мы намерены помешать ей осквернить Тело Христово, но вреда причинять не собираемся. Наоборот, мы стремимся спасти ее бессмертную душу. Таковы распоряжения Его Святейшества.

Прозвучавшие в голосе кардинала нотки подсказали де Сойе, что разговор окончен. Капитан поднялся, и в ту же секунду на него накатила дурнота – последствие воскрешения. «А скоро мне опять умирать». На глаза вновь навернулись слезы.

– Капитан де Сойя, – произнес, поднявшись со скамьи, адмирал Марусин, – ваше задание будет считаться выполненным, когда вы доставите девочку на Пасем и передадите лично мне.

– Мы рассчитываем, что это произойдет в течение ближайших недель, – пророкотал кардинал.

– На вас лежит огромная ответственность, – заявил адмирал. – Вы должны приложить все силы, чтобы выполнить поручение Его Святейшества и доставить девочку на Пасем целой и невредимой – пока заложенный в нее губительный вирус не распространился среди наших братьев и сестер во Христе. Мы знаем, что вы не подведете, капитан де Сойя.

– Так точно, сэр, – отозвался капитан. «Ну почему я?» Он опустил на колени, прильнул губами к перстню на руке кардинала, а когда снова встал, адмирал Марусин уже скрылся во мраке.

Сопровождаемый монсеньором Лукасом Одди и капитаном Марджет Ву, де Сойя направился к выходу из сада. Мысли по-прежнему путались, сердце бешено колотилось, душу терзали нетерпение и страх. Капитан оглянулся в тот самый миг, когда в небо над Ватиканом взмыл очередной катер. Голубое пламя выхватило из мрака купол собора, крыши близлежащих домов и садовые деревья. На несколько секунд стала отчетливо видна группа людей у стены башни. Там находился адмирал Марусин, который стоял спиной к де Сойе, как и два швейцарских гвардейца в доспехах, с иглометами на изготовку. Лицо четвертого члена группы мгновенно врезалось отцу Федерико в память, чтобы возникать перед мысленным взором в грядущие годы.

На каменной скамье, залитой голубым светом, устремив печальный взгляд на де Сойю, сидел Его Святейшество Папа Юлий Четырнадцатый, первосвященник католической церкви, которая насчитывала ныне свыше шестисот миллиардов прихожан; пастырь еще четырехсот миллиардов душ, раскиданных по территории, подвластной Ордену; человек, только что отправивший Федерико де Сойю навстречу судьбе.

Глава 10

На следующее утро мы вновь очутились в башне с кораблем. А. Беттик провел меня туда по туннелю, соединявшему между собой две башни. Мартин Силен присутствовал в виде голограммы. Выглядел он необычно, поскольку предпочел, чтобы компьютер смоделировал его несколько моложе: поэт по-прежнему смахивал на дряхлеющего сатира, зато стоял на собственных ногах, а на голове еще сохранились волосы, выбивавшиеся из-под берета. Рубашка с длинными рукавами, брюки-«бананы», темно-бордовый плащ – должно быть, когда такой наряд был в моде, Силен считался записным щеголем. Вероятно, таким он и прибыл на Гиперион три столетия назад.

– Чего уставился? Тоже мне, деревенщина неотесанная! Давай заканчивай, мать твою, и займемся делом. – Старик то ли перебрал накануне, то ли проснулся и почувствовал себя лучше обычного; так или иначе, настроение у него было еще то.

– Ладно, – ответил я.

Мы поднялись на лифте к нижнему люку. А. Беттик и голографическое изображение Силена повели меня по кораблю: машинное отделение с загадочными приборами и паутиной кабелей и труб; гибриционный уровень – четыре криогенных саркофага (вообще-то изначально их было пять, но один позаимствовал для своих целей Силен); центральный колодец, в котором я уже побывал – за отделанными под дерево стенами скрывались отсеки, где хранилась всякая всячина: скафандры, вездеходы, мини-катера, имелся даже небольшой арсенал древнего оружия; жилой уровень с роялем «Стейнвей» и проекционной нишей. Поднявшись по винтовой лестнице, мы очутились в помещении, которое А. Беттик назвал «штурманской рубкой»: там и впрямь стояли навигационные приборы, но основное место занимали полки с настоящими книгами, а под иллюминаторами располагались кресла и кушетки. Наконец лестница привела нас в самую верхнюю каюту – спальню с кроватью посередине.

– Консул частенько поднимался сюда, чтобы послушать музыку и поглядеть в иллюминатор, – заметил Силен. – Корабль!

Переборки вдруг сделались прозрачными. Я увидел каменную кладку, а сверху, из отверстия в дырявой крыше башни, в каюту проник солнечный луч. Зазвучала музыка – кто-то играл на рояле древнюю, берущую за живое мелодию.

– Черчвик? – рискнул угадать я.

– Рахманинов. – Старый поэт презрительно фыркнул. Мне показалось, что в полумраке козлиные черты внезапно смягчились. – Догадываешься, кто играет?

Я прислушался. Чувствовалось, что профессионал. Но кто именно...

– Консул, – тихо проговорил А. Беттик.

– Корабль! – окликнул поэт. – Хватит. – Стены каюты мгновенно утратили прозрачность. Изображение Силена на какой-то миг исчезло, а затем появилось у трапа. Честно говоря, меня эта манера изрядно раздражала. – Ну что, нагяделся? Айда вниз, подумаем, как нам наколоть Орден.

На сверкающей крышке рояля расстелили старинные бумажные карты. Чернильная Аквила распростерла крылья над клавиатурой, над ней нависла голова Эквы. Мартин Силен подошел к роялю и ткнул пальцем в лошадиную морду в том месте, где у настоящей лошади находится глаз.

– Тут, – сказал он. – И вот тут. – Палец беззвучно переместился по бумаге. – Вшивые папские вояки занимают позиции от Башни Хроноса, – палец уперся в Уздечку за лошадиным «глазом», – до самого моря. В проклятом городе Печального Короля Билли, – палец указал на

точку в нескольких километрах к северу от Долины Гробниц Времени, – у них авиация, а в Долине полным-полно швейцарских гвардейцев.

Я поглядел на карту. Не считая покинутого Града Поэтов и Долины, восточная часть Эквы представляла собой пустыню; там находились только казармы подразделений Ордена.

– Откуда вам известно про гвардейцев?

– Из надежного источника, – отозвался поэт, заломив бровь.

– А чем они вооружены, ваш источник не сообщает?

Раздался такой звук, словно изображение собиралось сплюнуть на ковер.

– Тебе-то какая разница? Подумай лучше о другом. Вас с Эннеей разделяют тридцать тысяч солдат, три тысячи из которых – швейцарские гвардейцы. Как ты намерен с ними справиться?

По правде сказать, мне захотелось расхохотаться. Сомневаюсь, чтобы силы самообороны Гипериона в полном составе, при поддержке авиации и космических кораблей, сумели бы «справиться» с дюжиной швейцарских гвардейцев. Но я удержался от смеха и вновь уставился на карту.

– Вы сказали, в Граде Поэтов расположен аэродром. А какие там самолеты?

– Истребители. – Поэт передернул плечами. – ТМП на Гиперионе годятся только на гробы, так что эти умники пригнали реактивные корыта.

– А какого типа? Импульсные или какие-нибудь еще? – Я старался говорить с видом знатока, хотя учили меня в армии другому – разбирать оружие, смазывать, стрелять, совершать марш-броски под проливным дождем, заботясь о том, чтобы оружие не промокло, спать в промежутки между бросками, одновременно стараясь не превратиться в ледышку, и не высываться, дабы не попасть на мушку урсианским снайперам.

– Какая, ядри твою мать, разница? – прорычал Мартин Силен. Да, изображение помолодело, а характер нисколько не улучшился. – Истребители, и все. Скорость... Эй, Корабль, какая у них скорость?

– Три звуковых, – отозвался звездолет.

– Три звуковых, – повторил Силен. – Вполне достаточно, чтобы прилететь сюда, разбомбить все к чертовой матери и вернуться на аэродром, пока не нагрелось пиво.

Я оторвался от карты.

– Почему же они до сих пор не...

– Что «не»? – перебил поэт.

– Не прилетели, не разбомбили все к чертовой матери и не отправились восвояси. Вы представляете для них угрозу, почему же они вас терпят?

– Они думают, что я мертв. – Мартин Силен фыркнул. – А какую угрозу может представлять мертвец?

– Очевидно, на орбите находится десантный корабль. – Я вздохнул. – Скорее всего, вы не знаете, какие звездолеты его сопровождают.

Ответил мне компьютер:

– На орбите находится спин-звездолет класса «акира» водоизмещением триста тысяч тонн. Его сопровождают два факельщика, «Святой Антоний» и «Святой Бонавентура». Кроме того, по высокой орбите движется корабль класса «три К».

– Это еще что за лабуда? – проворчал поэт.

Я искоса поглядел на Силена. Надо же, прожил без малого тысячу лет, а не знает простых вещей. Впрочем, поэты – люди странные.

– Коммуникации, Командование, Контроль, – объяснил я.

– Значит, главная задница там, наверху?

– Не обязательно. – Я потер щеку. – На звездолетах, возможно, находятся капитаны, а что касается главнокомандующего, он, по всей видимости, на планете. Судите сами, при таком количестве швейцарских гвардейцев...

– Ладно, ладно, – прервал Силен. – Растолкуй лучше, что ты намерен предпринять, чтобы спасти мою маленькую подружку.

– Прошу прощения, – вмешался компьютер, – но около трех стандартнедель назад к флотилии присоединился еще один звездолет, челнок с которого совершил посадку в Долине Гробниц Времени.

– Что за корабль? – уточнил я.

– Не знаю, – признался компьютер после секундной заминки. – Небольшой, размерами с авизо, тип двигателя не поддается определению...

– Наверно, авизо и есть, – сказал я, обращаясь к Силену. – Беднягу запихнули на несколько месяцев в криогенную фугу, чтобы он напомнил командующему флотилией о какой-нибудь ерунде.

Поэт вновь ткнул пальцем в карту.

– Не отвлекайся, Рауль. Что ты собираешься предпринять, чтобы одурачить этих ублюдков?

– Откуда, черт побери, мне знать! – раздраженно воскликнул я, отходя от рояля. – У вас было два с половиной столетия, чтобы все продумать, вы и предлагайте план. – Я обвел рукой помещение. – Полагаю, эта штука сможет удрать от факельщиков? Корабль! Ты способен оторваться от погони, если нас будут преследовать факельные звездолеты?

Когда скорость превышала световую, уже не имело значения, какого типа на твоём корабле двигатель Хокинга: поэтому выживем мы или нет, зависело от того, насколько быстро наш корабль сможет перейти в состояние С-плюс.

– Разумеется, – отозвался компьютер. – Несмотря на провалы в памяти, я помню, что Консул во время пребывания у Бродяг модифицировал некоторые узлы на борту.

– У Бродяг? – глупо переспросил я. По спине побежали мурашки. Неудивительно: ведь меня приучили опасаться нового нашествия Бродяг, этих омерзительных чудовищ из детских фантазий.

– Совершенно верно, – чуть ли не с гордостью отозвался компьютер. – Мы перейдем в состояние С-плюс на двадцать три процента быстрее, чем любой факельный звездолет.

– Да, но если ты подпустишь их ближе астрономической единицы, нам каюк, – пробормотал я.

– Правильно, – согласился компьютер. – Но если у нас будет фора в пятнадцать минут, беспокоиться не о чем.

Я повернулся к своим спутникам – хмурому Силену и молчаливому андроиду.

– Замечательно. По крайней мере на словах. Но я до сих пор не представляю, как доставить девочку на звездолет и как получить эти самые пятнадцать минут форы. Факельщики наверняка торчат на орбите не просто так. Они патрулируют пространство, и один из них практически постоянно висит над Эквой, а его радары отслеживают все перемещения от верхних слоев атмосферы до расстояния в сотню световых минут включительно. На высоте в тридцать километров располагается воздушный патруль – предположительно, импульсные истребители «скорпион», способные, если нужно, спуститься ниже. Отсюда следует, что у нас не будет и пятнадцати секунд, не говоря уж о четверти часа. – Я посмотрел на поэта. – Или вы что-то от меня скрываете? Корабль! Неужели Бродяги сделали тебя установкой-«призраком»? Или снабдили невидимым силовым щитом?

– Мне об этом неизвестно, – откликнулся компьютер и добавил после паузы: – Насколько я понимаю, такое вряд ли возможно.

– Послушайте, – продолжал я, обращаясь к Силену, – я готов помочь, попытаться спасти девочку...

– Энею, – вставил старик.

– Спасти Энею из рук Ордена, но если она для них и впрямь настолько важна... Понимаете, три тысячи гвардейцев... Господи Боже, да нам ни за что не подобраться к Гробницам Времени ближе, чем на пятьсот километров, даже на этой современной лоханке!

Силен заломил бровь. Это могло означать и удивление, и сомнение.

– Корабль, – окликнул я.

– Да, месье Эндимион?

– У тебя есть защитные экраны?

– Нет, месье Эндимион. Только модифицированные Бродягами внутренние силовые поля.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что значит «модифицированные Бродягами», но уточнять не стал.

– Они выдержат залп из лучевого оружия?

– Нет.

– Ты можешь перехватить гиперпространственную торпеду? Или хотя бы обычную?

– Нет.

– А уйти от нее?

– Нет.

– А не пустить на борт группу захвата?

– Нет.

– Имеется ли на борту какое-либо устройство, которое можно было бы использовать в боевых действиях?

– Нет, месье Эндимион. Правда, я способен удирать во все лопатки.

– Приехали. – Я поглядел на Мартина Силену. – Вот вам и ответ. Спасу я девочку или не спасу – не имеет никакой разницы.

– Как сказать. – Силен усмехнулся и кивнул А. Беттику. Андроид поднялся по трапу в каюту наверху и вернулся, держа в руках нечто скатанное в рулон.

– Если это секретное оружие, – заметил я, – хорошо бы оно оказалось помощнее.

– Угу. – Поэт ухмыльнулся и снова кивнул. А. Беттик раскатал свою ношу – ковер меньше двух метров в длину и чуть больше метра в ширину. Ворс местами вылез, местами выпвел, но, присмотревшись, можно было различить загадочные узоры. Мне бросилось в глаза ярко сверкавшее переплетение золотых нитей.

– Господи! – прошептал я. Ощущение было такое, словно мне двинули кулаком под дых. – Ковер-самолет.

Мартин Силен звучно прокашлялся.

– Он самый. Один-единственный на свете.

Я попятился, сообразив, что чуть было не наступил на, если можно так выразиться, живую легенду.

Ковров-самолетов и в лучшие времена насчитывалось от силы несколько сотен, а передо мной лежал их прародитель – первый ковер-самолет, изготовленный вручную знатоком чешуекрылых, конструктором электромобилей со Старой Земли Владимиром Шолоховым. Несмотря на почтенный возраст (ему перевалило за семьдесят стандартных), Шолохов отчаянно влюбился в свою юную племянницу Алотилу и подарил ей летающий ковер, надеясь таким образом добиться взаимности. Однако девица жестоко посмеялась над пожилым ухажером, и Шолохов покончил с собой на Новой Земле, через несколько недель после того, как закончил доводить спин-генератор Хокинга (Хокинг, кстати, был ученым, который жил до Хиджры и труды которого позволили осуществить на практике переход в состояние С-плюс), а ковер бесследно

исчез. Столетия спустя Майк Ошо купил его на Карвнельской Ярмарке и привез на Мауи-Обетованную, а приятель Майка Мерри Аспик благодаря коврику вошел в историю – всем известна легенда о любви Мерри и Сири. Эту легенду включил в свои «Песни» Мартин Силен, если верить которому, Сири была бабушкой Консула. В «Песнях» рассказывалось, как использовал ковер-самолет Консул Гегемонии, как он летел из Долины Гробниц Времени в Китс, чтобы освободить корабль из-под ареста и вернуться на нем в Долину.

Я опустился на колено и осторожно притронулся к древнему ковру.

– Господи ты Боже мой! – воскликнул Силен. – Это обыкновенный ковер, парень! Не слишком, между прочим, привлекательный на вид. У себя дома я бы его держать не стал.

Я поднял голову.

– Это тот самый ковер-самолет, – подтвердил А. Беттик.

– Он летает? – справился я.

А. Беттик встал на одно колено рядом со мной и прикоснулся голубым пальцем к затейливому узору золотых нитей. Ковер внезапно сделался жестким как доска и приподнялся сантиметров на десять над полом.

Я покачал головой:

– Чудеса... Насколько я помню, ЭМ- двигатели на Гиперионе не работают...

– Большие – да, – подтвердил Силен. – ТМП, левитационные баржи и тому подобное. А ковер маленький. К тому же его слегка переделали.

– Переделали?

– Бродяги, – объяснил компьютер. – Когда мы у них были, они, насколько я помню, изменили очень многое.

– Ясно. – Я встал и дал легендарному ковру пинка. Он закачался, словно на невидимых пружинах, но остался на месте. – Ладно, допустим, что это ковер Мерри и Сири. Если мне не изменяет память, он летает со скоростью... гм... двадцать километров в час.

– Максимальная скорость двадцать шесть километров в час, – сообщил А. Беттик.

Я кивнул и снова пнул ковер.

– Пускай двадцать шесть. А сколько отсюда до Гробниц Времени?

– Тысяча шестьсот восемьдесят девять километров, – ответил компьютер.

– Понятно. А через сколько Энея выйдет из Сфинкса?

– Через двадцать часов, – отозвался Мартин Силен. Должно быть, прежнее изображение ему надоело: теперь я видел перед собой старика в «летающей кровати».

– Тогда мы опоздали, – подытожил я, бросив взгляд на свои часы. – Мне следовало вылететь пару дней назад. – Я подошел к роялю. – И потом, вы всерьез считаете, что эта рухлядь на что-то годится? У него что, имеется силовой экран, который защитит нас от лазеров и пуль?

– Нет, – сказал А. Беттик. – У ковра имеется только экран, который не дает пассажирам упасть во время полета.

Я пожал плечами:

– Итак? Что прикажете делать? Заявиться в Долину с ковром на плече и предложить махнуть: дескать, я вам, ребята, ковер, а вы мне девчонку?

А. Беттик продолжал любовно поглаживать выцветший ворс.

– Благодаря Бродягам аккумулятора теперь хватает на тысячу часов.

Я кивнул. Это, конечно, чудо сверхпроводниковой технологии, но мне оно не поможет.

– А скорость ковра после переделки составляет триста километров в час, – прибавил андроид.

Я принялся жевать губу. Что ж, к завтрашнему утру можно успеть. Правда, перспектива просидеть на ковре пять-шесть часов не из приятных, да и что потом?..

– Мне казалось, девочка должна улететь с планеты. Вы же хотели, чтобы она покинула Гиперион, верно?

– Верно. – Судя по голосу, силы Мартина Силена были на исходе. – Но сперва ее надо доставить на корабль.

Я подошел к лестнице и повернулся лицом к поэту, андроиду и парящему над полом коврику-самолету.

– Похоже, вы не понимаете! – Сам того не желая, я сорвался на крик. – В Долине находятся швейцарские гвардейцы, у которых радары, детекторы движения и прочие технические штучки. Вы, должно быть, спятили, если думаете, что я полечу туда на этом вшивом коврик. Подумаешь, триста километров в час! Да любой гвардеец, не говоря уж об импульсных истребителях и факельных звездолетах, прихлопнет меня в долю секунды! – Я помолчал. – Или вы опять что-то скрываете?

– Ну разумеется! – Мартин Силен вымученно усмехнулся. – Разумеется.

– Пойдемте наружу, – сказал А. Беттик. – Я покажу вам, как управлять ковром.

– Прямо сейчас? – Мой голос неожиданно сел. Сердце забилось вдвое быстрее обычного.

– Прямо сейчас, – откликнулся Мартин Силен. – Ты вылетаешь завтра в три утра. К тому времени тебе надо освоиться с управлением.

– Я вылетаю? – Глядя на легендарный ковер-самолет, я подумал: «Это все всерьез. Завтра меня могут убить».

– Вылетаешь, вылетаешь, – подтвердил поэт.

А. Беттик заставил ковер опуститься на пол и вновь скатал в рулон. Следом за андроидом я спустился по металлическому трапу и выбрался из люка. В окно башни проникал сноп солнечных лучей. «Господи, – подумалось мне, когда А. Беттик разложил ковер на каменном выступе и прикоснулся к золотой нити. – Господи Боже». Кровь пульсировала в висках. Изображение Силена куда-то запропастилось.

Андроид жестом пригласил меня сесть.

– В первый раз я полечу с вами, – сказал он.

Неподалеку шелестело листвою челмовое дерево. Господи, сколько же метров до земли?!

Я взобрался на подоконник и осторожно переполз на ковер-самолет.

Глава 11

Сигнал тревоги в боевом скиммере капитана де Сойи раздался ровно за два часа до появления девочки.

– Обнаружена воздушная цель, курс один-семь-два, движется в северном направлении, скорость двести семьдесят четыре километра в час, высота четыре метра, – перечислял оператор, находившийся на корабле класса «три К», в шестистах километрах от поверхности планеты. – Расстояние до цели пятьсот семьдесят километров.

– Четыре метра? – переспросил де Сойя у генерала Барнс-Эйвне, которая сидела напротив за панелью управления в центре боевой рубки.

– Пытается подобраться незамеченным, – отозвалась генерал, женщина невысокого роста, с бледной кожей и рыжими волосами. Ни кожи, ни волос из-под боевого скафандра не было видно. За три недели знакомства де Сойя не заметил, чтобы Барнс-Эйвне хоть раз улыбнулась. – Тактический визор, – прибавила генерал.

Капитан опустил визор. Цель находилась у южной оконечности Эквы и двигалась на север.

– Почему мы не засекли ее раньше?

– Возможно, аппарат только что взлетел. – Барнс-Эйвне проверяла показания своего тактического комлога. Поначалу между генералом и капитаном возникло напряжение, длившееся около часа, в течение которого де Сойя толковывал генералу, что к чему. После этого разговора Барнс-Эйвне ни в чем не перечила капитану, которого большинство офицеров бригады считали ватиканским шпионом. Последнее де Сойю ничуть не заботило. Главное – доставить на Пасем девочку, а кем тебя считают окружающие, дело третье.

– Визуальный контакт отсутствует. Песчаная буря. Кстати, она движется в нашем направлении и будет здесь до часа «С».

Так обозначался момент, в который откроется Сфинкс. Лишь горстка офицеров знала истинную причину, по которой в Долину перебросили столь многочисленный контингент. Швейцарские гвардейцы не ворчали, но вряд ли кому-либо доставляло удовольствие пребывание на захудалой планетке с ее частыми песчаными бурями.

– Направление прежнее, курс один-семь-два, скорость двести пятьдесят девять, высота три метра, – сообщил оператор. – Расстояние пятьсот семьдесят километров.

– Пора сбивать. – Барнс-Эйвне переключилась на канал прямой связи. – Ваши предложения?

Де Сойя поднял голову. Скиммер повернул к югу. Снаружи, за похожими на глаза манты блистерами, промелькнули загадочные Гробницы Времени. На горизонте виднелась коричнево-желтая полоса.

– Может, сбить с орбиты?

– Это просто. Хотите, продемонстрирую, как действует пехота? – Генерал нажала на красную кнопку, которая на тактическом дисплее располагалась у южной оконечности защитного периметра, и перешла на боевую частоту. – Сержант Грегориус!

– Слушаюсь, госпожа генерал. – Голос у сержанта был низкий и хриплый.

– Вы следите за целью?

– Так точно.

– Перехватить, опознать и уничтожить, сержант.

– Есть, госпожа генерал.

На тактический комлог поступила картинка с орбиты: над дюнами неожиданно взмыли человеческие фигурки. Пять гвардейцев поднялись над облаком пыли, их полимерные экраны потускнели. На любой другой планете солдаты летели бы на электромагнитных отражателях,

а на Гиперионе им приходилось пользоваться объемными реактивными ранцами. В воздухе пятерка рассыпалась и устремилась на юг, навстречу буре. Расстояние между членами группы составляло несколько сотен метров.

– Инфракрасное изображение, – приказала Барнс-Эйвне, когда штурмовая группа скрылась в клубах песка. – Высветить цель. – На тактическом дисплее вспыхнуло размытое пятно. – Маленький, – заметила генерал.

– Самолет? – Наземный тактический дисплей был де Сойе в новинку.

– Слишком маленький. Может, парашан с мотором. – В голосе генерала не было и тени беспокойства.

На глазах у де Сойи скиммер пересек южную часть Долины Гробниц Времени и увеличил скорость. Песчаная буря неумолимо приближалась.

– Расстояние до точки перехвата сто восемьдесят километров, – лаконично сообщил сержант Грегориус. Де Сойя переключился на прием изображения с генеральского визора, и теперь они оба наблюдали то, что видел сержант, – стену песка, сквозь которую гвардейцы летели, как сквозь ночь, по приборам.

– Ранцы нагреваются. – Де Сойя сверился с комлогом. Голос принадлежал капралу Ки. – Песок набивается в воздухозаборники.

Де Сойя посмотрел на Барнс-Эйвне. Той предстояло принять нелегкое решение – еще немного, и гвардейцы начнут падать; но если они упустят неопознанный аппарат, генералу не избежать неприятностей.

– Сержант Грегориус, – ровным голосом произнесла генерал, – приказываю уничтожить цель.

– Госпожа генерал, – отозвался сержант после секундной заминки, – мы можем продержаться... – К голосу сержанта примешивался вой ветра.

– Уничтожить цель, сержант! – перебила Барнс-Эйвне.

– Слушаюсь!

Де Сойя увеличил радиус обзора и вдруг заметил, что генерал наблюдает за его манипуляциями.

– Полагаете, это отвлекающий маневр? Нас водят за нос?

– Может быть.

Нажатием пальца Барнс-Эйвне объявила готовность номер пять. Готовность номер шесть означала боевую тревогу.

– Посмотрим, – сказала она.

Между тем отделение сержанта Грегориуса открыло огонь. На расстоянии в сто семьдесят пять километров, тем более в условиях песчаной бури, когда воздух насыщен электричеством, лучевое оружие не годится. Грегориус выпустил стальной дротик, способный перемещаться со скоростью шесть звуковых. Цель продолжала двигаться прежним курсом.

– По-видимому, у него нет датчиков. Летит вслепую, – заметила генерал. – На автопилоте.

Дротик пролетел мимо и взорвался на расстоянии в тридцать метров от цели, выбросив навстречу летательному аппарату двадцать тысяч стальных игл.

– Цель уничтожена, – сообщил оператор с орбиты в ту же самую секунду, когда Грегориус доложил: – Попал.

– Найти и опознать, – приказала генерал. Скиммер развернулся и полетел обратно к Долине.

Де Сойя посмотрел на генерала. Стреляем издалека, но бросаем людей на съедение буре?

– Слушаюсь, – отозвался сержант. Его голос заглушил треск статических разрядов.

Скиммер опустился ниже, и де Сойя в тысячный раз за минувшие недели увидел Гробницы Времени. Сейчас он смотрел на них со стороны противоположной той, откуда когда-то приближались паломники (последнее паломничество состоялось триста лет назад): Дворец

Шрайка, напоминающий своими бесчисленными зубцами о существе, которое не появлялось тут много лет; далее Пещерные Гробницы, три подряд, разинутые пасти в розовом мраморе стены ущелья; огромный Хрустальный Монолит, Обелиск, Нефритовая Гробница; и, наконец, украшенный затейливой резьбой Сфинкс – крылья распростерты, дверь запечатана.

Капитан взглянул на хронометр.

– Час пятьдесят шесть, – сказала Барнс-Эйвне.

Де Сойя пожевал губу. Все подходы к Сфинксу вот уже несколько месяцев охраняли швейцарские гвардейцы. За их спинами располагались прочие подразделения. У каждой Гробницы – на случай, если пророчество окажется не совсем верным, – стоял патруль. За пределами Долины занимали позиции подкрепления. Из космоса вели постоянное наблюдение факельщики и командный звездолет. На краю Долины находился готовый к немедленному старту личный катер де Сойи, который должен был доставить капитана вместе с девочкой на авизо «Рафаил» (на борту корабля установили соответствующих размеров реаниматор).

Но сперва эту девочку по имени Энея следует окрестить. Тайнство совершится в часовне на борту «Святого Бонавентуры» сразу после того, как они окажутся в космосе. А три дня спустя она воскреснет на Пасеме, и капитан передаст ее с рук на руки адмиралу Марусину.

Де Сойе не давали покоя две мысли: что, если девочка пострадает, несмотря на все заветы кардинала Лурдзамийского? Что, если им не удастся захватить ее? Честно говоря, непонятно, какую угрозу для Ордена и Церкви может представлять ребенок – пускай даже ребенок из прошлого, ребенок, общавшийся с Техно-Центром.

Капитан отогнал надоедливые мысли. От него требуют не понимания, а послушания; он должен выполнять приказы начальства, служа в лице командиров Святой Церкви и Иисусу Христу.

– Нашли, – донесся сквозь треск голос сержанта Грегориуса. Де Сойя отрегулировал резкость визора, различил в клубах песка пять фигурок, увидел деревянные обломки, разодранный картон и покореженную металлическую конструкцию, нечто вроде планера с простенькой солнечной батареей.

– Управляемый летательный аппарат, – доложил капрал Ки.

Де Сойя отключил визор и улыбнулся генералу Барнс-Эйвне.

– Очередная учебная тревога? Если мне не изменяет память, пятая за день.

– В следующий раз тревога может оказаться боевой, – ответила генерал без тени улыбки. – Готовность номер пять подтверждаю, – проговорила она в микрофон. – В час «С» минус шестьдесят готовность номер шесть.

Командиры подразделений принялись рапортовать о выполнении приказа.

– Признаться, я не понимаю, кого мы опасаемся, – заметил капитан.

Барнс-Эйвне пожала плечами:

– Пока мы с вами беседуем, к Гипериону вполне могут подлетать Бродяги.

– Если так, им лучше нападать целым Роем, – отозвался де Сойя. – Иначе у них ничего не выйдет. Мы легко с ними справимся.

– На словах все просто, а вот на деле... – протянула генерал.

Скиммер совершил посадку. Открылся люк, на землю спустился трап. Пилот повернулся к генералу с де Сойей, снял визор и доложил:

– Мне было приказано сесть у Сфинкса за 110 минут до часа «С». Мы сели на минуту раньше.

Де Сойя поднялся:

– Хочу размяться, пока есть возможность. Не желаете присоединиться, генерал?

– Нет. – Барнс-Эйвне вновь поднесла к губам микрофон.

Разреженный воздух снаружи буквально искрился. Небо над головой было, как везде на Гиперионе, лазурным, однако над южной стеной каньона уже мерцало марево.

Де Сойя посмотрел на хронометр. Час пятьдесят. Капитан набрал полную грудь воздуха, пообещал себе не смотреть на часы по крайней мере минут десять и направился к возвышавшемуся неподалеку Сфинксу.

Глава 12

Когда многочасовая беседа наконец завершилась, меня отослали в постель с наказом спать до трех утра. Естественно, я не сомкнул глаз. Во-первых, мне обычно не спится в ночь перед дальней дорогой, а во-вторых, разве заснешь, когда вокруг творится такое?!

За окнами царил тишина, ярко сверкали звезды. Некоторое время я лежал на кровати, но около часа ночи встал, оделся и в пятый или шестой раз проверил содержимое своего вещмешка.

Экипировали меня, скажем прямо, не слишком шикарно: смена одежды и белья, носки, лазерный фонарь, две фляги с водой, подобранный по заказу нож в чехле, плотная куртка с термоподогревом, одеяло, которое можно было использовать как спальный мешок, инерционный компас, старый свитер, прибор ночного видения и пара кожаных перчаток. Что еще нужно искателю приключений?

Одежду я тоже подобрал соответствующую: удобная полотняная рубашка, жилет с множеством карманов, плотные габардиновые штаны вроде тех, в каких я, бывало, ходил на охоту, высокие сапоги – наслушавшись в детстве бабушкиных историй, я называл такие не иначе как «разбойничьими» – они слегка мне жали; и треуголка, без труда влезавшая в карман жилета.

Я пристегнул нож к поясу, положил в карман компас и наблюдал за звездами до тех пор, пока без пятнадцати три не появился А. Беттик.

Старый поэт не спал, поджидая меня в комнате наверху башни. В небе холодно мерцали звезды, в светильниках у стен потрескивало пламя; кроме того, комнату освещали висевшие на стенах факелы. Мне предложили завтрак – жареное мясо, фрукты, пирожки с повидлом и свежий хлеб, но я взял только чашечку кофе.

– Закуси, – пробурчал старик. – Кто знает, когда тебе доведется поесть в следующий раз?

Я пристально поглядел на него. От чашки в моей руке поднимался пар.

– Если все пойдет по плану, через пять с небольшим часов я окажусь на звездолете. Там и поем.

Силен фыркнул:

– Юноша, когда и где все шло по плану?

– Кстати, – я пригубил кофе, – вы, кажется, собирались поведать мне о чуде, которое отвлечет швейцарских гвардейцев.

– Доверься мне, сынок, – произнес, помолчав, Силен.

Я вздохнул. Подтвердились мои худшие опасения.

– Значит, довериться, и все? – Он молча кивнул. – Ладно, посмотрим. – Я повернулся к А. Беттику: – Не забудь, где ты должен быть вместе с кораблем.

– Не забуду, месье Эндимион, – отозвался андроид.

Я подошел к коврику-самолету, на котором уже лежал мой вещмешок.

– Как насчет последних указаний? – спросил я, обращаясь ко всем сразу.

«Летающая кровать» Мартина Силена приблизилась на пару метров. В свете факелов старик сильнее прежнего смахивал на мумию. Его пальцы казались пожелтевшими от времени костями.

– Слушай, – прохрипел он.

В безбрежном море тварь живет. Она
Столетиями дрыхнуть обречена,
Чтобы однажды подвести итог —
Наедине с собой в урочный срок.

Вообразить дано кому из нас
Такую муку? Сотни тысяч раз
В часы отлива обнажалось дно.
А тварь все ждет. Но ей не суждено,
Дождавшись срока, обрести покой:
Пусть мир она изучит колдовской,
Каков он есть, пускай познает ход
Светил небесных и движенье вод,
Познает смысл вещей и хоть чуть-чуть
Субстанций, звуков, форм постигнет суть —
Но не умрет. Должна и дальше жить,
Страданье с редкой радостью делить
Благочестиво... И опять — одна,
К существованью приговорена.
Когда же час назначенный пробьет,
Когда нальется соком зрелый плод,
Предстанет некий юноша пред ней,
Небес благих посланец. Вестник сей
Научит умереть — иначе он
На вечность вместе с нею обречен.

— Я не понимаю, что...

— Ну и хрен с тобой. Спаси Энею, переправь ее к Бродягам, а когда вырастет, привези ко мне. Проще простого, Рауль Эндимион, даже пастух с этим справится.

— Я еще был помощником планировщика, барменом и охотником. — Я поставил чашку на стол.

— Почти три, — проговорил Силен. — Пора.

— Сей момент. Меня учили перед дальней дорогой заглядывать в одно хорошее местечко. — Я сбегал в уборную, облегчился, на секунду прислонился к холодной стене, услышал голос бабушки: «Рауль Эндимион, ты что, спятил?», ответил: «Да» и вернулся к Силену. Ноги подгибались, сердце бешено колотилось. — Порядок.

Мартин Силен фыркнул. «Летающая кровать» зависла рядом с ковром. Я уселся на ковер, прикоснулся к левитационным нитям и взмыл на полтора метра в воздух.

— Не забудь включить автопилот, когда окажешься в Разломе.

— Да помню я, помню...

— Заткнись и слушай. — Костлявые пальцы коснулись нитей. — Нажмешь сюда, сюда и сюда. Можешь, конечно, управлять вручную, если ткнешь вот сюда... Но я тебе не советую. Сам ты никогда оттуда не выберешься. Положись на программу.

Я кивнул и облизнул пересохшие губы.

— А кто программировал автопилот? Кто летал на ковре?

— Твой покорный слуга. — Силен оскалил в ухмылке зубы. — Без малого двести лет назад. На программирование у меня ушло несколько месяцев.

— Двести лет! — Я чуть было не спрыгнул на пол. — Да за это время все двадцать раз могло измениться! Обвалы, землетрясения, оползни...

Мартин Силен пожал плечами:

— Ты полетишь со скоростью свыше двухсот километров в час. Следовательно, если во что-то и врежешься, то наверняка разобьешься. — Он похлопал меня по спине. — Давай отправляйся. Энее сердечный привет. Скажи ей, что дядюшка Мартин хочет побывать перед смертью

на Старой Земле. И что старому пердуну не терпится услышать, как она «субстанций, форм и звуков явит суть».

Я поднял ковер повыше. А. Беттик протянул мне руку, которую я крепко пожал.

– Удачи, месье Эндимион.

Я кивнул, внезапно сообразив, что сказать мне нечего, вылетел из башни и направил ковер к небосводу.

Чтобы добраться из города Эндимион на континенте Аквила до Долины Гробниц Времени на Экве, следовало лететь на север. А я полетел на восток.

Вчерашний испытательный полет – утомленному сознанию мнилось, будто это произошло не вчера, а сегодня, – убедил меня, что управлять ковром очень просто; правда, скорость тогда не превышала нескольких километров в час. Поднявшись на сотню метров над башней, я задал курс – освещая зажатым в зубах фонариком инерционный компас, выровнял ковер и сверился со старой картой, которую вручил мне поэт, после чего прижал ладонь к узору из золотых нитей. Ковер начал разгоняться, вскоре включился силовой экран, защищающий пассажиров от ветра. Я обернулся, чтобы бросить последний взгляд на башню и помахать Силену, если тот вдруг высунется в окно, однако развалины города уже затерялись в ночной темноте.

Спидометра на ковре не было, поэтому скорость приходилось определять на глазок. Впереди маячили горы, снежные шапки которых были отчетливо видны в свете звезд; на всякий случай я надел ночной визор и вновь сверился с картой. Начались предгорья, и я взмыл выше; в сотне метров подо мной мелькали призрачно-зеленые в окулярах визора валуны, водопады, следы лавин и ледяные поля. Ковер летел бесшумно, силовой экран не пропускал ни единого звука; несколько раз я замечал испуганных животных, которые убегали от диковинной бескрылой птицы. Через полчаса я пересек континентальную границу, удерживая ковер точно посередине ущелья глубиной в пять тысяч метров. Было чертовски холодно; несмотря на то что силовой экран удерживал тепло, я уже давно натянул перчатки и куртку с подогревом.

Преодолев горы, я снизился. Тундра сменилась пустошами, затем стали появляться заросли вечнозеленого кустарника и карликовые триаспении. Впрочем, они быстро исчезли, а на востоке, подобно рассвету, возникло зарево – там светился огненный лес.

Я снял визор и положил его обратно в мешок. В воздухе потрескивали статические разряды, с ветвей высоченных деревьев тесла срывались шаровые молнии, огненные зигзаги вспарывали воздух, кругом полыхали костры из прометеев и фениксов. Зрелище впечатляло и наводило страх. Вспомнив предостережения Силена и А. Беттика, я поднял ковер повыше: уж лучше быть обнаруженным, чем угодить в этот электрический мальстрем.

Миновал час, и небо на востоке сначала посерело, а потом сделалось бледно-голубым. Огненный лес остался позади, и я увидел Разлом.

Я чувствовал, что последние сорок минут, летя над плато Пиньон, забираюсь все выше, но только теперь, различив впереди Разлом, осознал, на какую поднялся высоту. Признаться, меня бросило в дрожь: Разлом представлял собой узкое ущелье глубиной в три тысячи метров. Я развернулся над южной оконечностью Разлома и направил ковер к реке на дне ущелья, понемногу сбрасывая скорость. Река оглушительно ревела, на потемневшем небе вновь выпали звезды – я словно упал в глубокий колодец. Течение реки загромаждали ледяные глыбы и валуны размерами с космический корабль Консула. Я старался держаться метрах в пяти над пенными брызгами.

Поглядев на часы, я снова сверился с картой. До входа не больше двух километров... Ага!

Меня не предупреждали, что оно настолько большое, это безупречно правильное квадратное отверстие – по меньшей мере тридцать на тридцать метров. Очертаниями вход в планетарный лабиринт напоминал гигантскую дверь или храмовый портал. Я затормозил. Если верить хронометру, на дорогу до Разлома ушло без малого полтора часа. Долина Гробниц Вре-

мении лежит в тысяче километров к северу. Четыре часа полета на крейсерской скорости. А до того момента, когда из Сфинкса выйдет Энея, четыре часа двадцать минут.

Ковер скользнул к пещере. Я попытался вспомнить «Историю Священника» из «Песней» Мартина Силен: кажется, именно здесь, у входа в лабиринт, отец Дюре и бикюра встретились со Шрайком и крестоформами.

Никакого Шрайка не было и в помине. Я ничуть не удивился – Шрайк не показывался с того дня, как двести семьдесят четыре года назад погибла Великая Сеть. Крестоформов тоже не было. Естественно, их давным-давно соскребли со стен по распоряжению Ордена.

О лабиринте я знал только по слухам. Молва утверждала, что в составе Гегемонии было девять планет с лабиринтами. Все эти планеты были похожи на Землю – коэффициент 7,9 по древней шкале Сольмева, – однако тектонически больше походили на Марс. Назначение лабиринтов оставалось непонятным. Их проложили за десятки тысяч лет до того, как человечество покинуло Старую Землю; ни единого следа строителей обнаружить не удалось. Лабиринты породили множество мифов (некоторые вошли в «Песни»), но тайны своей так и не раскрыли. Карты гипериионского лабиринта не существовало в природе – если не считать участка, который мне предстояло пролететь со скоростью двести семьдесят километров в час. Его, как я надеялся, заснял на карту Мартин Силен.

Я вновь надел ночной визор. По спине побежали мурашки. Я достал фонарь и закрепил его на ковре таким образом, чтобы он освещал дорогу, а заодно установил луч на максимальное рассеивание. Свет, конечно, будет слабенький, но для визора вполне достаточный. Огромная пещера, этакая исполинская призма, разветвлялась впереди на несколько туннелей.

Переведя дыхание, я нажал на левитационные нити. Ковер прыгнул вперед, резко набирая скорость; несмотря на силовой экран, меня отбросило назад.

Да, если я сверну не туда и вмажусь на такой скорости в стену, силовой экран меня не спасет. Ковер притормозил, вильнул вправо, выровнялся и устремился дальше по туннелю, уводящему куда-то вниз.

Я стянул визор, сунул его в карман жилета, ухватился за кромку ковра, который, похоже, так и норовил встать на дыбы, и крепко зажмурился. Правда, это было лишним – меня и так окружал непроглядный мрак.

Глава 13

До момента, когда должен был открыться Сфинкс, оставалось пятнадцать минут. Капитан де Сойя расхаживал у входа в Гробницу. В Долине бушевала песчаная буря, из-за которой капитану не было видно ни швейцарских гвардейцев, ни бронетранспортеров с ракетными установками и постами наблюдения. Впрочем, он их все равно не увидел бы – гвардейцы использовали камуфляжные поля и полимерную маскировку. Чтобы различить хоть что-нибудь поблизости от себя, капитану пришлось включить инфракрасный визор. Несмотря на то что боевой скафандр был полностью герметичен, песок каким-то невероятным образом проникал за шиворот и скрипел на зубах. Мокрое от пота лицо де Сойи украшали красноватые разводы, наводившие на мысль о священных стигматах.

– Внимание, – произнес капитан, переключившись на боевую частоту. – Говорит капитан де Сойя, посланник Его Святейшества Папы Римского. Перед тем как генерал Барнс-Эйвне отдаст последние распоряжения, хочу подчеркнуть – никаких выстрелов и действий, могущих поставить под угрозу жизнь девочки, которая выйдет из Гробницы через... тринадцать с половиной минут. Это касается каждого солдата и офицера, каждого матроса и капитанов космических кораблей, каждого летчика и пехотинца – на девочке не должно быть ни единой царапины. Всякого, кто ослушается приказа, ждет военный трибунал и смертная казнь. Мы все должны послужить сегодня Господу Богу и Святой Церкви. Иисус, Мария, Иосиф, к вам взываю – да исполнятся наши надежды. Капитан де Сойя, командир экспедиционного корпуса на планете Гиперион. Конец связи. – В наушниках послышалось многоголосое «аминь». Выждав несколько секунд, де Сойя произнес: – Генерал?

– Да, капитан, – отозвалась ровным голосом Барнс-Эйвне.

– Я серьезно расстрою ваши планы, если попрошу прислать ко мне отделение сержанта Грегориуса?

На мгновение установилась тишина – генерал обдумывала просьбу де Сойи. Капитан оглядел «комитет по встрече» – отряд швейцарских гвардейцев, врача со шприцем снотворного наготове, санитар с контейнером, внутри которого, в стазисном поле, находился живой крестоформ.

– Грегориус будет у вас через три минуты, – сообщила Барнс-Эйвне. Тактический комлог донес до капитана команду и «приказ понял, выполняю» Грегориуса. Этой пятерке по милости де Сойи снова придется рисковать жизнью...

Отделение прибыло через две минуты сорок пять секунд. Де Сойя увидел на инфракрасном визоре ослепительно-белое сияние, исходящее от реактивных ранцев.

– Снимите ранцы, – приказал он. – Что бы ни случилось, оставайтесь со мной.

– Слушаюсь, сэр, – отрапортовал сержант Грегориус, приближаясь к де Сойе. Очевидно, он хотел удостовериться, с кем именно должен оставаться рядом.

– Десять минут, – проговорила генерал. – Датчики указывают на возрастание активности антиэнтропийных полей вокруг Гробниц.

– Я чувствую, – откликнулся де Сойя. Он ничуть не преувеличивал: темпоральный прилив вызвал у него головокружение, к горлу комом подкатила тошнота. Капитану казалось, он едва сохраняет равновесие, словно после обильных возлияний. Осторожно переставляя ноги, де Сойя начал подниматься по ступеням. Отделение Грегориуса двинулось следом.

Приблизившись к «членам комитета», капитан послал опознавательный радиосигнал, продублировал его в инфракрасном диапазоне, переговорил с врачом, напомнив, что ребенка следует только усыпить, и принялся ждать. Вместе с ним в «группе встречающих» насчитывалось тринадцать человек. Внезапно де Сойя сообразил, что гвардейцы с оружием на изготовку выглядят не слишком приветливо.

– Отведите людей чуть назад, – приказал он сержантам, – чтобы вас не было видно.

– Есть, сэр. – Сделав пять-шесть шагов, солдаты скрылись из глаз. Ничего, пускай их не видно, за собственную безопасность с такой охраной можно не опасаться.

– Надо подойти поближе, – сказал де Сойя медикам. Они поднялись выше. Возмущение антиэнтропийных полей ощущалось все отчетливее. Капитану вспомнилось, как в детстве он сражался на родной планете с норовившим сбить с ног прибоем. Нечто похожее происходило и сейчас.

– Семь минут, – сообщила Барнс-Эйвне. Переключившись на тактический канал, она спросила у де Сойи: – Может, прислать за вами скиммер? Сверху лучше видно.

– Благодарю, не стоит. Я останусь с группой. – На тактическом дисплее было видно, как скиммер набирает высоту. Поднявшись до десяти тысяч метров, машина зависла в воздухе. Ничего не скажешь, Барнс-Эйвне хороший командир: хочет влиять на ход событий, не принимая в них участия. Де Сойя связался с пилотом своего катера: – Хироши!

– Да, сэр.

– Старт в течение десяти минут.

– Слушаюсь, сэр.

– Буря нам не помешает? – Подобно всем капитанам космических кораблей, де Сойя сильнее всего на свете опасался штучек, которые может выкинуть атмосфера.

– Никак нет, сэр.

– Отлично.

– Пять минут. По сообщениям с орбиты, в радиусе тридцати астроединиц никакой активности не отмечено. Воздушный патруль в северном полушарии докладывает, что у них все спокойно. Служба наземного слежения утверждает, что неопознанных объектов в зоне наблюдения не обнаружено.

– На радарх все чисто, – доложил оператор с орбиты.

– У нас тоже, – отозвался командир звена «скорпионов». – Кстати говоря, денек чудесный.

– Полное радиомолчание до отмены боевой тревоги, – приказала Барнс-Эйвне. – Четыре минуты. Датчики показывают максимальное возмущение антиэнтропийных полей. Штурмовая группа, прием.

– Я у двери, – сообщила доктор Чаткра.

– Все в порядке, – дрожащий голос принадлежал молодому санитару по имени Каф. Де Сойя вдруг понял, что не знает, кто это – мужчина или женщина.

– Штурмовая группа на месте. – Оглянувшись через плечо, капитан не увидел подножия лестницы. В воздухе клубились мириады песчинок, трещали статические разряды. Де Сойя переключился на инфракрасное изображение: оружие в руках швейцарских гвардейцев казалось раскалившимся добела.

Неожиданно обрушилась тишина, и де Сойя услышал собственное дыхание. В наушниках потрескивало, разряды искажали изображение на тактическом дисплее. Капитан раздраженно поднял визор. Вход в Гробницу находился не далее чем в трех метрах – то возникал из песчаной завесы, то вновь прятался за нее. Де Сойя шагнул к двери.

– Две минуты. Оружие к бою. Включить автоматические записывающие устройства. Медицинским бригадам приготовиться.

Де Сойя зажмурился, стараясь справиться с головокружением. Вселенная воистину полна чудес, подумалось ему. Жаль, что девочку сразу придется усыпить. Таков приказ – пока она будет спать, ее окрестят и переправят на Пасем, и де Сойя, по всей вероятности, никогда больше не увидит Энею. Жаль. Хотелось с ней поговорить, расспросить о прошлом...

– Одна минута. Полная боеготовность.

– Генерал! – Чтобы определить, чей это голос, де Сойе пришлось вновь опустить визор. Голос принадлежал лейтенанту службы наземного слежения. – Возмущение во всех полях! Открывается не только Сфинкс, но и Монолит, Дворец Шрайка, Нефритовая Гробница...

– Молчать! – рявкнула Барнс-Эйвне. – Тридцать секунд. Мы всё видим.

Де Сойя спохватился: девочка выйдет из Сфинкса – и перед ней предстанут три фигуры в боевых скафандрах, с опущенными визорами. Что ж, поговорить им, скорее всего, не удастся, но человеческое лицо перед тем, как заснуть, она увидит.

– Пятнадцать секунд. – В голосе генерала наконец-то прозвучало волнение.

Де Сойя поднял руку в перчатке, защищая глаза от когтей песка, моргнул, прогоняя слезы. Двери Сфинкса начали открываться вовнутрь, в темноту. Капитан с доктором Чаткрой шагнули вперед. Сейчас было бы кстати инфракрасное изображение... Но нет, он не опустит визор.

В темноте что-то шевельнулось. Де Сойя удержал врача:

– Подождите.

Тень обрела очертания, превратилась в ребенка. Девочка. Ниже ростом, чем ожидал де Сойя; ветер треплет волосы...

– Энея, – позвал капитан, удивляясь самому себе: ведь он не собирался ни окликать ее, ни тем более заговаривать. Девочка подняла голову и посмотрела на де Сойю. Во взгляде не было страха – только тревога и печаль... – Энея, не пугайся...

Из-за спины капитана выскользнула доктор Чаткра со шприцем в руке. Девочка попятилась.

Капитан де Сойя различил во мраке Гробницы еще одну фигуру, и тут раздался первый крик.

Глава 14

До тех пор пока я не очутился в лабиринте, мне и в голову не приходило, что я подвержен клаустрофобии. Но этот безумный полет сквозь непроглядную тьму, это погружение в катакомбы под ненадежной защитой силового экрана, это чувство, что кругом только камень и мрак... Двадцать минут спустя я отключил автопилот, посадил ковер-самолет, снял экран, встал, сделал шаг в сторону и заорал во все горло.

Потом схватил фонарь и начал водить лучом по стенам. В каменном коридоре было чертовски жарко. Наверно, я глубоко под землей... Ни сталактитов со сталагмитами, ни летучих мышей; голые стены уводящего в бесконечность туннеля. Ковер-самолет в свете фонаря казался половой тряпкой. Неужели я ненароком стер программу автопилота? Если так, мне крышка. По дороге сюда было столько поворотов, что я не запомнил бы их, даже если бы очень постарался.

Я закричал снова, именно закричал, а не завопил, чтобы хоть немного успокоить расшалившееся воображение. Мне чудилось, что стены сдвигаются, однако я усилием воли отогнал наваждение и справился с тошнотой.

Оставалось три с половиной часа. Три с половиной часа подземных кошмаров, чудовищной свистопляски в мыслях, не поддающегося описанию полета с бешеной скоростью... А что потом?

Надо было прихватить с собой оружие. Естественно, с оружием или без, у меня не было ни малейшего шанса победить в схватке с гвардейцем – даже с рядовым необученным сил самообороны; однако для самоуспокоения... Я выхватил из чехла охотничий нож. Стальное лезвие сверкнуло в свете фонаря. Я расхохотался.

Чистой воды безумие.

Убрав нож в чехол, я забрался на ковер и коснулся нитей. Ковер вздрогнул, поднялся над полом пещеры и устремился во мрак, унося меня в неизведанное.

Капитан де Сойя заметил огромную фигуру за мгновение до того, как она исчезла и как раздался вопль. Доктор Чаткра заслонила девочку от де Сойи. Пронесся порыв ветра, и голова врача, подпрыгивая на ступеньках, прокатилась мимо капитана.

– Мать Божья, – прошептал де Сойя. Тело Чаткры продолжало стоять. Энея закричала; ее крик потерялся в завывании бури, однако тело врача в ту же секунду рухнуло на каменный пол. Санитар Каф, выкрикнув что-то неразборчивое, кинулся к девочке. Ему преградило путь темное пятно. Каф отпрянул; рука санитара осталась лежать на полу. Энея бросилась к лестнице. Де Сойя ринулся вдогонку, но столкнулся с металлической, усеянной шипами статуей. Эти шипы – немыслимо! – проткнули боевой скафандр и вонзились в кожу; хлынула кровь.

– Нет! – закричала девочка. – Перестань! Слышишь, я приказываю!

Трехметровая металлическая статуя медленно повернулась. Де Сойе показалось, он различает пылающие адским огнем глаза. В следующий миг статуя исчезла. Капитан шагнул к девочке, желая одновременно успокоить ее и схватить. Неожиданно левая нога подломилась, и он упал на колено.

Энея приблизилась к нему, прикоснулась к плечу и прошептала – как ни странно, ее шепот перекрыл вой ветра и какофонию в наушниках:

– Все будет хорошо.

Капитан испытал несказанную радость, его сердце исполнилось надежды, и он заплакал.

Девочка куда-то пропала. Над капитаном склонилась огромная фигура. Де Сойя стиснул кулаки и попытался встать, понимая, что зря старается, что демон вернулся убить его...

– Не дергайтесь, сэр! – Это был голос сержанта Грегориуса. Сержант помог де Сойе подняться, подхватил капитана под локоть и повел лазерным лучом вдоль стены.

– Не стреляйте! – воскликнул де Сойя. – Девочка...

– Она исчезла. – Сержант выстрелил наугад. Лазерный луч рассек песчаную завесу, которая тут же сомкнулась. – Проклятие! – Грегориус взвалил капитана на плечо и двинулся к выходу из Гробницы. Вопли в наушниках становились все безумнее.

Хронометр и компас подсказывали, что я почти на месте. Уточнить было не у кого. Я по-прежнему летел вслепую, цепляясь за край ковра-самолета, который сам выбирал, куда сворачивать. Кстати говоря, это было просто замечательно, мне и без того хватало забот: я изо всех сил сражался с головокружением и приступами клаустрофобии.

На протяжении двух последних часов я не снимал ночного визора и не выключал фонарь. При скорости в триста километров в час скалистые стены проносились мимо с ужасающей быстротой. Но уж лучше так, чем лететь в полной темноте.

Внезапно в глаза брызнул свет. Чуть не ослепнув, я сорвал визор, сунул его в карман и принялся моргать, чтобы восстановить зрение.

Ковер неся к прямоугольнику ослепительно-белого света. Помнится, старый поэт говорил, что Третья Пещерная Гробница была закрыта два с половиной столетия. Все прочие Гробницы Времени запечатали вручную после Падения, однако в Третьей Пещерной имелась каменная стена, отделявшая ее от лабиринта. Признаться, я все ждал, что вот-вот врежусь в эту самую стену.

Прямоугольник стремительно увеличивался в размерах. Я вдруг сообразил, что туннель понемногу поднимается к поверхности. Ковер начал сбрасывать скорость – видимо, автопилот заканчивал выполнение программы. «Отлично сработано, старина», – пробормотал я, впервые услышав свой голос после проверки голосовых связей три с половиной часа назад.

Однако если ковер притормозит еще, меня наверняка подстрелят. Кажется, Мартин Силен обещал, что мне поможет некое чудо. Пора бы этому чуду произойти.

Мне навстречу водопадом летит песок. Это и есть чудо? Будем надеяться, что нет. Солдатам ничего не стоит разглядеть меня в песчаной буре. Я остановил ковер у проема, достал из мешка платок и очки, закрыл платком нос и рот, лег на живот и прикоснулся к золотым нитям.

Ковер вылетел наружу.

Я заложил крутой вираж, бросил ковер вправо, отдавая себе отчет, что систему автонаведения такими штучками не собьешь. Ну и ладно, когда речь заходит о спасении собственной шкуры, о логике можно на время забыть.

Буря разбушевалась не на шутку. Уже в двух метрах от ковра ничего не было видно. Дела делишки... Мы с поэтом как-то не рассчитывали на песчаную бурю. Черт возьми, невозможно даже определить высоту.

Внезапно под ковром промелькнула утыканная шипами летающая крепость, затем я пролетел над второй шипастой машиной и только тут сообразил, что чуть было не врезался в Дворец Шрайка. Выходит, я лечу в обратную сторону, на юг, а мне надо на север. Я посмотрел на компас, убедился, что так оно и есть, и развернул ковер. Если судить по Дворцу, до земли метров двадцать.

Я остановил ковер, на который тут же обрушился ветер, опустился, как на лифте, на камни, снова поднялся – до трех метров и медленно полетел на север.

Где же гвардейцы?

Словно в ответ на мой незаданный вопрос, мимо промелькнули фигуры в боевых скафандрах. Они палили из винтовок и иглометов – но не по мне, а куда-то себе за спину. Швейцарские гвардейцы бегут?! Не может быть!

Внезапно я осознал, что воздух дрожит от истошных, перекрывающих вой ветра воплей. Невероятно... В такую бурю солдаты должны быть в шлемах с опущенными визорами... Вопли раздавались со всех сторон.

Метрах в десяти у меня над головой взревел реактивный двигатель. Пушки скиммера палили во все стороны. Я уцелел только потому, что находился непосредственно под скиммером. Стоило мне резко затормозить, как в глаза ударила ослепительная вспышка: скиммер врезался то ли в Нефритовую Гробницу, то ли в Хрустальный Монолит.

Слева вспыхнула перестрелка. Я взял вправо, затем вновь повернул на северо-запад, предполагая обогнуть гробницы. На сей раз крики слышались справа и впереди. Кто-то выстрелил. Выстрелил и промахнулся. Немыслимо!

Я не стал выяснять причину подобной снисходительности и спикировал вниз. Ковер плюхнулся наземь, я откатился в сторону в тот самый миг, когда над моей головой сверкнул лазерный луч. Инерционный компас, болтавшийся на шее, чувствительно стукнул меня по носу. Укрыться было негде – ни единого валуна. Я попытался зарыться в песок. В воздухе с характерным звуком просвистели дротики. Да, если бы я решил лететь дальше, мое брненное тело изрешетили бы за милую душу заодно с ковром.

Метрах в трех от меня стояло, широко расставив ноги, некое громадное существо. Оно напоминало великана в боевом скафандре – и с избытком рук. В него, высветив на мгновение усеянный шипами торс, угодил плазменный заряд. Как ни странно, существо не расплавилось и не разлетелось вдребезги.

Невозможно! Ядри твою мать, невозможно, и все! Краешком сознания я отметил, что начал сыпать ругательствами (то была моя обычная реакция на опасность).

Громадное существо исчезло. Слева вновь раздалась вопли, впереди гроыхнул взрыв. Черт побери, как мне теперь добраться до девчонки? А если доберусь – как отыскать Третью Пещерную Гробницу? Наш план состоял в том, что я благодаря чуду, которое обещал устроить поэт, хватаю Энею, мчусь к Третьей Пещерной, запускаю автопилот, и мы на всех парах несемся к Башне Хроноса, где нас поджидает А. Беттик – который будет там через... три минуты.

Но даже если на поверхности планеты все пошло кувырком, причем непонятно из-за чего, это не помешает факельщикам сбить звездолет Консула. А стоит кораблю задержаться на одном месте дольше чем на тридцать секунд, по нему не промахнутся и наземные ракетные установки. Похоже, все планы пошли насмарку.

Земля под ногами вздрогнула, по Долине прокатился гул: то ли взорвался какой-нибудь склад боеприпасов, то ли рухнул летательный аппарат раза в три больше скиммера. Над северной оконечностью Долины поднялось алое зарево, настолько яркое, что его не могла скрыть даже песчаная завеса. На фоне пламени я различил десятки фигур в скафандрах: они летели, бежали, стреляли и падали. Одна фигурка, гораздо ниже остальных, была без скафандра. Рядом с ней возвышался шипастый великан. Маленькая фигурка колотила кулачками по утыканной шипами груди.

– Твою мать! – Я пополз к коври-самолету, но с ужасом понял, что не могу его найти. Протер глаза, зашарил руками вокруг, наконец наткнулся на торчащий из-под песка уголок. Принялся рыть – должно быть, со стороны я смахивал на бешеного пса. Мои пальцы коснулись золотых нитей, я взлетел и направил ковер в сторону зарева. Крохотная фигура и шипастый великан исчезли, но у меня хватило ума засечь по компасу направление. Воздух пронизали два энергетических залпа: один прошел в сантиметрах надо мной, другой – в миллиметрах под ковром. – Ублюдки! Гниды поганые! – Честно говоря, я и сам не знал, кому предназначались эти слова.

Сержант Грегориус продвигался сквозь песчаную бурю с капитаном де Соей на плече. Де Соя смутно осознавал, что поблизости от них какие-то люди стреляют наугад по невидимым целям. Может, это отделение Грегориуса? Господи Боже, только бы увидеть девочку, только бы поговорить с ней...

Грегориус чуть было не врезался во что-то темное. Остановившись, сержант окликнул по радиации своих товарищей, затем осмотрел машину. Бронетранспортер-«скарабей» лишился полимерного силового экрана, левая гусеница отсутствовала, стволы пушек на корме расплавились, точно восковые свечи. В правом блистере зияла дыра.

Грегориус осторожно пропихнул капитана внутрь, забрался следом сам и включил фонарь, чтобы осмотреться. Кресло водителя выглядело так, словно кто-то облил его красной краской. Задняя переборка напоминала о нелепом старинном стиле под названием «абстракционизм» (де Соя видел в музее одну картину кисти художника-абстракциониста): правда, этот металлический холст был размалеван кровью и к нему прилипли ошметки человеческих тел.

Сержант подтащил капитана к передней переборке. В блистер «скарабея» тем временем протиснулись две фигуры в скафандрах.

Де Соя протер глаза.

– Со мной все в порядке. – Голос капитана был слабым, почти детским.

– Конечно, сэр. – Грегориус достал из ранца медпакет.

– Не нужно, – запротестовал капитан. – Скафандр... – Он имел в виду, что все боевые скафандры самостоятельно герметизируют разрывы и залечивают не слишком серьезные раны. Де Соя окинул взглядом свое тело и... Левая нога держалась непонятно на чем. Ниже бедер от взрывоустойчивого, энергозащитного полимерного скафандра остались одни обрывки. На левом бедре эти обрывки сформировались в некое подобие турникета. В нагруднике зияли бесчисленные отверстия, лампочки медицинского анализатора тревожно мигали красным. – Иисусе! – выдохнул капитан. Это была молитва.

– Не беспокойтесь, сэр. – Сержант Грегориус перетянул капитанское бедро жгутом. – Мы вас быстренько доставим на корабль, оглянуться не успеете. – Он повернулся к солдатам, в изнеможении привалившимся к переборке. – Ки? Реттиг?

– Так точно, сержант, – отозвался один.

– Где Меллик и Отт?

– Погибли. Их прикончила эта тварь.

– Ясно. Не отключайтесь. – Сержант снял перчатку и притронулся пальцем к ране на груди капитана. – Больно, сэр?

Де Соя покачал головой. Он ничего не чувствовал.

– Ясно, – мрачно повторил Грегориус и принялся вызывать кого-то по тактическому каналу.

– Девочка... – проговорил де Соя. – Надо найти девочку...

– Есть, сэр, – произнес Грегориус, не трогаясь с места. Он переходил с частоты на частоту, и де Соя слышал обрывки передач:

– Осторожно! Господи! Он возвращается!..

– «Бонавентура»! «Бонавентура»! Вас уносит в космос. Повторяю, вас уносит...

– «Скорпион» один-девять вызывает командный пункт... Боже мой, левый двигатель накрылся! «Скорпион» один-девять вызывает... Откликнитесь хоть кто-нибудь! Ничего не вижу...

– Джеми! Джеми! Господи!

– Хватит визжать! Солдаты вы или кто, мать вашу? Освободите канал!

– Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое...

– Этот долбаный... ах, черт! Я попал в этого долбаного выродка, а он...

– Множество целей... Повторяю, множество целей по периметру обороны... – И пронзительный вопль.

– Командный пункт, прием! Командный пункт, прием!

Чувствуя, что сознание вытекает из него, как кровь – из чудовищной раны на ноге, де Сойя опустил визор. На тактическом дисплее царил полная неразбериха. Он переключился на канал прямой связи с Барнс-Эйвне.

– Генерал, это капитан де Сойя. Как слышите?

Барнс-Эйвне не отзывалась.

– Она погибла, сэр, – проговорил сержант Грегориус, втыкая в руку де Сойе иглу шприца. Капитан и не заметил, когда с него сняли скафандр. – Я видел, как ее скиммер врезался в какую-то Гробницу. – Сержант ловко, как заправский портной, притянул ногу де Сойи к бедру и закрепил проволокой. – Полковник Брайдсон не отвечает. И капитан Ранье с факельщика. «Три К» тоже молчит.

– Что происходит, сержант? – Де Сойе лишь невероятным усилием воли удалось сохранить сознание.

Грегориус наклонился к капитану. Только теперь, когда он поднял визор, де Сойя увидел, что у сержанта черная кожа.

– Знаете, сэр, у нас в морской пехоте была хорошая фраза.

– А, ПП, – сияясь улыбнуться, отозвался де Сойя. – Плакали подарки, так, что ли?

– Офицеры – люди вежливые, – пробурчал Грегориус. Он жестом указал Ки и Реттигу на блистер. Те послушно выбрались наружу. Сержант взял капитана на руки, как ребенка. – А солдаты народ простой. Мы говорили: «Полный пи...».

Де Сойя на мгновение потерял сознание.

– Капитан, слышите меня? Капитан?! Черт подери, вы меня слышите?

– Выбирайте выражения, сержант, – проговорил де Сойя, чувствуя, как погружается во мрак. Ничего не поделаешь, да и не хочется ничего делать. – Не забывайте, я священник... Браниться грешно, тем более в присутствии духовного лица...

Он так и не понял, произнес ли последние слова вслух.

Глава 15

Еще в детстве, глядя, как поднимается дым над кострами в кругу фургонов, как появляются на темнеющем лазурном небе холодные, равнодушные звезды, размышляя о том, что меня ждет в будущем, я остро ощутил иронию судьбы. Сколько происходило событий, на первый взгляд незначительных, а то и нелепых, важности которых я попросту не сознавал! Постигнув это в детстве, я в дальнейшем сталкивался с иронией судьбы практически беспрестанно.

На Энею я наткнулся по чистой случайности. Поначалу фигур было две, та, что пониже, молотила кулаками по груди высокой; но когда я подлетел поближе, девочка оказалась в полном одиночестве.

Мы молча уставились друг на друга. Лицо девочки выражало потрясение и ярость, глаза красные, прищуренные – то ли чтобы в них не лез песок, то ли по какой другой причине; кулачки сжаты, свитер так и норовит улететь вместе с рубашкой; темно-русые волосы (позже я разглядел, что у Энеи несколько светлых прядей) растрепались, на щеках разводы слез; тапочки на резиновой подошве – ну и обувь для путешественницы во времени! – на плече висит рюкзачок... Я, должно быть, производил впечатление безумца: коренастый, мускулистый, не слишком толковый на вид детина двадцати семи лет, лежащий плашмя на ковре-самолете; лицо скрыто очками и платком, грязные волосы стоят дыбом, одежда вся в песке...

Глаза Энеи изумленно расширились. Я не сразу понял, что ее взгляд устремлен не на меня, а на ковер.

– Залезай! – крикнул я. Мимо, стреляя на бегу, проскочили фигуры в боевых скафандрах.

Энея не обратила на меня ни малейшего внимания. Она резко обернулась, будто разыскивая существо, на которое недавно нападала. Я заметил, что руки девочки покрыты кровоточащими порезами.

– Будь ты проклят! – воскликнула она со слезами в голосе. – Будь ты проклят!

Таковы были первые слова, услышанные мною от мессии.

– Залезай! – повторил я и сделал движение, словно собираясь прыгнуть и схватить ее.

Девочка повернулась, пристально поглядела на меня и произнесла (как ни странно, вой ветра не заглушил ее слов):

– Снимите платок.

Я подчинился. В рот тут же набился песок.

Похоже, моя физиономия показалась Энее заслуживающей доверия. Девочка забралась на дрожащий, словно от возбуждения, ковер, уселась у меня за спиной; нас разделяли только рюкзаки. Я снова повязал платок и крикнул:

– Держись!

Она ухватила за край ковра.

Я отдернул рукав и бросил взгляд на хронометр. До появления звездолета над Башней Хроноса оставалось меньше двух минут. За это время, тем паче в таких условиях, мне даже не найти входа в Третью Пещерную Гробницу. Внезапно из-за дюны вывалился бронированный «скарабей», чуть не раздавивший нас всмятку; хорошо, что он круто свернул влево и принялся палить по невидимой цели.

Я прикоснулся к золотым нитям. Ковер устремился ввысь, набирая скорость. Я то и дело сверялся с компасом. Пока не выберемся из Долины, будем лететь строго на север – не хватало еще в довершение всего врезаться в стену ущелья!

Под нами промелькнуло громадное каменное крыло. «Сфинкс!» – крикнул я и тут же устыдился собственной глупости. Кому я объясняю – человеку, который только что появился из этой самой гробницы!

Прикинув, что мы должны были подняться на несколько сотен метров, я вновь прикоснулся к нитям, задавая автопилоту направление. Нас обняло силовое поле, сквозь которое все же проникали песчинки. «На такой высоте мы ни во что не вре...» Я не договорил. Из клубов пыли неожиданно вынырнул огромный скиммер. Не знаю, как мне удалось среагировать, но я успел. Ковер спикировал вниз, мы удержались на нем только благодаря силовому экрану. Скиммер пронесся мимо на расстоянии не больше метра. Попав в воздушный поток из турбины скиммера, ковер под нами заходил ходуном.

– Елки-палки, – проговорила Энея. – Вот это да!

Неужели все мессии изъясняются подобным образом?

Я выровнял ковер и поглядел вниз, пытаюсь различить хоть какой-нибудь ориентир. Зря мы забрались так высоко – ковер наверняка засекли все окрестные тактические датчики, детекторы, радары и системы наведения. Интересно, почему в нас не стреляют? Может, никак не разберутся в суматохе? Я посмотрел на Энею, которая старалась спрятать лицо от ветра за моим вещмешком.

– С тобой все в порядке?

Она кивнула. Мне показалось, что девочка плачет. Впрочем, я мог и ошибиться.

– Меня зовут Рауль Эндимион.

– Эндимион, – повторила девочка. Нет, она не плакала, глаза у нее были красные, но сухие.

– А ты – Энея... – Внезапно я понял, что не знаю, что сказать. Сверился с компасом, подкорректировал курс. Оставалось надеяться, что мы и впрямь ни во что не врежемся. А вдруг сейчас над головой возникнет плазменный выхлоп? Увы, мои ожидания не оправдались.

– Вас прислал дядя Мартин, – сказала девочка. То был не вопрос, а констатация факта.

– Совершенно верно. Мы летим... э... У Башни Хроноса нас должен ждать звездолет, но мы слегка опаздываем...

Метрах в тридцати справа вспыхнула молния. Мы оба инстинктивно моргнули и прижались к коврику. Я до сих пор не знаю, что это было – то ли действительно полыхнула молния, то ли по нам кто-то выстрелил. В сотый раз за бесконечный день я проклял того, кто не позаботился оборудовать ковер навигационными приборами: ни тебе альтиметра, ни спидометра... Судя по тому, как ревел снаружи силового экрана ветер, мы летели с весьма приличной скоростью, но точнее определить было нельзя. Этот полет напоминал мои приключения в подземном лабиринте, но там я мог хотя бы положиться на автопилот. Что ж, даже если у нас на хвосте вся швейцарская гвардия, скоро придется притормозить: впереди Уздечка с ее высоченными скалами. На скорости около трехсот километров в час мы достигнем гор и Башни Хроноса за шесть минут. Я вновь поглядел на хронометр. С момента взлета прошло четыре с половиной минуты. Если верить карте, пустыня резко обрывалась у гор. Ладно, еще минута, и...

Все произошло одновременно.

Мы вырвались из когтей песчаной бури. Она не то чтобы сошла на нет, мы просто вылетели из нее, словно выбрались из-под одеяла. Я увидел, что ковер движется вниз – или земля поднимается ему навстречу – и мы вот-вот врежемся в валун.

Энея вскрикнула. Я вцепился обеими руками в золотые нити. Сила тяжести придавила нас к коврику, но мы все-таки перелетели через валун. И тут же метрах в двадцати прямо перед нами возникла скальная стена. Тормозить было некогда.

Мне было известно, что устройство Шолохова позволяет коврику подниматься и опускаться строго вертикально и что силовой экран не дает пассажирам упасть (какая забота! Ну да, он ведь сконструировал ковер для своей ненаглядной племянницы).

Настало время проверить это на практике.

Энея обхватила меня руками за талию. Ковер пошел вверх под углом девяносто градусов. Для маневра у нас было всего-навсего двадцать метров; когда ковер наконец выровнялся,

от стены его отделяло несколько сантиметров. Я подался вперед всем телом и задрал край ковра, постаравшись не задеть левитационные нити. Энея крепче прижалась ко мне. Пока мы не перевалили через гребень, я не оглядывался – не хватало еще обнаружить, что я страдаю не только клаустро-, но и агорафобией.

Мы взмыли над гребнем – как ни странно, там виднелись каменные лестницы и террасы с горгульями, – и я выровнял ковер.

На балконах и террасах на восточном фасаде Башни Хроноса размещались посты наблюдения, детекторы и зенитные установки швейцарских гвардейцев. Вершина Башни маячила в сотне метров над нами, над нашими головами нависали каменные балконы, заполненные солдатами в боевых скафандрах.

Все до единого были мертвы. Живые в таких позах не лежат. Казалось, Башню забросали плазменными гранатами. Но боевые скафандры выдерживают и не такое, почему же их разнесло буквально вдребезги?

– Не смотри, – проговорил я, замедляя движение ковра. Мое предупреждение запоздало: Энея не сводила глаз с Башни.

– Будь ты проклят! – вырвалось у нее.

– Кто? – спросил я. Ответа не последовало. В следующий миг нам открылся сад у южного фасада Башни. Догорающие «скарабеи», рухнувший скиммер, бесчисленные мертвые тела, словно игрушки, разбросанные капризным ребенком... У затейливой изгороди догорала лучевая установка, способная уничтожить звездолет на орбите.

В шестидесяти метрах над центральным фонтаном завис в воздухе корабль Консула. Его окутывали клубы пара. Я увидел А. Беттика, который махал нам из открытого люка.

Андроиду пришлось отпрыгнуть в сторону, иначе мы бы точно врезались в него. Ковер запрыгал по коридору.

– Сматываемся! – рявкнул я. Как выяснилось, команды не требовалось – то ли обо всем позаботился А. Беттик, то ли корабль и не нуждался в приказах. Ускорение прижало нас к полу; сработали компенсаторы, окутав наши тела силовыми коконами. Взревел реактивный двигатель; со свистом рассекая атмосферу, звездолет Консула устремился прочь от Гипериона и впервые за два столетия снова вышел в космос.

Глава 16

– Долго я был без сознания? – Капитан де Сойя схватил молодого врача за лацкан кителя.
– Э... Минут тридцать-сорок, сэр, – пролепетал врач, тщетно пытаясь высвободиться.
– Где я? – Теперь де Сойя чувствовал боль – вполне терпимую, но пронизывающую все тело.

– На «Святом Фоме», сэр.

– А, транспортник... – У капитана кружилась голова. Он поглядел на свою ногу. Турникет сняли. Нога держалась непонятно на чем – кость раздроблена, мышцы порваны... Должно быть, Грегориус сделал ему инъекцию обезболивающего – не настолько сильного, чтобы полностью снять боль, но обладающего наркотическим действием. – Черт!

– Боюсь, хирурги настроены ампутировать. Правда, придется немножко подождать, сэр. Сейчас мы оказываем помощь тем, кому она нужнее всего...

– Не пойдет. – Де Сойя наконец заметил, что держит врача за китель, и разжал пальцы.

– Простите, сэр?

– Никаких ампутаций, пока я не переговорю с капитаном этого корабля.

– Сэр... Святой отец... Если вы умрете...

– Сынок, мне умирать не впервой. – Де Сойя справился с приступом головокружения. –

Меня сюда доставил мой сержант?

– Так точно, сэр.

– Он еще здесь?

– Да, сэр. Ему накладывают повязки...

– Пускай немедленно явится ко мне.

– Святой отец, ваши раны...

– Лейтенант? – уточнил де Сойя, поглядев на нашивки медика.

– Так точно, сэр.

– Ты видел папский диск? – Очнувшись, капитан перво-наперво не преминул убедиться, что платиновый диск по-прежнему висит у него на шее.

– Так точно, сэр. Вот почему мы хотели...

– Если не хочешь, чтобы тебя казнили... раз и навсегда... заткнись и пришли сюда моего сержанта.

Даже без боевого скафандра Грегориус казался великаном. Де Сойя окинул взглядом многочисленные повязки и понял, что сержант, вынося его с поля боя, рисковал своей жизнью. Учтем, но сейчас главное не это.

– Сержант!

Грегориус вытянулся по стойке «смирно».

– Приведи ко мне капитана корабля. Поторопись, иначе я снова потеряю сознание.

Капитан «Святого Фомы», средних лет лузианин, был невысок ростом, но крепко сбит, как все уроженцы Лузуса. Сверкающую лысину дополняла аккуратно подстриженная борода с проседью.

– Отец де Сойя, капитан Лемприер. Честно говоря, сэр, у меня очень много дел. Хирурги уверяют, что не спускают с вас глаз. Чем я могу помочь?

– Расскажите, что произошло. – С капитаном Лемприером де Сойя был знаком заочно: они несколько раз выходили на связь друг с другом. Говорил Лемприер уважительным тоном. – Сержант! – окликнул де Сойя, заметив, что Грегориус собирается выйти из каюты. – Останьтесь. Итак, я слушаю, капитан.

Лемприер откашлялся.

– Генерал Барнс-Эйвне погибла. Насколько можно судить, приблизительно половина швейцарских гвардейцев, находившихся в Долине Гробниц Времени, мертва. На поверхности планеты разворачиваются передвижные операционные, где оказывают помощь раненым. Мертвецов же помещают в реаниматоры, воскрешения им придется подождать, пока мы не прибудем на Возрождение-Вектор.

– Возрождение-Вектор? – переспросил де Сойя. Ему чудилось, будто он не лежит на кровати, а плавает в воздухе. Он и впрямь плавал – насколько позволяли ремни, придерживавшие его тело в лежачем положении. – Что у вас творится, капитан? Где гравитация?

– Силовой экран поврежден в сражении, сэр. – Лемприер криво усмехнулся. – А на Возрождение-Вектор мы направляемся потому, что там находится наша база. У нас приказ – по завершении операции вернуться туда.

Де Сойя засмеялся, но, услышав собственный полубезумный смех, умолк.

– Кто сказал, что операция завершена, капитан? И о каком сражении речь?

Лемприер бросил взгляд на сержанта Грегориуса. Тот смотрел прямо перед собой.

– Сэр, пострадала также десятая часть кораблей поддержки и прикрытия.

– Десятая часть? – Боль накатил волной, вызвав у де Сойи прилив раздражения. – То есть один из каждых десяти? Иными словами, потери составляют десять процентов?

– Если бы так, сэр, – вздохнул Лемприер. – Свыше шестидесяти. Погиб капитан «Бонавентуры» Рамирес и все его офицеры. Мой первый помощник тоже мертв. А на «Святом Антонии» недосчитались половины экипажа.

– Что с кораблями? – Де Сойя понимал, что через минуту-другую вновь потеряет сознание – а может, и жизнь.

– На «Бонавентуре» произошел взрыв. Уничтожена по крайней мере половина помещений на корме. Двигатель уцелел...

Де Сойя прикрыл глаза. Он прекрасно представлял себе, что такое взрыв на космическом корабле – хуже может быть, только если взорвется двигатель Хокинга. Впрочем, это означает быструю и безболезненную смерть; а когда в корпусе зияют дыры – как в его собственной ноге, – смерть оказывается медленной и мучительной.

– А «Святой Антоний»?

– Поврежден, но может передвигаться самостоятельно. Капитан Сати жив...

– Где девчонка? – перебил де Сойя, перед глазами которого поплыли черные пятна.

– Девчонка? – переспросил Лемприер. Сержант Грегориус сказал ему что-то, чего де Сойя не разобрал. В ушах звенело все сильнее. – Ах да. Объект номер один. Судя по всему, она находится на борту звездолета, который взлетел с планеты и готовится сейчас к переходу...

– Звездолет! – Усилием воли де Сойя сумел сохранить сознание. – Откуда, черт побери, он взялся?

– С Гипериона, сэр, – произнес Грегориус, не сводя взгляда с переборки. – Когда начался... гм... ПП, этот корабль занял позицию у Башни Хроноса, забрал девочку и того, с кем она прилетела...

– На чем? – перебил де Сойя.

– На чем-то вроде одноместного ТМП. Наши умники никак не могут разобраться, почему эта штука летает, если электромагнитные двигатели на Гиперионе не действуют. В общем, пока шла бойня, корабль забрал девочку и теперь разгоняется до спин-скорости.

– Бойня. – Де Сойя заметил, что у него течет слюна, вытер подбородок тыльной стороной ладони, стараясь не смотреть на искаленную ногу. – Кто устроил эту бойню, сержант? С кем мы сражались?

– Трудно сказать, сэр, – ответил вместо Грегориуса Лемприер. – Как в прежние времена... во времена Гегемонии... когда из нуль-порталов вываливались морские пехотинцы в полном

вооружении... В мгновение ока появились тысячи закованных в броню существ. Сражение продолжалось не дольше пяти минут. А потом эти твари исчезли.

Де Сойя покачал головой, чтобы отогнать подступающую тьму и расслышать хоть что-нибудь сквозь звон в ушах. Слова Лемприера казались лишенными какого бы то ни было смысла.

– Тысячи? Куда они могли исчезнуть?

Грегориус шагнул вперед:

– Не тысячи, сэр. Всего один. Это был Шрайк.

– Невозможно... – начал Лемприер.

– Это был Шрайк, – повторил чернокожий гигант, не обратив внимания на Лемприера. – Он уничтожил большинство швейцарских гвардейцев и половину экспедиционного корпуса Ордена на Экве, сбил все истребители, вывел из строя оба факельщика, прикончил экипаж звездолета «три К», оставил свою визитную карточку и благополучно смылся. И все за полминуты. Остальное доделали мы сами.

– Ерунда! – воскликнул Лемприер. Он разволновался настолько, что его лысина побагровела. – Бред сивой кобылы! Ересь! Тот, кто сегодня...

– Заткнитесь. – Де Сойе чудилось, будто перед ним открывается длинный, уводящий в неведомые глубины туннель. Следует торопиться, скоро он не сможет произнести ни слова. – Капитан Лемприер, именем Папы Римского, которого я представляю, приказываю вам связаться с капитаном Сати и передать ему следующее: пускай он примет на борт уцелевших членов экипажа «Бонавентуры» и отправляется в погоню за вражеским звездолетом... Ему надлежит засечь координаты перехода и последовать за...

– Святой отец, – не выдержал Лемприер.

– Я еще не кончил! – В ушах де Сойи грохотал водопад, он уже не видел ничего, кроме темных пятен. – Сати должен преследовать звездолет. Это приказ Его Святейшества. Он должен захватить девчонку и доставить ее на Пасем. Грегориус?

– Здесь, сэр.

– Не позволяйте хирургам прикасаться ко мне. Мой авизо цел?

– «Рафаил»? Так точно, сэр. Во время боя на нем никого не было, поэтому Шрайк его не тронул.

– А где мой пилот?.. Хироши?

– Погиб, сэр.

– Вот что, сержант... – Де Сойя с трудом различал голос Грегориуса. – Разыщите катер с пилотом и доставьте меня и своих людей...

– Их осталось только двое, сэр.

– Не перебивайте. Доставьте всех на борт «Рафаила». Корабль знает, что делать. Скажите компьютеру, что мы отправляемся в погоню за девочкой... что надо следовать за «Святым Антонием». И еще, сержант... Вы крещенные, все трое?

– Так точно, сэр.

– Тогда готовьтесь умереть и воскреснуть...

– А как же ваша нога, сэр? – Голос капитана Лемприера доносился издалека. Чудилось, будто его искажает доплеровский эффект.

– Когда воскресну, с ней все будет в порядке, – пробормотал де Сойя. Ему хотелось закрыть глаза и помолиться. Впрочем, он и так ничего не видел – вокруг царил непроглядный мрак. Собрав последние силы, не понимая, говорит ли вслух или про себя, де Сойя произнес:

– Живо, сержант! Бегом!

Глава 17

Признаться, я думал, что столько лет спустя мне будет сложно представить Энею ребенком. Боялся, что в памяти, переполненной воспоминаниями о более поздних событиях – блики света на женском теле среди ветвей орбитального леса, наша первая близость в невесомости, прогулки по висячим дорожкам Цыань-кун Су, под розовыми утесами Хуа Шань, – что в памяти не найдется места для того, что было раньше. Однако мои опасения оказались напрасными. И хотя я страшусь, что не успею рассказать обо всем по порядку, что в любую секунду послышится шипение ядовитого газа, но пропускать ничего не собираюсь. Пускай все идет как идет. Точку в моей истории поставит судьба.

Следом за А. Беттиком мы поднялись в каюту с роялем. Несмотря на громадное ускорение, силовой экран поддерживал постоянную силу тяжести. Я был вне себя от восторга – должно быть, в кровь попало слишком много адреналина. Девочка, похоже, все еще нервничала.

– Я хочу видеть, где мы находимся, – сказала она. – Ну пожалуйста.

Корабль подчинился. Стена за проекционной нишей стала прозрачной и превратилась в окно. Очертания Эквы уменьшались на глазах, лошадиную голову уже закрывали красные пылевые облака. На севере дугой выгибался горизонт. Минуту спустя Гиперион стал шаром: в разрывах облаков виднелись два из трех континентов, ослепительно сверкало Великое Море, архипелаг Девяти Хвостов окружали зеленые отмели. И вот сине-красно-белая сфера осталась позади. Да, мы ударили во все лопатки.

– Где факельщики? – справился я у андроида. – Почему нас не преследуют и до сих пор не уничтожили?

– Мы перехватываем их переговоры, – ответил А. Беттик. – У них хватает забот и без нас.

– Не понимаю. – Я принялся расхаживать по каюте, не находя себе места от возбуждения. – Эта стычка... Кто ее...

– Шрайк, – произнесла Энея, в первый раз посмотрев мне в глаза. – Мы с мамой надеялись, что этого не случится, но... Мне очень жаль. Очень-очень.

Сообразив, что девочка, наверно, не расслышала за воем ветра, как я представлялся, я уселся на подлокотник кушетки и сказал:

– По-моему, мы толком не успели познакомиться. Рауль Эндимион.

Глаза девочки заблестели. Мордашка у нее была симпатичная, несмотря на грязь на щеках и на носу.

– Я помню. Эндимион... Как в поэме.

– В какой поэме? Моя фамилия происходит от названия древнего города.

– Мой отец написал поэму под названием «Эндимион». – Энея улыбнулась. – Какой молодец дядя Мартин. Найти героя с такой фамилией!

Услышав слово «герой», я поморщился. Откровенно говоря, меня отнюдь не прельщала роль героя этой аферы.

– Энея, – проговорила девочка, протягивая руку. – Ну да, вы же знаете. – Какая холодная у нее ладошка.

– Старый поэт говорил, что ты несколько раз меняла имя.

– И снова поменяю, честное слово. – Она протянула руку андроиду. – Энея. Запутавшая во времени.

А. Беттик низко поклонился, пожал руку девочки и представился.

– К вашим услугам, мадемуазель Брон.

– Просто Энея, – поправила девочка, покачав головой. – Мадемуазель Брон звали мою маму. – И прибавила, заметив выражение моего лица: – Вы о ней слышали?

– Кто же не слышал о Ламии Брон? – пробормотал я, почему-то покраснев. – Она вошла в легенду вместе с остальными паломниками. Существует эпическая поэма, точнее, грандиозное устное предание...

– О Боже! – Энея расхохоталась. – Так дядюшка Мартин закончил свои ублюбочные «Песни»?

Эти слова меня просто шокировали. Наверно, возмущение отразилось на моем лице. Да, в покер мне ни за что не выиграть...

– Простите, пожалуйста. Кажется, вирши старого сатира стали чем-то вроде бесценного достояния Гипериона. Он еще жив, мой дядя Мартин?

– Да, мадемуазель... Энея, – отозвался А. Беттик. – Я имел честь ухаживать за ним на протяжении ста с лишним лет.

– Вы, наверное, святой, месье Беттик. – Девочка состроила гримаску.

– А. Беттик, – поправил андроид. – Нет, я не святой. Просто мы с вашим дядей давно знакомы; к тому же я большой поклонник его таланта.

– Когда мы летали из Джектауна в Град Поэтов на встречу с дядей Мартином, мне попадались антроиды, но вас среди них не было. Говорите, больше ста лет? А какой сейчас год? – Я ответил. – Понятно. – Энея погрузилась в молчание, глядя на искорку, в которую успел превратиться Гиперион.

– Так ты действительно из прошлого? – Вопрос был, конечно, глупее не придумаешь, но в тот день с моими умственными способностями явно что-то случилось.

– Разве дядя Мартин вам не объяснил?

– Объяснил. Ты бежишь от Ордена, верно?

– От Ордена? – переспросила девочка. Она подняла голову, и я увидел у нее на глазах слезы. – А что это такое? – Я моргнул. Мне и в голову не приходило, что кто-то может не знать, что такое Орден. – Выходит, всем заправляет Церковь?

– Можно сказать и так. – Не вдаваясь в подробности, я растолковал, какое место в нашей жизни занимает Церковь.

– Ясно. Мы предполагали, что нечто подобное может произойти. Значит, сны начинают сбываться...

– Какие сны?

– Не обращайтесь внимания. – Девочка встала, огляделась по сторонам, подошла к роялю и взяла несколько аккордов. – Мы на звездолете Консула.

– Совершенно верно, – откликнулся компьютер. – Я не очень хорошо помню своего прежнего пассажира, но его звали Консулом. А вы были с ним знакомы?

– Нет. – Энея улыбнулась. – С ним была знакома моя мама. Она подарила ему вот это. – Девочка показала на лежавший у трапа присыпанный песком ковер-самолет. – Консул тогда покинул Гиперион, ушел в Сеть и при мне не возвращался.

– Он не вернулся до сих пор, – сообщил корабль. – Моя память повреждена, однако я почему-то уверен, что Консул погиб. – Механический голос сделался деловым. – При выходе из атмосферы у нас запросили позывные, но больше не вызывали. Погони не обнаружено. В течение десяти минут мы выйдем из гравитационного колодца Гипериона. Жду указаний по переходу в спин-режим.

Я посмотрел на девочку:

– Летим к Бродягам? Старый поэт сказал, что ты хочешь отправиться к ним.

– Я передумала. Корабль, назови ближайшую населенную планету.

– Парвати. Расстояние одна целая двадцать восемь сотых парсека. Шесть с половиной дней по корабельному времени, три месяца объективного.

– Кажется, Парвати входила в Сеть? – поинтересовался я.

– Вряд ли, – ответил А. Беттик. – По крайней мере в последние годы перед Падением – точно нет.

– А какая из ближайших к Парвати планет раньше входила в Сеть? – продолжала расспрашивать Энея.

– Возрождение-Вектор, – сообщил компьютер. – Еще десять дней полета по корабельному времени и пять месяцев объективного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.